НЁМАН

12/2018
ДЕКАБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

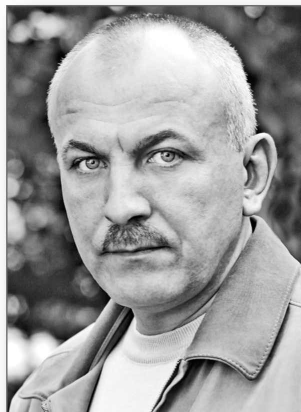
Подписано в печать 11.12.2018. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 16,97. Тираж 1163. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Анатоль КОЗЛОВ

Вопрос и многоточие, или Голос

Повесть

— В жизни не может быть сюжета, она постоянный поиск оргазма. Хотя часто боимся или не желаем в этом признаться. И попробуй не согласиться с таким выводом. Конечно, мы начинаем спорить, но сразу же чувствуем, хотя и не подаем вида, что лжем не только себе, но и *Всему миру*. Но какое нам дело до *Всего мира*, как, кстати, и ему, до нашей амебной сущности. Но все же для поиска оргазма все средства хороши. Потому что, если не достигаем, не получаем оргазма (душевного, физического, морального…), то начинаем все и всех отправлять далеко-далеко, даже без адреса… Нам тогда пофиг работа, друзья, кинофильмы, классика всемирной поэзии, политические события в стране и за ее пределами, вкусная еда на обед… Мы падаем, захлебываемся в отчаянии, нам не хочется жить, но вот и очередной взлет: пришел новый день или вечер, и все начинается сначала. Мы ищем самих себя в окружающем необъятном океане человеческих соблазнов. Мы все делаем ради оргазма: красиво одеваемся, стараемся хорошо выглядеть, не прячем вожделения в глазах. Наши пальцы чуткие, сердца горячие, губы наполненные, потому что нами движет желание любить… без всякого сюжета. Завязка-вступление, развертывание событий, кульминация могут занять считанные минуты, а может, и пару часов. Как у кого. Но сюжет не главное, апогей всему — оргазм!

От длинного монолога у Антона запершило в горле. За это время он успел выкурить пару сигарет, прикуривая одну от другой. Ирина же, подперев узенький подбородок ладонью, и не собиралась спорить. Она, видимо, осмысливала услышанное или, возможно, думала о чем-то своем. Как это узнаешь?..

На их столике в летнем кафе давно остыл кофе в чашечках, а бутерброды сморщились от жары и духоты. Обеденный перерыв еще не закончился, спешить не было смысла, и они проводили время в непринужденном разговоре. Антон с Ириной работали неподалеку, в архитектурно-проектной конторе, их рабочие стулья тесно жались один к другому. Ну и они, мужчина и женщина, как-то незаметно подружились. Именно так, подружились. А на что-то большее, нежели дружба, Антон и не решился бы в случае с Ириной. Он чувствовал к ней что-то кровное и родное, как к сестре. Даже мысль о сексе с Ириной отдавала инцестом.

— Послушай, когда ты последний раз виделся с женой?

— С какой? Конкретизируй, — лоб Антона собрался гармошкой.

— Ну, хотя бы с последней, — губы Ирины растянулись в неестественной улыбке, как у игрушки-клоуна.

— Тебе зачем это знать, девочка моя?

— Да разговор про сюжет и оргазм подтвердил мою догадку, что жены твои были холоднее, чем замороженная океаническая рыба. Интуиция подска-

зывает, что не на тех женщин ты делал ставку. Может, мне попытаться украсить твое скучное существование? — Ирина кокетливо подмигнула. — Тогда и разложется в твоей голове все по нужным полочкам…

— Ах ты, моя хорошая, неужели набиваешься в любовницы? — Антон прищурил глаз.

— А почему бы и нет? Посмотри на меня внимательнее! — Ирина привстала со стула, повернулась на пол-оборота вправо-влево. — Каждый второй парень или мужчина оглядывается, когда я иду по проспекту, да и в метро прохода не дают. Только и слышу: «Девушка, давайте познакомимся», «Ух, какая красавица!», «За одну ночь полцарства отдал бы!..» А ты морщишь нос.

— Ну, договорились! — Антон шумно выдохнул и погасил окурок в пепельнице. — Сегодня после работы поедем ко мне, — серьезно и уверенно произнес он. — Если ты пошла по рукам, как сама призналась, то чем я хуже других.

— Глупенький ты мой, — Ирина наклонилась и поцеловала Антона в щеку. — И за что я тебя люблю, сама не знаю. Но уверена, что постельное начало между нами станет концом всему другому. А все другое, — она на минутку умолкла, задумалась, — более важно для меня, чем возня на твоей легендарной тахте. Знай, что я тебя просто люблю, как идеал мужчины.

— Спасибо, хотя ты и загнула, моя красавица. Как же мне жить дальше, чтобы не испортить созданный тобой образ?

— Живи как раньше. Не исчезай. А то надумался уходить с работы. Чтоб я больше не слышала таких разговоров. В наше время дураки управляют миром. Наша дамочка не исключение. Почему сам не согласился занять это место? Тебе так настойчиво предлагали. Глядишь, по старой дружбе и мне дышалось бы вольней. — Ирина закончила и откинулась на спинку стула.

— Перестань, мое золотце, толочь воду в ступе. С нынешними гениями я не сработался бы все равно. Не место воробью среди нахальных ворон.

— Ну-ну, не кипятись, все я хорошо понимаю и вижу. Таким правильным, как ты, — не место в хищной обойме руководителей. — Ирина залилась искренним смехом. — Прости за слово «правильный». Ты самый неправильный из всех правильных, каких я только знаю. Тебе и в голову не приходит, как не нравится мне стандартность и общая серость. Бр-р-р. Ты не согласен?

Ирина с надеждой смотрела в глаза коллеге. Антон же не знал, что ответить. Ему в глубине души и самому не нравилось быть «как все», но все же прожитые годы, опыт свидетельствовали, что в общей и однородной массе легче и проще выжить. Недаром же морские и океанические рыбы собираются в косяки. Благодаря этому и выживают. С давних времен неординарных и оригинальных побивали камнями или сжигали на кострах. Теперь иные методы борьбы. А генетическая память не позволяет забыть прошедшее. Оно, прошедшее, заложено в каждую клеточку нашего тела.

Мысли, что мелькнули в голове, Антон не стал пересказывать Ирине. Всему свое время. Постижение жизненных университетов у девушки еще впереди. Зачем торопить бег времени? Она счастлива в своем неведении, пусть и поживет в иллюзорной и хлипкой оболочке своей простоты. Опыт — дело наживное.

— Да, я счастлив находиться рядом с такой неординарной зеленоглазой красавицей из Краснопольского края. — Антон подвинулся поближе к Ирине, приобнял ее за плечи. — Счастье ты мое необъятное.

— Ну, влепил — необъятное… всего лишь пятьдесят с небольшим килограммов живого веса. — Ирина отпила давно остывший кофе. — Скажи лучше, где найти стоящего кавалера. Постоянно попадаются какие-то недотепы…

— Ты же у нас поклонница оригинальности, вот тебе такие и попадаются. В чем проблема?

— Неправильно ты понял мои слова. Неординарность должна быть не столько внешней, сколько…

— Внутренней? — Антон скептически ухмыльнулся. — Знаешь, девочка, общее прошлое, или даже личное, не сунешь в полиэтиленовый пакет и не выбросишь в мусоропровод. Мы просто научились думать — как все, говорить — как все, жить — как все, и даже сексом заниматься — как все. Какой еще оригинальности тебе захотелось?

— Приехали! — Ирина поднялась из-за столика. — Время возвращаться на работу. И не притворяйся простачком. Ты очень хорошо понял, что я хотела сказать. Конечно, проще жить с песчаным счастьем за пазухой, чем стоять на вершине скалы над бездной и восхищаться упругим ветром, который подталкивает тебя в спину. Радоваться солнцу над горизонтом, которое через пару минут спрячется, и ты окажешься в абсолютной тьме. Вот и взвесь: скала, бездна, тьма — и ты один… Конечно, лучше уж песчаное счастье иметь. Никакого риска.

— Вот и пришли к общему мнению. — Антон оставил деньги под блюдечком, и они не торопясь пошагали к ближайшему подземному переходу. Суетливые горожане обходили медлительную парочку. По широкой улице проносились автомобили, большие электронные часы на фасаде заводского здания отсчитывали прожитые минуты и словно ставили точки между прошлым, прожитым — потерянным миром, и будущим, которое, не успев родиться, умирало, превратившись в уже состоявшееся. Никак не удержать секунды. Только успеешь произнести «двадцать два», а секунда, твое время, уже шмыгнула из будущего в прошлое. Абсурд? Нет, жестокая реальность…

— Хочу сегодня напиться! — Антон проговорил это как решение, которое нельзя изменить. Такое желание у него возникло только что. Оно родилось на губах. — Ты вечером никуда не собираешься? — Он покосился на Ирину. — Не хочешь составить компанию одинокому, но еще довольно привлекательному и не закомплексованному господину? Гарантирую качественные напитки, хорошую музыку и нескучное времяпрепровождение. Ты все равно в своем общежитии не засидишься. Подруги вытащат на танцульки или какую-нибудь вечеринку. Не факт, что она удастся на все сто. Со мною же ты будешь в полной безопасности, не потеряешь в очередной раз свою невинность, и утром на работе самочувствие будет лучше, чем после дешевого пойла на вечеринке. — Казалось, Антон уговаривает не столько девушку, сколько самого себя. Он уже не чувствовал уверенности в принятом решении. Ему требовалась поддержка со стороны, чтобы исключить возможность отступления.

— Конечно приду. Тем более, планов на вечер никаких. Думала, в лучшем случае выужу французскую или итальянскую комедию в Сети. Пока приготовлю ужин, фильм и скачается. Антон, ты мой герой и спаситель! — Ирина взяла его под руку. — Без преувеличения, как сокровища Соломона или ковчег Завета.

— Остынь, красавица. Я обычный мужчина, которому захотелось хорошо выпить и напоить безмозглую молодую курочку.

— Ты провокатор, Антон. Сама не знаю, за что тебя люблю. Толку мне — как от козла молока, а вот же прилипла, глупенькая баба.

— До бабы тебе еще далеко, — Антон повернул голову и, наклонившись, поцеловал колежанку в макушку. От волос Ирины пахло луговыми цветами и молодой свежестью.

Остаток дня на работе прошел как обычно: молчаливо, скучно, сосредоточенно. А раньше их контора полнилась разговорами, пылкими дружескими спорами и молодым задором. Это — при бывшем руководителе «старой школы», которого незаметно спихнули на пенсию. Назначили же на место Ефима Петровича претенциозную, амбициозную, никому не известную в среде архитекторов, серую мышь Евдокию Ивановну. Вот тогда и началось. Задуманные и уже выполненные проекты летели в мусорную корзину, договоренности и контракты ликвидировались, сталкивались лбами сотрудники, возникали споры, стычки. Одним словом — разлюли-малина. Все почувствовали себя бестолковыми куклами в руках неумелого кукловода. Правду говорят в народе, что если Бог не дал человеку ума, дьявол спешно заполнит эту пустоту никчемностью и дурью… Но кого сегодня это интересует? Контора пока еще жила, трепеща как осиновый листок. Конвульсивно доживала последние месяцы, дни. Конечно, противно встречать на дороге гиену в овечьей шкуре, в первую минуту теряешься и не знаешь, не понимаешь, кто перед тобой и что делать: почесать за ухом или дать пинка. Но такие существа очень скоро проявляют свою сущность, поскольку не могут долго скрывать клыки в черной пасти…

— Сколько ни сиди на работе, а домой идти надо, — Ирина прервала печальные размышления Антона. — Ты после обеда и слова не произнес, — добавила она. — Может, передумал вести меня в клуб?

— Знаешь, детка, в жизни человек учится без труда только одному — это разрушать себя. В этом наставники не нужны. Пойдем, пойдем мы с тобой в клуб… Хотя, правду говоря, в моей жизни настало время, когда надо говорить «нет» — любимой, друзьям, начальникам, и в первую очередь — самому себе.

— Не поняла ваших сентенций, мой господин. Что, теперь такая мода — динамить красивых девчат? Хоть распни на кресте, но я не вполне поняла: мы идем в клуб или разбегаемся по квартирам?

— Я же сказал: идем. Можем для начала заглянуть в ирландский паб. Он недавно открылся. Уверен, что туда ты еще не успела забрести.

— Вот и ошибаешься. Во-первых, я пиво не люблю. Во-вторых, Вероничка таскала меня в эту забегаловку. Там от скуки мухи дохнут. Одни пенсионеры в ирландском пабе пиво хлещут да задрипанный гитарист бренчит. А в-третьих, ехать аж до МКАДа меня как-то не вдохновляет. Интересных и стоящих нашего внимания мест и в центре города достаточно. Я верно говорю, Антон Батькович? Или скажешь, что бывают минуты, когда лучше уехать подальше от суеты центра и осушить бокал хорошего пива или порцию виски. Сразу предупреждаю: виски я тоже не пью. И точка.

Они уже вышли из офиса и двигались в сторону сквера у реки, от которой, как ни удивительно, не тянуло прохладой. Прогревшийся за день воздух казался набрякшим, тягучим от выхлопных газов авто, разогретого асфальта и потных тел двухмиллионного города. Антону и в самом деле хотелось сбежать куда-нибудь на окраину, где сохранились еще уголки кустарников и чахлых деревьев на нешироких полосках полей с рожью и кукурузой. Именно до МКАДа, где неутомимой цепью несутся автомобили.

Антону нравился ирландский паб. Его случайно пригласил туда Сержук, друг студенческих лет. Позже он несколько раз наведывался в это место один. Именно там до него дошло, что паб — это своеобразная философия. Люди туда приходят не случайные, а те, кому нравится атмосфера Ирландии, которая всю свою историю вела борьбу за независимость. Мужество и суровость ирландцев чувствовались здесь во всем: в грубоватых деревянных столах и стульях, в настенных барельефах и панно, даже в лицах барменов, не говоря

уже о напитках и блюдах. Но Ирине это место не подходило для разогрева перед посещением ночного клуба…

— Хотела с тобой посоветоваться, — девушка легонько толкнула плечиком Антона, — а может, и похвалиться: у меня новый кавалер!

— Нашла чем удивить, — равнодушно отозвался Антон.

— Ты не дослушал. Вот уж манера на полуслове перебивать. Он сотрудник КГБ.

— Надеюсь, не мой ровесник? — Антон озадаченно наморщил лоб.

— Не переживай. Ему и тридцати нет. Сейчас покажу, — Ирина замолчала и стала рыться в своей кожаной сумочке. — Подожди минутку. Ну и куда я сунула мобильник? Кто бы подсказал? — Она чем-то шелестела-бренчала во внутренностях сумки. — А, вот где он,— наконец достала телефон. — Посмотри, тайком его щелкнула.

Антон взглянул на дисплей мобильника.

— Как он тебе? — Ирина даже дыхание затаила.

— Нормальный парень… прости, мужчина. Можно сказать, что и симпатичный даже. Давно с ним диван раскачиваешь?

— Месяца три уже, — Ирина сделала вид, что последние слова не расслышала.

— Угу, — Антон подошел к скамейке у берега реки, присел. Девушка продолжала стоять. — Замуж, видно, собралась, если только теперь о нем говоришь. Пора уже, девочка, пора. Вот только не понимаю: почему со мной таскаешься, а не бежишь на встречу с женихом?

— Плюнь три раза. Придумал. Больше мне нечего делать. Просто хороший парень. И ничего больше. Не доставай меня! Хватит и того, что слышу от матери… Хоть домой не приезжай. С утра до вечера Ольга Михайловна, твоя заочная поклонница, твердит: «Когда же приведешь зятя? Кровь из носу, а в этом году должна замуж выйти. Все твои погодки по двое, а то и по трое детей имеют, а ты ходишь, как яловка». Продолжать? — Ирина присела рядом с Антоном. — Ну не хочу я еще замуж! Поверь. От одной мысли, что каждый день буду ложиться и просыпаться с кем-то, становится тошно. Не готова я к такому испытанию.

— Можно сходить и вернуться. Замужество — не ярмо, как нацепила, так и сняла. Или ты у нас католичка?

— Православная я, — девушка подняла руки вверх, потянулась. Изгиб спины подчеркнул изящество ее фигуры. — А этот, — она кивнула головой на сумочку рядом с собой, — просто так, ради настроения и времяпрепровождения. Надо же, чтобы кто-то был. Ты любишь уходить по-английски: только что был, а вот и след простыл. Я для тебя уже старуха. Потому что нашему Антону подавай двадцатилетних. Для тебя я уже в тираж вышла. Хотя мне, заметь, только двадцать шесть …

— Я не против, выходи за меня, — серьезно произнес Антон.

— Но как я приведу домой такого жениха? Вся деревня сбежится поглядеть на чудо, — Ирина звонко рассмеялась.

— Вези тогда негра, — небрежно ответил он.

— А что? Хорошая идея! Шокировать, так уж по полной программе. Вот только беда, что у матери больное сердце. Не могу я на такое пойти.

— Ольга Михайловна расистка?

— Думаю, нет. Всему виной традиционность мышления наших людей. Не привыкли пока к экзотике. Не было в наших краях такого прецедента.

— Надо кому-то начинать.

— Уволь меня от такой чести. Я очень люблю своих родных.

— Верю, — Антон привычным движением руки полез в карман джинсов за сигаретами. — Мне проще, — он щелкнул зажигалкой, затянулся. — Пора знакомств в барах и на дискотеках, тем более в ночных клубах, для меня закончилась. Хочется это признавать или нет, но факт. Пришло время встреч на танцплощадках для тех, кому за… Кстати, ты не знаешь, есть такие клубы теперь в городе? Когда-то они очень популярны были.

— Не притворяйся обделенным судьбой. Скажи лучше, почему ты перекинулся на совсем зеленых и безмозглых курочек? Это и в самом деле примета возраста?

— Согласен. Обычный самообман. Хочется набраться молодости от молодых. Зачем мне ровесницы, от которых веет разрушенной плотью и усталостью от жизни. Я хочу здоровой энергии, бездумных поступков и уверенности, что впереди вечные наслаждения. Я хочу…

— Ну-ну, — девушка забросила ногу за ногу. Узкая юбочка поползла вверх. — Почему же тогда ты сегодня не похвалил мой наряд, любитель молодняка?

— Зачем уж так? — Антон не согласился. — Я не знакомлюсь с теми, кому меньше двадцати лет…

— Что, паспорт при знакомстве требуешь? Или уже потом заглядываешь в документ… Давно хотела спросить… Ты платишь за любовь? Только честно, правду скажи…

— Дурочка.

— Так и знала, что правды не услышу.

— Ну, было однажды, — нехотя произнес Антон. И чтобы перевести разговор, заметил: — Ты всегда хорошо выглядишь, моя принцесса. Вкус отменный, несмотря на то, что родом с хутора.

— Какой хутор? У нас деревня на двести дворов.

— А такие еще есть?

— Приезжай в гости, увидишь своими глазами… А по поводу этапа знакомства я тебе вот что скажу: ты мужчина, который хорошо сохранился. И тебе не надо ничего и никому доказывать — ни себе, ни людям, а тем более — природе. Если бы у меня была разумная и практичная голова на плечах, закадрила бы тебя, не глядя на родителей, на мою деревню. Беда в том, что нравятся мне ровесники…

— Однозначно, выйдешь замуж за более молодого, чем сама, — уверенно сказал Антон. — Могу поспорить.

— Моложе себя не переношу. А тебе скажу под большим секретом: Юлька из бухгалтерии влюблена в тебя. Правда-правда. А она на два года младше меня.

— Угу, — равнодушно отозвался Антон. — Волки там, где живут, не охотятся, как и хорьки, кстати.

— Ой, — топнула Ирина каблучком по асфальту рядом со скамейкой. — Не будь таким занудой. У тебя на каждый день есть народные пословицы и поговорки. А ты не пробовал просто жить, не озираясь? Не размышляя о том, что будет, а просто жить?

— Не тот возраст у меня, — Антон печально улыбнулся. — Хотя погоди, вот сегодня мы собираемся зависнуть в клубе. И я не думаю, какой в этом резон. Что, не так? Ну скажи, зачем мне тащиться в среду к голопузой молодежи, где фонтанируют не мозги, а гормоны? Рюмку-другую могу спокойно выпить и дома. Давно ждет бутылка хорошего коньяка и граммов триста теки-

лы. Остались, так сказать, — Антон многозначительно поднял брови, — ну, с прежних времен…

— Дома? Алконавт! — Ирина осуждающе взглянула на коллегу. — А где же романтика, соответствующая атмосфера, воздух, пропахший потом, страстью и неодолимой жаждой любви? Или тебе уже достаточно рюмки, телевизора и порнушки в сети? Разочаровываешь ты меня, господин Антон. Может, еще и оставишь меня одну здесь, на скамейке в сквере? Как дешевку… А почему бы и нет? От теперешних мужчин можно ожидать любых фокусов…

— Стерва ты, Иринка, — Антон ласково обнял девушку за плечи.

— Ошибаешься, я пока только стервочка, — уточнила она. — Пойдем-ка перекусим в «Березку». Надо же где-то поужинать.

— Да, пойдем, — Антон смотрел куда-то вдаль, поверх тихоструйной реки. — Ты преподнесла мне подарок, от которого невозможно отказаться…

— И что же это? — удивленно посмотрела девушка на коллегу.

— Правду.

— С тобой не соскучишься. Ты всегда говоришь правду? Или только такую, какую хотят от тебя услышать?

— Все просто, моя милая. Дело в том, что я не вижу самого себя. И чем дальше, тем более размытый образ получается…

— Перестань плакать, — Ирина поднялась со скамейки первой. — Пока поедим, выберем клуб, чтобы оторваться.

— Конечно, — согласился Антон. — Выбор у нас обалденный, прямо как в Париже или Лондоне, ну, в крайнем случае, в Москве. Количество и качество развлечений в нашем городе просто зашкаливает.

— Зубоскаль, зубоскаль. Смотрите, люди, на это ископаемое: ему уже и город не город и клубы не клубы, — Ирина театрально уперла руки в бока, голову горделиво подняла, и казалось, через мгновение на уши мужчины выльется корыто не лучших слов. Но девушка только и произнесла: — Пойдем в «НЛО» на Коласа.

— Там только студенчество веселится…

— Как раз наша компания. Никаких возражений не принимаю. Кальянчик покурим, стриптиз посмотрим да хорошенько косточки свои разомнем. Можем и шары в боулинг побросать. Полный набор развлечений нам обеспечен. Не хуже, чем в твоих хваленых лондонах и парижах, — Ирина перебросила через плечо длинный ремешок-цепочку сумочки.

— Согласен. Как прикажешь, прекрасная панна, — Антон склонил голову. — «НЛО» так «НЛО». Предчувствую, что там нас ожидает настоящая сказка и незабываемая встреча с хорошей головной болью утром. Конечно, если еще пройдем дресс-код.

— Это я беру на себя, — Ирина загадочно подмигнула. — Никаких проблем, пользуйся, пока есть возможность. И не надо бесконечно благодарить. Ну, не надо, прекрати! — Ирина демонстративно выставила перед собой руки, будто намереваясь защищаться или кого-то оттолкнуть.

— Актриса! Я оценил твои способности. Можешь успокоиться.

…И была долгая, едва не бесконечная ночь у Ирины с Антоном в «НЛО». Такая долгая и жаркая, хмельная и веселая, что успели вылупиться и стать на крыло воробьи на техническом этаже над квартирой Антона. Созрели и словно закровянили ягоды на рябинах вдоль опушки леса, возле которого он каждый день ходил к метро, чтобы добраться до работы. Не верите, что так бывает? Напрасно. Бывает. И не такое еще случается. Просто мы привыкли к линейным сюжетам. Иной раз глядим и не видим, слушаем и не слышим…

* * *

«Я Улито-Слимак... Вон тот, что с натугой пытается переползти через песчаную дорожку, щедро усыпанную старой, прошлогодней хвоей, благо пока земля влажная от едва видимой росы, что на глазах испаряется, и мой путь с каждым мгновением становится труднее. Я обычный брюхоногий моллюск с рудиментарной раковиной. Сохрани Бог, не путайте со слизнем! Они, слизни, давно утратили свои хатки, а наш род пока счастлив, потому что всегда дома. Хоть какая-то независимость от окружающего мира. Своя ноша не тяжела, хотя и выматывает, забирает силы. Я ухожу из своей резервации, потому что мне кажется — там, за тропинкой, лучшая жизнь, вкуснее пища и вольная вольница для мыслей, мечтаний, действий и поступков. Мы же, Улито-Слимаки, гермафродиты, а мне никак не хочется оказаться в роли девочки. Дружил я с одной фифочкой с красивой раковиной и чуткими рожками-щупальцами на головке. Казалось, уже обо всем договорились: именно она откладывает яйца с нашими наследниками. Но в последний момент что-то перевернулось в ее головке, и захотелось фифочке почувствовать себя мужчиной-самцом, а мне отводилась роль самочки. Но не готов я к таким метаморфозам, да и договоры в нашем мире что-то еще значат! Короче, я пока без нежных наследников остался. Холостякую и убегаю за границу, через такую широкую лесную стежку. Хорошо, что выбрался в дорогу с первыми солнечными лучами, когда еще не много людских ног мелькает над головой. Под их безжалостными подошвами погибли уже тысячи моих родственников-вольнодумцев. Но я не боюсь. Просто однажды сказал себе: не бойся! Спешить некуда, да и зачем? Все проблемы ничтожны и не стоят внимания. Даже толстый и вонючий слизень. Он теперь ничто для меня. Надо просто жить и радоваться всему, что имеешь. Порадоваться за мою бывшую фифочку, которая теперь обязательно станет самцом и найдет себе хорошую пассию. А я счастлив свободой, что ожидает меня. Никаких проблем. Если погибну под ногой человека, который мучается от бессонницы, или от лапы бездомной собаки, что ищет поживы всегда голодному желудку — что ж… Мне никому не надо доказывать свою значительность и утешать неосуществимостью свое самолюбие. Я таков, каков есть, и иным уже не стану. Именно с пониманием этой простой истины освобождается тело от цепей робости и страха.

Я — Улито-Слимак. Обычный среди миллионов других. Возможно, лучших или худших, более крупных или мелких, более удачливых, а может, и невезучих. Там, где тепло и сыро, мне уютно. Где нет проблем с едой. Мне достаточно три раза в неделю поесть травки. Вот так просты мои требования.

Я не ищу смысл жизни. Давно не ищу. Понял однажды, что его просто не существует. Это всего лишь иллюзия, которой заполняем внутреннюю пустоту с минуты рождения. Может, и хорошо, что моя фифочка избавила меня от наследников. Зачем плодиться, чтобы стать добычей ежей, ящериц и кротов? Да и природные ресурсы из конского щавеля, земляничника, крапивы и одуванчиков в этом лесном уголке, разделяющем микрорайоны огромного города, очень ограничены. Не говоря уже о яме, в которой живет наша колония. На себе это почувствовал. И нет там воли для души. Потому и ухожу, убегаю из нашей резервации. Убегаю от всего и всех, а прежде всего от самого себя. Не удивляйтесь, случается и такое. Хвоя мешает двигаться, липнет к тельцу, уже не хватает слизи, чтобы увлажнять песчаную дорогу.

Не надо ожидать, что кто-то вернется. Никто не возвращается. Я давно понимаю это. Не возвратятся прожитые дни, друзья, что ушли, погибли, не возвратятся молодые годы. Как ни зови, не дозовешься до родителей в небы-

тии. Сладкий сон детства не возвращается, а вот боль от потерь находит место в невидимых тенетах души и вьет в ней гнездо, чтобы уж никогда не покинуть хозяина. И я убегаю. Из собственной, внутренней резервации. Правда, сомнения одолевают: буду ли чувствовать себя проще и вольготней на новом месте? О силы небесные, некто — огромный! — занес надо мной ногу. Вот подошва опускается, приближается к моему маленькому тельцу. Если бы удалось свернуть в сторону… Но как, как это сделать? Медленно, очень медленно приближается подошва сапога…

* * *

— Боже, я жив, — Антон вздохнул полной грудью и раскрыл глаза. Не поднимая головы, двинул белками глаз влево-вправо, осмотрел полумрак комнаты. Он абсолютно не помнил, где находится, но вполне сознавал, что не в своей квартире. Приподнялся на локтях. Теперь увидел, что лежит на широкой постели рядом с голой девицей и парнем. Боязливо оглядел себя. Он тоже был гол.

«Ого. А куда же исчезла Ирина? Где я, в конце концов, и с кем?» — Каждый следующий вопрос опережал предыдущий. Прислушался к себе, к своему телу. Кажется, ничего не болело, нигде не саднило. «И то хорошо, — мужчина усмехнулся. — Теперь нужно осторожно подняться, чтобы не разбудить незнакомцев, и выбраться на свободу. Так, осторожно сползаю с пружинистого ипподрома. Теперь надо найти свои вещи. Джинсы, рубашку вижу, но где нижнее белье?» Как ни приглядывался Антон, но так и не увидел ни майки, ни трусов. «Ничего, обойдусь без них».

Он собрал одежду и на цыпочках вышел в просторный зал. Прислушался. Незнакомцы сладко посапывали на необъятной кровати. Оделся, обулся, щелкнул замком входных дверей и выскользнул на лестничную площадку. Теперь только понял, что находится в старом, сталинских времен доме. Тут очень высокие потолки и широкие лестничные проходы с тремя дверями на весь этаж.

— У-ух, — мужчина с облегчением выдохнул и, мягко, как мог, ступая, начал спускаться по лестничным пролетам. — Сколько же сейчас времени? — Он машинально глянул на запястье левой руки, но часов не увидел. — Ё-моё, видно, оставил в квартире. Жаль. Но и возвращаться не хотелось. А скорее, Антон боялся. Он не хотел знать о своих вчерашних приключениях. Мало ли что могло быть... Проснулся в постели с молодой неизвестной ему парой. — Ну, ты, дядька, даешь жару! — Антон кисло усмехнулся. Голова была тяжелая, в ушах стоял монотонный гул, а желудок, казалось, кто-то безжалостными руками скручивает в рулончик. Хотелось пить. Он вышел из подъезда, огляделся и догадался, что находится неподалеку от Центрального вокзала.

— А! Что было, то было, а завтра еще не созрело, — проговорил сам себе без всякой досады и направился к ближайшему ларьку с напитками. Купил литровую бутылку минеральной воды и завернул в тенистый дворик с толстыми липами. Пристроился в затишье на полуметровой ограде, что отделяла электрощитовую от ближайшего дома. Не отрываясь, хотя газы и били через нёбо в нос, выпил половину бутылки. Икнул, прислушался к своему желудку, голове.

«Пока без изменений. И как мы вчера с Ириной потерялись? Ничего не помню. Куда она подевалась? А я был Улитой-Слимаком! Реально. Всю ночь. Когда же Ной построил ковчег? До Потопа, естественно… Надо позвонить Ирине… Опять будет жарко. Утро, а так душно. Диво-дивное, у меня случи-

лось знакомство с сексуальной парочкой, и снова они оказались призраками. Или, может, я превратился в призрак? Не хочется нам знать всей правды о себе. Нет, не хочется… Нельзя пускать жизнь на самотек. Особенно если ты не слюнтяй, а цельный, целеустремленный человек. Никто не знает, сколько для этого надо выдержки и силы. Жить в пустоте, не брать телефон, любить все и всех и ненавидеть, посмеиваться над искренними признаниями. Уходить, когда просят остаться, не замечать сочувствующих усмешек… — Антон глотнул еще минеральной воды, провел ладонью по карманам джинсов. Мобильник был на месте. Достал. Вызвал номер Ирины. Длинные гудки без ответа. Наконец: «Алло».

— Привет, мой свет, — поздоровался Антон. — Ты, слава богу, жива.

— Привет, пропавший.

— Слушай, как мы вчера в клубе расстались? Не помню, хоть убей.

— Вот и у меня то же, — Ирина помолчала. — Ты хотя бы до дома добрался?

— Нет, — нехотя признался Антон.

— Ха, и я у чужих людей оказалась. Но уже сбежала. Уши горят от стыда.

— У меня не лучше. Как такое могло случиться?

— А ты будто не помнишь? Как мы попробовали тот особо ценный гриб?

— Какой еще гриб? — Антон наморщил лоб, пытаясь хотя бы что-нибудь вспомнить.

— Да глюкоген, как я теперь понимаю. Мы же познакомились на дискотеке с веселой компанией. Хоть это помнишь, пень гнилой?

— Ну, не такой уж гнилой, если проснулся с молодой парочкой в постели, — парировал Антон.

— Вот блин, — сипло проговорила Ирина. — Ты не поверишь, утро я встретила в объятиях бородатого дядьки. Пропала в очередной раз моя невинность.

— Как такое могло произойти? Почему мы так очумели? — допытывался Антон. — И что, если попробовали этот гриб? Мозги не могли полностью отключиться.

— Добавь еще несколько крепких коктейлей, кальянчик, водочку из сумки грудастой блондинки, за которой ты очень приударял, пень гнилой, — не вытерпела, с особенным ударением подчеркнула Ирина.

— Ну, все. Пока, — остановил разговор Антон.

Ему надоело быть во вчерашних воспоминаниях. Зачем? Ничего не изменишь, что прошло, того не вернешь.

«Я человек без возраста, без лица и глуповатых амбиций. Я живу, просто живу и получаю от этого удовольствие. Просто, не зацикливаясь ни на чем, не порчу нервы ни другим, ни себе. Мне не много надо в этой жизни. Главное, не надоедайте, не донимайте глупостями, не мешайте, господа, мне жить. Мне никто и ничем не обязан. Как и я: в долг денег не прошу, не наступаю в метро на ноги пассажирам, не прошу делать мне одолжений, не прошу услуг ни у близких, ни у далеких людей, потому что главная ценность жизни — быть независимым, свободным и смелым. Быть самодостаточным — дорогая по нынешнему времени вольница, но я стараюсь оставаться таким. У меня есть работа. Кусок хлеба и уголок для жизни. И, как ни странно для других, мне этого хватает. Простая философия. Даже примитивная для кого-то. Но она моя. Выстраданная и осмысленная. Мне нравится наблюдать за людьми вокруг меня. Знакомыми и не очень. Интересно следить за коллегами, которые стараются, несмотря на

возраст, на способности, пробиваться к признанию и славе. О Боже, как же это забавно и смешно. Сколько задниц перелизано некоторыми моими коллегами, сколько желчи вылито на ближних своих… Да, да, каждому свое…»

Надо признаться, что Антону нравилось в минуты неопределенности или после хорошей гулянки «бросаться в философию». Ему хотелось найти оправдание своим поступкам и не всегда красивым действиям. А как это сделать? Конечно же, возвысившись над знакомыми тебе людьми. Простая арифметика. Тут он ничем не отличался от соседа по подъезду Пети. Которого и недолюбливал за сходство характеров.

«Каждый человек имеет допустимый предел терпения. Как, в принципе, каждая вещь. Мне еще далеко до своей межи».

Антон и не заметил, как прошагал добрый отрезок пути до станции метро. Людей на улице стало больше. Правда, чаще встречались женщины за пятьдесят. Изредка мелькали и мужчины с небритыми измученными лицами. Им, видно, было не легче, чем Антону.

— Куда и зачем спешат?

— За счастьем, — услышал Антон возле самого уха. Оглянулся, посмотрел влево-вправо — никого рядом. — Каждый за своим. Вот для тебя сейчас было бы счастьем стакан холодной воды, а вон для той женщины в косынке и короткой юбочке — селедка. Она беременна, но и сама еще не знает об этом. Или не хочет знать.

Антон остановился под каштаном с чахлой листвой, что рос около тротуара. Помотал головой, потер лоб, затылок, указательным пальцем повертел в ухе.

— Догулялся… — растерянно произнес.

— Не так все страшно, как кажется поначалу, — успокоил неведомый Голос. — Я ненароком услышал твой внутренний монолог. Мне он показался интересным, вот и начал с тобой говорить. От скуки, наверно. При всем твоем внешнем позерстве и браваде, ты человек, который достоин жалости. Но не безнадежный. Думаю, мы с тобой поладим, а может, и подружимся. Мне бы этого очень хотелось. Ты ночью хорошо спишь?

— Бессонница донимает, — ответил Антон и опять оглянулся.

— Да перестань нервничать. С тобой все хорошо. Крыша у тебя не поехала. И не шизанулся. В последнее время ты задаешь себе много вопросов, на которые не можешь дать ответа. Проще говоря, не умеешь видеть то, что лежит или находится под собственным носом. Вот и меня по этой же причине не видишь. Смирись. Всему свое время. Умей ждать, хотя ты не из этой категории людей. Не стой на месте, иди. Прохожие уже оглядываются на тебя. Насколько знаю, ты не любишь излишнего внимания к себе.

— Иду, иду я, — капризно, как в детстве, произнес Антон. — Чего кричишь? На душе тошно, а в голове хуже, чем в дурдоме. Еще и твой бестелесный голос. Как тут не оцепенеешь? Любой человек столбенеет от непонятного и удивительного.

— Ну, спорить не стану. Но ты редкое исключение. Можешь поверить на слово, не требуя доказательств. Долго я бродил по миру, нагляделся и наслушался такого, чего и в страшных снах не увидишь. Так вот, как только тебя заметил и услышал, о чем думаешь, сразу решил познакомиться ближе. Нравится мне разгадывать загадки и решать ребусы. Видишь, какой комплимент отвесил твоей скромной особе?

— Угу, — выдавил Антон.

— Мне очень понравилось твое определение самого себя: «…человек без возраста, лица и глупых амбиций». Хотя, как я знаю, ты не так давно объяв-

лял, что жизнь — это постоянный поиск оргазма… Гм… в этом что-то есть. Пускай простят нас просвещенные и амбициозные индивиды.

— Слушай, — набрался смелости Антон, — я ни к кому в прислужники не записывался. И тебе потакать не собираюсь. Мне нравится воля и независимость. Очень долго к этому шел, вытравливал в душе ростки самолюбия, тщеславия и восхищения самим собой.

— А я и не прощу мне служить, — Антон уловил растерянность невидимого собеседника. — В конце концов, мы не собаки, чтобы кому-то служить… хотя мысль твоя мне нравится. Человек — ты, в частности, должен к кому-то или чему-то стремиться, беречь, наконец, любить и, самое главное, верить. Вот я тебе и предлагаю: давай верить в Улито-Слимака, что недавно сбежал из резервации. Как тебе такое предложение?

— Почему бы и нет? Давай. Смысл в этом есть, — согласился Антон. — Слушай, а ты не будешь мешать мне жить своими надоедливыми поучениями и постоянным присутствием рядом?

— На Новый год будет очень снежно, но без сильного мороза, — ответил на вопрос Голос.

— Как тебя понять? — наморщил лоб Антон.

— Как хочешь, так и понимай…

— Мужчина, вам плохо? Может, «скорую» вызвать? — Рядом стояла круглолицая полненькая девочка-старшеклассница и озабоченно вглядывалась в его лицо. — Вы уже несколько минут держитесь рукой за сердце и шагу с места не сделали. Так вызвать «скорую»? У меня мобильник в сумочке. Подождите секунду…

— Нет, не надо. Спасибо, красавица, за заботу. Со мной все хорошо. Дай Бог тебе богатого и красивого жениха. Я просто задумался. Спасибо, спасибо, милая.

— Тогда счастливо вам, — у старшеклассницы порозовели щечки.

— Эта дурочка закончит самоубийством. Неразделенная любовь. Жаль ее, могла стать хорошей женой и заботливой матерью, — в Голосе было неподдельное сочувствие и жалость.

— Да успокойся ты, пророк бестолковый. Плетешь неизвестно что! — Антон разозлился. — Чем тебе не угодила девчонка невинная?

— Она прошла уже свой жизненный путь. И это не я сказал, — оправдывался Голос. — Твоя Ирина, с которой гулял вчера вечером, не проснется завтра утром. Ее песня спета, а лучше сказать — стих дописан. Ты хотя бы знаешь, что она писала стихи? Нет, не знаешь. Так себе, рифмоплетство. Не большая потеря для читающей публики.

От услышанного у Антона отнялась речь. Он попытался протестовать, защитить, просить за подругу, но не было сил произнести даже звук. Наконец, глубоко вдохнув, на выдохе прошептал:

— Заткнись. Ни слова больше.

А роскошный день набирал силу. Солнце уже взобралось на пятиэтажку к техническим этажам монолитных строений. Нагрелся воздух, посветлела небесная синева. Многоголосие городских звуков притихло и обмякло, будто выпустили воздух из упругого воздушного шарика, который теперь бессильно мотался, как мокрая тряпка на высохшей ветке липы. Стайки городских голубей с общественных остановок перебрались в тенистые уголки с мусорницами, а бездомные коты ленились охотиться на разомлевших птиц. Вот только у людей не было усталости. Они, как заведенные механические игрушки, толклись в автобусах и троллейбусах, спешили ко входам в метро, сновали по

плитам разогретых тротуаров. Люди спешили, спешили жить. Бегали, суетились, спорили, договаривались, радовались и печалились. Хотели большего, чем имели, и теряли свои принципы, убеждения, уверенность, самих себя. Каждому чего-то не хватало, при том, что пока имели основу основ — жизнь. Всем доволен был лишь воробей на ступеньке социальной аптеки. Он упорно, не спеша, клевал высохшую корку батона. Ему было тепло и уютно на выщербленной ступеньке. Его не донимали муки совести, не терзала сердце зависть, не разрывала внутренности жадность, не отравляло кровь желание иметь больше. Воробей жил сегодня и сейчас…

— Кто тебя обидел? Когда и за что? И главное, стоит ли это твоей обиды? — совсем неожиданно и не к месту спросил Голос. Антон на мгновение задумался.

— Не припомню. Нет, не было такого. Скорее обижал я, а не меня.

— А не кривишь ли ты душой?

— Я искренен перед собой и перед тобой, мой невидимый, но всезнающий собеседник.

— Хочу услышать правду. — Голос напрягся, как натянутый лук. — Я же знаю. Меня не обманешь. Но хочу услышать правду от тебя самого. Может быть, тогда сможешь разобраться во всем без перекосов и зазубрин. Что у тебя болит?

— Душа, — честно ответил Антон. — Я потерял со смертью матери что-то важное, самое главное, магистральное. Порой мне кажется…

— Не торопись. Есть небесное, земное и подземное, — перебил Голос. — Очень много вокруг невидимого, такого, что не возьмешь в руки, не почувствуешь на запах и вкус. Но, тем не менее, оно не перестает быть существенным, не исчезает, не превращается в ничто.

— Общие фразы, — не согласился Антон. — Я говорю о конкретном…

— Хорошо, — снова прервал его Голос. — Припомни самые счастливые моменты, связанные с матерью. Такие моменты, когда ты почувствовал, что она счастлива. По-настоящему счастлива….

— Я помню. Вечерело. Воздух пах парным молоком и спелой черникой. Недавно прошла гроза. С листьев яблонь и слив еще стекали крупные капли и звучно падали на мокрую землю. Было тихо. Еще пахло дождевыми червями, опустевшим погребом и мокрой полынью. Заканчивался третий день, как сбежала наша собака Вальтар. Так называл ее я, а мать называла просто Валетом. Мы все испереживались. Еще пахло мокрым полотном и сырой овечьей шерстью после прошедшего дождя. Овцы, бедняги, сбились стадом у хлевушка с закрытыми дверями. Здесь же, по двору, как чумные ходили куры. На западе краснела полоска неба. Над самыми верхушками леса выглядывал краешек бледного солнца. Хотя и помыла его гроза, солнце казалось уставшим, сонным, словно крупный догорающий уголек, что вывалился из печи и скоро покроется легкой, едва заметной пленкой бело-серого пепла.

Я босиком топаю по мокрой земле, несу в хату тонко наколотую топором лучину. Сделать это попросила мать. Мы с ней собираемся звать через комин нашего Вальтара. И вот на загнете печи уложена домиком смолистая лучина. Открыта после грозы юшка в комине печи. Мать чиркает спичкой. Слабый огонек освещает легкий сумрак хаты. Мать подносит спичку к лучине. Живой золотистый петушок перескакивает на смолистую щепу. В комин потянулся вьющийся дымок. Огонь усиливается, пасть комина поглощает столбик дыма.

— Наклонись над загнетом и зови в комин Валета, — говорит мать. — Кричи: «Валет, домой! Где бы ты ни был, на какой цепи ни стоял, за какими бы дверями ни прятался, домой беги! Со всех четырех лап. Пускай дым нашего огня доберется до любой щели, любой прогалины, любого уголка земли. Валет, домой!»

И я кричу в комин, зову нашего Вальтара. Дым щекочет в носу, на глаза набегают слезы, но я зову собаку сколько хватает силы в горле и воздуха в легких.

— Передохни, — после третьего раза приказывает мать. — Пускай дым с твоим голосом разойдется повсюду и достигнет ушей собаки.

— Но и ты переведи дыхание от воспоминаний, — говорит Голос Антону. — Давай зайдем в этот вот «Радзивилловский» магазинчик и прикупим бутылку пива. Посидим в безлюдном скверике, потому что не так уж далеко мы от твоего дома. После пары глотков янтарного лучше почувствуешь себя, теснее сольешься с воспоминаниями.

— Можно и пива, — соглашается Антон. Он вдруг понял, что сегодня *его день*. Тот момент, к которому шел все эти долгие и мучительные дни, недели, месяцы и годы после смерти матери. Когда каждый прожитый час растягивался в пространстве и времени, как разжеванная жвачка, цеплялся за предыдущие серые безрадостные дни. Переползал в следующие и превращался в удушающий пузырь, из которого не вырваться.

«Да, сегодня что-то должно случиться. Пока непонятно, хорошее или плохое, но и жить дальше в постоянном душевном разладе невозможно. Человек всегда стремится к определенности, конкретике и надежности. Хотя депрессия и поглотила мир. Стареет тело, стареет душа. Ну, не душа, а понимание жизни. Видишь то, чего прежде не замечал или не хотел обращать внимания. Все покупается и продается. И ты сам чувствуешь себя дешевой секондхендовской тряпкой, в которой умерли надежды не одного человека…»

— Вот этого не надо, — ворвался в мысли Антона Голос. — Думай о вещах гламурных. — Голос баском впервые захохотал. — Наслаждайся не болотной водой, а прохладой и вкусом криничной.

— Что, опять загадки? — равнодушно спросил Антон.

— Это не твоя вина, что пока ничего не понимаешь. И не напрягайся. Все придет в свое воремя. Я, кстати, уже говорил это. Заходи в магазин, — приказал Голос. — Иной раз надо уметь порадовать тело. Люди созданы для саморазрушения.

Магазин был наполовину пуст. Несколько человек слонялись среди заставленных продуктами и напитками стеллажей. Кассирши дремали на своих сиденьях, словно жабы на корягах. Антон остановился у стеллажа с пивом. Взял в руки двухлитровик, поставил на место, наклонился за полторачкой. Почитал наклейку о содержании солода и крепости. Снова не понравилось. Сунул бутылку на место и взял бутылку в виде бочечки.

— Вот то, что надо. Главное, чтоб «за выборы не падкінуў чорт аборы». Тьфу ты, не ко времени вспомнил рогатого.

— Конечно, не ко времени, — поддержал Голос. — Только зачем бояться того, что живет в каждом из вас? И у тебя тоже повыше висков рога видны. Во всяком случае, я их вижу.

— Что ты прицепился ко мне? Какие еще рога? Пропади, катись в прорву, из которой явился! — Антон произнес это просяще и громко. На него искоса глянул парень в красной рубашке и спортивных шортах. Он неподалеку рассматривал бутылки с вином.

— Успокойся. Мы же договорились, что будем дружить. А кто еще, кроме друга, скажет правду в глаза? Вот видишь! Задумался. Значит — никто.

— Имея таких друзей, как ты, не надо и врагов, — парировал Антон.

— Все будет хорошо. Доверяй мне. Да и не стой как вкопанный, иди рассчитываться.

Антон вытряхнул мелочь из портмоне, отсчитал нужную сумму, расплатился. После кондиционерной прохлады магазина на улице особенно чувствовалась жара. По всему пространству неба — ни облачка. Только жгучее солнце на все и всех. Антон почувствовал, как к мгновенно вспотевшей спине прилипла рубашка, воротничок сжал горло. Не хватало воздуха. Расстегнул две пуговицы.

«Ага, еще не хватает для полного счастья потерять сознание», — мелькнула заполошная мысль.

— Послушай, что ты говорил об Ирине? — спросил он у Голоса. — Это была неловкая шутка?

— Так не шутят, — ответил Голос.

— Тогда я позвоню ей, попрошу приехать и вообще не ложиться сегодня спать. Надо же что-то делать, действовать, прогнать эту напасть. Подскажи, как помочь ей! Ирина же молода, красива, здорова и, кажется, счастлива. Давай спасать!..

— Забудь! Твоя коллега уже на границе иного мира. Умей держать удар. Пойдем вон к тому павильону со скамейкой. Там глотнешь пива. Станет легче, не так остро будешь чувствовать свою беспомощность.

— Хватит с меня таких ударов. Не хочу больше слышать о смерти. Пусть все будут здоровы и живы.

— Пускай, — тотчас согласился Голос. — Ничего против не имею. Садись, открывай бутылку, сделай глоток, и попытаемся снова звать Вальтара. Посмотри вон на ту прогалинку между кучерявых липок. Смотри, внимательно смотри.

Антон сделал несколько глотков пива и равнодушно взглянул на просвет между липами. Неожиданно его взгляд зацепился за что-то неясное, едва уловимое, волнующееся. Он вгляделся внимательнее. Ему показалось, что воздух между липок превратился в зеркальную гладь, едва заметно разделенную трещинкой. Словно прозрачный ледок на чистой лужице, на который кто-то наступил, и во все стороны побежали тонкие паутинки трещин. В середине трещинка увеличивалась, вдруг она закружила и потянула Антона к себе.

— Я что, тоже умираю? — удивленно спросил он. — Так невероятно банально…

— Не волнуйся. Ты самый живой среди живых. Доверься и смотри… — Голос стал таким теплым, родным и близким, что у Антона на краешек глаза набежала слезинка. Она не преодолела нижнее веко, а застыла маленьким бриллиантиком…

— Зови, Антон, собаку, а то лучина догорит, — говорит мать и легонько подталкивает сына к загнету. Мальчик чувствует теплую ладонь на своей тонкой шее. Ему хорошо, просто и уютно рядом с молодой и красивой мамой. Он знает, что она его любит, жалеет и оберегает. Им нелегко живется после трагической смерти отца. Но все вместе они — мать, Антоник и сестры Валя и Нина — одолеют эту беду, выживут, поддерживая друг друга в любой ситуации. Никаким чужакам, никакой наволочи не позволят обижать кого-либо в семье. Антоник знает это, как знает и то, что в полночь прибежит их Вальтар с обрывком веревки на шее, что завтра будет новый день, а в их саду, около бани, поселится толстая черная змея из близкого к их усадьбе леса.

— Зови, сынок, еще раз, — просит мать, — а то огонек погаснет.

И парнишка зовет собаку через комин в третий раз. Его голос, соединившись с дымом, разлетается над лесной деревней, его подхватывает ветер и мчит над сосонником, березняком, над полями, лугами и болотцами к другим лесным деревням, к реке Сож. Его зов достигает ушей собаки, и та перегрызает веревку-навязку, разгребает лапами землю под неплотно сбитыми дверями хлева и стремглав несется к родному двору.

— Не будем убирать угли и пепел с загнета, пока Валет не прибежит домой, — говорит мать и поправляет косынку на темных волосах. У нее еще нет ни одного седого волоска. Лицо чистое и гладкое, без морщинок. Вот только в глазах тоска, нескрываемое отчаяние. Марине тяжело. Она не знает, как жить дальше, что делать и как поднять детей. Ей только тридцать шесть лет, и она осталась с тремя детьми. Она и трое малых. Антонику двенадцать, Вале девять, а Нине пять. Деревня. Пятьдесят соток земли. Сад, хозяйство, работа в колхозе. Руки у матери усталые, душа разбита.

«Ему теперь хорошо, лежит себе спокойненько в гробу, засыпанный желтым песочком. Никаких забот, ни как детей накормить, ни как сена накосить, как запастись дровами на зиму… Лежит себе пан-паном. — Марина присела на кушетку, стоявшую у окна. Смотрит на худенькие плечики Антоника, который не отходит от печи с догоревшей лучиной. Сын надеется вернуть пропавшую собаку. У него в душе, возможно, собака занимает больше места, чем отец. — О Боже, как я могла такое подумать?.. А что? Отец был суров с детьми. Иной раз и слишком. Не умел приласкать, скупился на ласковые и добрые слова. Дети побаивались его. Так почему Антонику не любить больше собаку, чем отца родного? Валет так привязан к сыну, с одного взгляда понимает его желания. Однако Антоник уже не дитя. Ему двенадцать. Он теперь моя опора и помощник. Рано ему брать в руки косу, а придется. И топор теперь в его руки, и пила. Как-нибудь приломается, втянется в работу парень, только бы не надорвать в начале слишком тяжелого труда. Ничего, я баба тяговитая, дитенок будет только помогать мне. Выплакала я уже все слезы по тебе, любимый… Как нам жить?» — Марина заметила, что Антоник отвернулся от печи и внимательно смотрит на мать. И она, моргнув, отогнала печальные мысли, улыбнулась сыну.

— Не волнуйся, прибежит твой Валет домой, проснешься завтра, а он уже по двору носится, тебя поджидает. Возьмешь Валю с Ниной, и вместе с Валетом сходите в лес. Соседка Надя говорит, много лисичек высыпало в березняке. Вот и насобираете по корзинке. А тут еще и гроза прошла, хорошо землю напоила, грибы попрут, как на дрожжах тесто. — Марина улыбается сыну. Парнишка радуется каждой примете радости на лице матери. Ему хочется видеть ее счастливой и радостной. Но где взять такую радость? После смерти отца на лице матери поселилась печаль. Антоник это понимает, чувствует сердцем, но не знает, как разогнать безнадежную тоску, что заполнила глубину ее глаз.

— Мам, все у нас будет хорошо. Я знаю, что так будет. — Антоник присел рядом. — Я скоро вырасту, все буду делать сам, а ты только подсказывай мне. И сестры подрастут. Они у нас добрые и умные девчата. Нам всем будет легко жить. Ты не переживай, мы же всегда с тобой и никогда тебя не бросим. Никогда-никогда, — Антоник обнял мать за плечи. Его тонкие руки будто говорили всему миру: «Я никогда и никому тебя не отдам! Пока есть ты — мы счастливы!»

— Какой ты у меня сильный, — мать попыталась высвободиться из

объятий малого. — Я знаю, что вы, мои детки, только вы, все мое счастье и смысл жизни. Ну все, отпусти, сбегай на улицу, посмотри, а вдруг Валет бежит.

Антоник, будто только и ждал этих слов, стрелой кинулся в дверь, даже и не закрыл за собой. Он знал, что Вальтар прибежит. Он будет дома. Так сказала мама, а она знала все и всегда. Правда, вот только смерть отца «проспала». Так она выражалась. Если бы той ужасной ночью она не спала, то и отец не разбился бы на машине, объехал бы тот поворот у болотца, миновал бы ее, как делал это тысячу раз, работая в колхозе шофером.

«И почему мамка спала?» — Антоник стоял за воротами своего двора и вглядывался в сумрак улицы. Никого нигде не было: ни людей, ни Вальтара. В низинках за огородами стлался туман. Он смешивался с сумраком и казался еще более густым и тягучим, нежели был на самом деле. Мать сегодня веселая и радостная. Надо завтра же рассказать это сестрам. Почему они остались ночевать у бабушки? Увидели бы своими глазами, как звали Вальтара через комин. Может, сегодня совсем не ложиться и дождаться собаку? «Сяду на крылечке и буду ждать. Вот только не хочется сердить мать. Она будет недовольна, когда узнает, что я ночь не спал. А завтра еще и по грибы идти. Люблю собирать лисички. Они желтенькие, будто цыплята. Стоит увидеть где-нибудь одну, как обязательно набредешь на целую семейку или россыпь разнокалиберных упругих грибов. Валя собирает лучше меня и места знает, где можно нарезать целую корзину. Вот только Нинку не хочется брать с собой. Никакой пользы от нее. Под ногами только будет путаться. Но не на кого оставить дома. Придется с ней по лесу таскаться. Устанет. Пускай бы оставалась у бабули на весь день… А Вальтара все нет. Значит, еще бежит домой. Подожду. Мой дорогой Вальтар, где тебя носит столько дней?»

Послышался гул самолета. Антоник запрокинул голову и всмотрелся в безоблачный и бескрайний небесный простор. Среди бесчисленных звезд он никак не мог приметить маленькую движущуюся точку. Как ни напрягал зрение, а самолета не увидел. Только серпик луны, зацепившись за дальний край темного ельника, старался взобраться на макушку небесного купола. Металлически-белый серпик прорезал натянутую ткань воздуха, упорно вспарывал ночную тьму и полз на свое, Богом отведенное место. Антоник любил молодой месяц и побаивался полнолуния, которое казалась ему расплавленным оловом в большой кружке, капля которого однажды попала ему на босую ногу. Он с соседским Юриком выплавлял из олова игрушки, выливая его в земляные формочки. Юрка не удержал раскаленную кружку, и тяжелая капля упала Антонику на ступню, между пальцами. Как же было больно! Нет, Антоник не любит полную луну, ему нравится молоденький, еще слабый месяц. Он веселый, забавный. С ним можно играть в прятки, особенно если на небе вечером или ранней ночью много облаков.

Гул самолета отдалился, затих. Месяц отцепился от ельника, сумерки превратились в черничный сироп, а Антоник, опустив голову, пошел в хату, где мать включила неяркую лампочку.

— Ах ты, мое дитя, — мать сама открыла дверь из хаты в сени, будто следила за Антоником через окно. — Говорю тебе: Валет прибежит. Попей молока и ложись спать. Я тоже пойду в постель. Что-то притомилась сегодня, хотя ничего тяжелого и не делала. А вот на душе как-то стало спокойнее, легче дышится после грозы. Что б я делала без тебя, сына? — Мать провела ладонью по коротко стриженым волосам Антоника. — Добрая у тебя душа и сердце. Тяжко будет жить с таким характером. — Женщина вздохнула. — Да ничего, что-то же будет. Поживем — увидим. Болтаю неведомо что к ночи. Не

слушай глупую бабу. Это я от нервов плету бессмыслицу. Спокойно мне рядом с тобой, Антоник. Слава Богу, день прожит. Валета мы, считай, нашли, можно и отдохнуть теперь. Выключай свет. Я пошла ложиться. И сам не засиживайся. Ноги помыл?

Антоник не ответил. Не хотелось ему мыть ноги. Ничего страшного, если и так переночует. Главное, повеселела мать. Сегодня он не видел, чтобы она плакала по отцу. За последние месяцы впервые такая спокойная и улыбчивая. Может, это благодаря хлопотам о Вальтаре? «Спасибо тебе, мой преданный друг, — мысленно проговорил Антоник, — беги скорей домой, я очень жду…»

— И утром собака оказалась дома? — услышал Антон Голос.

— Да, утром Вальтар встретил меня у крыльца. Каким же счастьем это было! А как радовалась мать!

— Вот видишь, ты с детства понял, что есть в этом мире такое, что выше человека, важнее его тщеславия и желания телесных наслаждений. А себялюбие убивает в сердцах ростки веры, разрушает гармонию мира как вокруг, так и в самом себе…

— А кому же адресованы тогда слова: «быть первым среди первых»? — прервал размышления Голоса Антон.

— Не умеешь и не хочешь ты слушать, — вздохнул невидимый собеседник. — Проходят века и тысячелетия, меняются общественные устои, технологии, а люди остаются теми же…

— Это банальности, — сказал Антон. — Они у меня уже с мочек ушей капают, как сопли из простуженного носа. Как-никак, а все мы десятилетки плюс университеты заканчивали…

— Лучше сделай глоток пива, — посоветовал Голос. — Многое ты потерял за годы в большом городе. Но пока искра настоящего не погасла. Она тлеет в глубине твоего зачерствевшего существа. Хотя и хочешь быть как все. Таким, как остальные, как каждый…

— Это защитная реакция организма, — попытался улыбнуться Антон. — В середине стада, в тесной компании себе подобных, всегда можно спрятаться за чью-то спину, да и за тобой кто-то стоит, прикрывает тылы.

— Замечательная философия. Ставлю десятку по десятибалльной системе. Только слова твои не согласуются с действиями, — задумчиво произнес Голос.

— Почему?

— А потому, что в нынешние времена наибольший героизм человека проявляется в бездействии. Ты же помнишь слова: если не можешь что-то изменить, не принимай в этом участия…

— Позиция безвольного Улито-Слимака.

— Не согласен. Это мужественные создания. Я знаю одного, который сбежал из резервации. Думаю, что со временем познакомлю вас. Это предопределенность, от которой не уйти.

— Везде вопросы и многоточия. — Антон глотнул пива. В большой пластмассовой бутылке оставалось еще пол-литра хмельного напитка. — Почему бы не высказываться яснее? Я и так выгляжу полным идиотом, который разговаривает сам с собой, прихлебывая янтарное. Подумай, это же картинка из психиатрической клиники: одинокий мужчина, не бомж, подчеркиваю, вот уже несколько часов подряд разговаривает с пустотой. Ведет довольно логичный разговор. Да, мне кажется, логичный, — Антон опять отпил из бутылки.

— Мало кто любит поучения, — после незначительной паузы произнес Голос.

— Никто не любит, — подтвердил Антон.

— А над Африкой разбился самолет, — вдруг печально констатировал Голос. — Погибло двести шесть человек.

— Гм. Ну и что? Какое мне дело до Африки и неизвестных людей? Тут выжить бы самому. Ты, невидимый доброжелатель, выводишь меня из равновесия. Я уже и не знаю, чего хочу, куда и зачем иду. Да и жив ли я, наконец?

— Ну, если пиво пьешь — однозначно жив. Покойников жажда не донимает, — попытался пошутить Голос. — Чувствую, что тебе легче стало после возвращения в лесную деревню, к матери и Вальтару. Там обильная роса на траве и очень много грибов, там и теперь твоя мать выгоняет по утрам гусей на луг к самодельному пруду-копанке с застоявшейся водой, а босоногие сестры собирают яблоки в саду прадеда. Там Вальтар игриво гоняется за бабочками. А какая там вкусная и крупная земляника, черника! Ты еще помнишь?

— Издеваешься? Летом там воля ящерицам, муравьям, стрекозам. Зимой — зайцам, лисицам, диким кабанам. И волков стало больше, говорят. Вот такая реальность. А ты мне рассказываешь сказки про землянику и бабочек. Там царит тишина и покой. Некому считать и загадывать желания в пору звездопада. Там я один брожу в бессоннице по миражам моей деревни. Хожу и боюсь прикоснуться к хатам, потрогать ворота и засовы на дверях, потому что знаю: коснувшись, нарушу идиллию, внесу в нее чужое, ненужное, лишнее. То, что может разрушить гармонию. Там беззвучно прогуливаются бестелесные предки, которые закончили свой век в деревне и для кого она была всем: и землей, и небом, и радостью, и печалью, началом и концом. Вот так.

— Ностальгируешь. Случается порой и такое, — Голос теперь звучал позади Антона. Он постоянно перескакивал из правого уха в левое, усаживался на затылок, донимал Антона отовсюду.

— А ты знаешь, что твоя мать обладала светлой силой? Ее знание шло от любви к природе и окружающему миру.

— В нашей деревне многие женщины умели лечить испуг и порчу, сводить и разводить семейные пары. Ничего в этом удивительного не вижу. — Антон сидел, забросив ногу за ногу, и теперь распрямился, сел свободней. — Мама все, что знала, применяла на пользу людям, знакомым и незнакомым. К ней приходили из дальних деревень, приезжали из Молостовки и Пропойска. Она никому не отказывала и, кстати сказать, никогда не брала плату. Люди по своему желанию могли оставить на столе только буханку хлеба.

— Она умела заговаривать огонь и пожары, а во время засухи вызывать дождь. Почему умолчал о такой способности?

— Никто полностью не знает своих возможностей. На что способен и чего можно от него ждать. Даже ты, Голос, не можешь о себе рассказать все. Большая часть останется за чертой доступного или такого, что не поддается пониманию. Можешь поправить меня, если преувеличиваю.

— Марина хорошо лечила болезни желудка и умопомрачение. Тут ей равных не было, — произнес Голос, будто и не слышал Антона. — Умела возвращать любовь к жизни тем, кто по разным причинам потерял ее. Редкие люди слышат голос тишины, голоса ночи и ветра. Она слышала и видела скрытое от многих. Просто умела внимательно глядеть, чувствовать, прислушиваться и замечать. Ты помнишь, как твоя мать вернула к жизни соседа Ивана? Его конь ударил копытом в висок. Проломил череп…

Антон неожиданно для себя рассердился. Швырнул пустую бутылку под куст и, уставившись глазами под ноги, резко заговорил:

— Почему же она не спасла отца, если была такой великой и могучей лекаркой? Почему позволила ему умереть в болоте под машиной? Почему

не проснулась той ночью и не кинулась совою к тому месту? Нет, она спала как святая!

— Не будь таким жестоким и несправедливым, — Голос наполнился стальными нотками. — Только Бог всесилен. По его воле и рождаются, и умирают.

— Ага, так ты еще и попом в церкви подрабатываешь? И как только всюду успеваешь? — Антон хлопнул ладонями по коленям. — Как же нам нравится поучать других банальными фразами и заученными штампами! Ты что-то новенькое скажи! Такое, чему я поверил бы не задумываясь и не задавал тупых вопросов!..

— Короткая нить жизни была у твоего отца. Не попрекай зря душу твоей покойной матери. Она, птаха, отдала бы свою жизнь за него. Я это видел. Не раз был свидетелем ее мольбы и просьб. Зарок давала перед первыми лучами солнца, ходила к вековому дубу на капище. А сколько молилась среди чистого поля, у голубой криницы… Я знаю, тебя мучает детская обида, что не всегда мать оставалась такой, какой ты хотел ее видеть. Забываешь, что она была еще и человеком, женщиной. Со всем богатством недостатков, непоследовательности, душевной неразберихи… Ну-ну, не стыдись, вспомни свою мелкую детскую обиду. Маленькую, с комариный носик, а все равно болезненную для души подростка. Взгляни на уголок пространства между липок, подними взгляд от утоптанной земли…

Солнечное августовское утро пахло спелыми яблоками и сушеными боровиками. Георгины в палисаднике под окнами хаты должны вот-вот раскрыть тяжелые бутоны. Над ними звенят пчелы, гудят шмели. Однако цветы не спешат делиться нектаром, а все еще накапливают силы, чтобы через несколько ночей показать в утренней свежести свекольную красоту их лепестков.

Сегодня Антоников день. Ему исполняется четырнадцать лет. Уже четырнадцать! Он, можно считать, взрослый парень. Можно по вечерам ходить в клуб на танцы, и у него над верхней губой пробивается черный пушок. Чем не жених? Все его существо переполняет гордость за самого себя.

«Теперь и Надька Шулякова иначе на меня глянет. Какая же она красивая! Она старше меня на два года, и груди у нее под платьем так и топырятся!» — Антоник от такого воспоминания даже зажмурился. Сестры, Валя с Нинкой, когда видят его рядом с Надей, не пропустят, чтобы не посмеяться: жених и невеста замесили тесто… Но что с голопузой мелкоты возьмешь? Хлопцы говорили, что Надька гуляет с Володькой из Сычина. Он уже из армии пришел. Но это не больше, чем сплетни. Не станет Надька заниматься чем-либо с сычинским Володькой. Он картавый и коротышка-карначик. До плеча Надьке, — какая из них пара? Смех да и только. Надька поглядывает на него, Антоника, шутит с ним по-взрослому, под руку берет, если встретит где-либо на улице, и заглядывает в глаза, будто что-то там хочет увидеть. Я нравлюсь девушке. Никаких сомнений. И сегодня мне четырнадцать. Хочется празднично отметить этот день. Чтобы сестры поздравили, чтобы мама купила что-нибудь вкусное в Митькиной лавке на дому. Но сестры ползают с корзинками в саду, собирают яблоки-паданки. Их некуда девать. Даже коровам надоели кисловатые антоновки. Лежат они горкой под крышей клети».

Антонику сегодня надо скосить траву между картошкой и забором. Работа — часа на три.

— А твою Надьку видели с Володькой, — выпалила Нинка, как только увидела Антоника. — Обжимались они около клуба. Всю пижму и полынь вытоптали. А Надька так охала, так охала, будто крапивой ее по ляжкам сте-

гали: «Ох, ах, Володенька, еще, еще целуй меня! — Нинка припала губами к своей загорелой руке и смачно чмокнула кожу. — Я за тебя замуж пойду, детей нарожаю, а Антоник останется с рогами, — щебетала она, оторвавшись от своей руки. — У Антоника еще дюндик не оброс, а Володька кабан яйцастый».

Брат шагнул и приложился ладонью сестре по мягкому месту.

— Чего дерешься? — насупилась Нинка. — Не я это придумала, от Кати Барановой слышала. Она все видела своими глазами и рассказывала у колодца. Я бабуле молоко носила и все слышала. А он сразу биться кидается… — Нинка скривила губки, готовая вот-вот заплакать, но сдержалась, резко повернулась и пошла вглубь сада к Вале, осторожно переступая через корни деревьев, ботву картофеля.

Настроение у Антоника мгновенно испортилось. Будто и не было замечательного солнечного утра, а сеялся бесконечный нудный осенний дождь.

«Да мало ли что могла наболтать доверчивая к слухам сестра? Ничего страшного, если и была Надька в клубе. Она девчонка серьезная. Не позволит Володьке распускать руки. А танцы вчера в клубе были под проигрыватель, это правда. И хлопцы сычинские приезжали… А чего я хочу? Надька взрослая девушка, имеет право и на танцы ходить, и с Володькой встречаться. — Обидно и тошно было на душе у Антоника. Будто нищий плюнул в лицо после того, как положили ему в руку рубль. — Ладно, мои девки еще не выросли. Вот так, Надька». — От этой мысли настроение улучшилось. Как будто легким ветром сдуло тучку, заслонявшую солнце. Далеко ли в таком возрасте от печали до радости, от разочарования к надежде?

Солнечный лучик блеснул на хорошо отклепанном лезвии косы, сверкнул в глазах юноши и разлетелся искрами в августовском прогретом воздухе. На каждом огороде возле хат виднелись небольшие участки уже вызревшей ржи или ячменя, порой выделялись желтизной участки проса, а у Матвея вздымался немаленький кусок конопли. Густой, тягучий запах ее долетал до Антоника. Таким пересеиванием хозяева давали возможность отдохнуть своим наделам от ежегодной картошки. Из Алениного огорода послышался певучий голос. Взлетел да на долгой ноте повис над деревней, на минутку затих и снова полетел в бездонную синеву: «Что ж ты, девочка, жито не жала? Что ж ты, молодочка, в борозне лежала…» Песня окутывала лесную деревеньку, заколыхивала мелодией и неспешностью. К Алениному голосу присоединились еще несколько замечательных, ни с чем не сравнимых голосов женщин, что шли с серпами на свои сотки.

Антоника каждый год зачаровывали августовские песни, что пели женщины во время сбора зерновых. Только раз в году плыли они над деревней. Голоса женщин и бабушек туго переплетались, дополняли друг друга и медленно опадали на землю. Песни всегда были тягучие, как золотистая смола на стволах могучих сосен, печальные…

— Тебе больше никогда в жизни не доведется слышать и видеть такую красоту, — словно сквозь сон донеслось до Антона. — Вместе с теми бабушками ушло и очарование августовских песен. Их простота и глубина. Мне тоже не хватает их. До жути и тоски, — признался Голос. — Но, но…

Антон почувствовал, как по его щеке сбегает слеза, крупная и очищающе светлая. Она задержалась в уголке рта, к ней присоединилась еще одна, их настигла следующая… Антон плакал. Искренне и беззвучно. Никто не видел его слез, кроме белочки, что следила за мужчиной на скамейке вот уже несколько минут. Пышнохвостая непоседа с любопытством поглядывала на

одинокого человека, который сидел ссутулившись, сунув ладони между коленями, и не пытался смахнуть с лица слезы. Он казался окаменевшим, хотя и плакал. Белке наскучила неподвижная фигура, она перескочила на другую ветку ели, а потом перелетела на расколотую молнией осину.

…Затихли голоса жней. Антоник обкосил межи огорода. Накормил сестер в полдень. Мать с работы на обед не приходила. Антоник надеялся, что она вечером придет пораньше и они вместе отметят день его рождения. Хотя и не бог весть какое событие, но только один раз в жизни исполняется четырнадцать. Сестрам он не сказал о своем дне рождения. Но сам хорошо помнит их дни. Так и должно быть.

Поев, девочки стали проситься поиграть с соседскими детьми. В их головах только прыгалки да классики, а у Антона совсем нет времени погонять футбольный мяч или забить квача.

— Да идите, не хнычьте. Только недолго, час, не больше, — наконец разрешил брат. Сестрам только этого и было надо. Их как сквозняком вынесло из хаты. Антоник убрал со стола, принес собачью миску, налил перлового супа, бросил туда оставшееся после еды и вынес во двор. Вальтар заметно постарел. Он уже не был таким непоседливым и игривым. В глазах появилась усталость и равнодушие. Даже к еде он не кидался, как прежде. Подошел к миске, принюхался, лизнул несколько раз остывшую подливку и отвернулся.

— Ты не заболел, Вальтар? — Антоник погладил собаку по голове, почесал за ушами, между глаз, коснулся влажного носа. — Если не хочешь, позже съешь. Вода у тебя стоит около будки. Не переживай, случается разное в жизни. Вот и у меня сегодня не самый лучший день рождения. Виновник торжества на месте, а поздравлять некому. Ты грустишь из-за меня, Вальтар? Не надо. Ничего страшного нет в том, что забыли об этом дне и сестры, и мама. Она утром и словом не обмолвилась, не поздравила и на обед не пришла. Вот так, мой дорогой дружок. Но мы горевать не собираемся. — Антон присел на порог крыльца. Вальтар подошел к нему и положил голову на колени, тяжело, как человек, вздохнул.

— Нам хорошо с тобой, правда? Вот посидим, отдохнем, сделаем все по хозяйству и сходим к бане покормить змею свежим молоком. Вечером по деревне прогуляемся с тобой. Может, Надьку увидим. Не все так плохо, как кажется. Верно, Вальтар?

Собака, повернув голову, взглянула на Антоника и снова вздохнула.

— Мы с тобой уже взрослые и переживать из-за глупостей не собираемся…

Августовские вечера приближаются незаметно. Кажется, солнце еще высоко, а тени яблонь уже ложатся на крыши клетей и хат. Мать все еще не пришла с работы. Сестры отпросились ночевать к бабушке. Антоник накормил и напоил дворовую живность, загнал в хлев. Оставалось накормить только змею. Налил в стакан молока и, не позвав куда-то сбежавшую собаку, пошагал по утоптанной вдоль забора стежке к бане. На улице было тихо и пусто. Не бегала детвора, не скрипели колодезные журавли, не ржали кони на пастбище. Даже яблоки не падали в картофельную ботву. Антонику такая тишина показалась странной. Это как оступиться в болото, но выбраться на берег сухим, без капли воды не только на руках и лице, но и на одежде. Просто выйти сухим из воды.

Осторожно, чтобы не нарушить окрестную тишину, Антоник открыл воротца забора и, перешагивая через разбросанные и пока не убранные дровяные щепки, приближался к бане. Он старался не испугать змею, хотел пона-

блюдать, как она подползет к угощению, коснется миски, не опасаясь, что за ней следят. Он сделал еще пару шагов и остановился: явственно услышал, что в предбаннике кто-то шепчется, возится. Прислушался. Нет, не показалось. Антоник услышал голос матери и еще чей-то, мужской, грубовато-нежный. Он замер на месте, как будто наступил на ржавый гвоздь, что пробил ногу насквозь.

— Леник, перестань. Не спеши, дай я сама. Совсем одурела баба. Ой, только бы никто не увидел нас. Донесут твоей женке, житья мне не будет.

— Что ты все время боишься? Никто нас не видел. Твоя хата с краю, а баня рядом с лесом. Кто тут будет шлындать вечером?

— Перед детьми стыдно. Матка по заугольям шастает, не думая, накормлены они или нет, вымытые или нет. Леничек, ты выпей еще чарку, а я пока освоюсь. Забыла уже, как мужик пахнет. Ой, грехи мои тяжкие, — голос у матери был виноватым.

— Ты сама пригуби для смелости. Вино расслабляет нервы. Не такой скованной будешь, посмелеешь, — мужчина хохотнул.

— Тише, Леничек, — просила женщина.

— Да уж как тише? Ну, давай, голубка моя…

Антоник узнал голос мужчины. Это был Леник из соседней деревни Каменка. Он работал на тракторе и уже не раз привозил им заготовленные дрова из лесу. Заезжал к матери и по каким-то другим надобностям. Леник был крепкий и симпатичный мужчина, разговорчивый и по натуре веселый. Антоник знал его жену и двух дочек. Он был даже приятен Антонику. Сестер мужчина часто одаривал игрушками и конфетами, а Антонику подарил зажигалку, чтобы в непогодь, когда приходила очередь пасти коров, можно было без проблем разжечь костер. Спички же, как ни прячь, отсыреют.

«Вот тебе и мамка, вот тебе и Леник, — лицо Антоника заливала жгучая краска стыда, на глазах стыли слезы. Он не знал, что делать: остаться на месте, кашлянуть или тихонько уйти от бани. Стакан с молоком дрожал в его руке, молоко стекало по пальцам на ладонь, капало на притоптанную траву. Как же было Антонику тошно, больно и обидно! Сердце его разрывалось от стыда, отвращения и отчаяния. — Как мать может так? — стучали молоточки в висках. — Неужели она так может?»

Вечер для Антоника превратился в чернейшую, чем деготь, ночь. Едва переставляя ноги, он двинулся к воротцам, затем к хате…

— Ты впервые в тот вечер напился, — сочувственно произнес Голос. — Знал, где мать прятала трехлитровую банку самогонки, налил себе полную кружку и, затаив дыхание, чтобы не чувствовать запаха вонючего напитка, давясь, глотал. Со слезами и отчаянием. Ты хотел забытья — полного и мгновенного. Считал, что алкоголь отнимет память и завтрашний день ничем не будет отличаться от прежних. Будет обычным и по-своему счастливым. В тот вечер ты навсегда избавился от сладкого вкуса детства, понял и почувствовал, что каждый день в жизни может принести невероятные неожиданности и происшествия. Что кроме физической боли есть более тяжкая — душевная, сердечная.

— Да, — согласился Антон, — даже самые близкие люди часто не понимают друг друга. Или не хотят понять. Однако время ускоряется. И то, что вчера было актуально, завтра, возможно, уже никому не понадобится. Это я говорю о своей детской обиде и черствости. — Антон отвел взгляд от пространства меж липок и, достав пачку сигарет, закурил. Легкий аромат winstona поднялся над его головой и растворился в горячем воздухе летнего дня.

— Если бы человек знал, чего хочет на самом деле, к чему стремится… Как жить правильно и что значит жить правильно?.. — философствовал Голос. — Известен только финал каждой личной драмы. Ты согласен? — Голос дернул Антона за мочку правого уха. Антон взмахом руки отогнал невидимого нахала.

— Ну-ну, спокойней. Без физических контактов.

— Нервы. Это все нервы, — произнес Голос.

— А ухо? — не согласился Антон.

— Я же сказал: нервы, — доверчиво и будто по секрету сказал Голос. — Детская обида въедлива. Как репей, она цепляется за слабую, ранимую душу, и ее тяжело вынуть из раненого сердца. Бессильно бывает даже время. Рубец остается в глубине души всю жизнь. Это обида пустая, не стоящая внимания сегодня, но она нанесена доверчивому и открытому добру сердцу, и потому так жжет и саднит и не поддается лечению. Подростку это тяжело понять. А любовь, желание не имеют правил и логики. Дороги бывают не только проселочные, но и магистральные. Тебе хотелось больше любви и внимания от родного человека, а их не всегда хватало. Они были — и любовь, и внимание, — но ты не видел этого из-за своего эгоизма. Спорить будешь? — спросил Голос.

— Зачем? Не вижу смысла в пустом споре. А соглашаться или нет — это мое личное дело. — Антону после выпитого пива стало хорошо и беззаботно. Захотелось посмеяться над Голосом, подразнить навязчивого собеседника.

— Слушай, ответь на вечный вопрос: в чем смысл жизни? — с шутовской усмешкой спросил он.

— В том, чтобы не задавать подобных вопросов, — мгновенно отреагировал Голос.

* * *

Третий раз подряд, как только он приближался к середине тропинки, чьи-то заботливые руки переносили его назад. Туда, откуда он только что выполз. Вот такая чужая забота, как говорится, не на пользу. Он устал преодолевать высушенную солнцем стежку. Песок казался наждаком для маленького создания. Силы не хватало на очередную попытку, поэтому, разглядев разлапистый куст подорожника, вполз на него и затаился. Набирался сил, думал: «Почему я такой неуживчивый? Почему всем и каждому говорю в лицо правду, то, что вижу и чувствую… Можно ведь и промолчать, поддакнуть там, где этого от тебя ждут. Похвалить позорное и бездарное. И если большинство брюхоногих принимает дурака за умника, что ж, пусть так и будет. Зачем возражать и, как мальчику из сказки, кричать, что король гол?»

Так случилось и с толстым вонючим слизнем. Никто его не любил, все в их неглубокой яме знали, что слизень тупой и примитивный, но очень амбициозный. Как люди говорят — карьерист. Самочки его не интересовали, большого ума, чтобы жить самому, природа не дала, но зато слизню нравилось управлять и рулить другими. Совсем незаметно он собрал вокруг себя команду подпевал-подхалимов. Они для своего избранника расчищали ходы, смазывали стежку, по которой намеревался ползти неуклюжий толстяк. Верили обещаниям слизняка и жили этим. Пробовал он затянуть в свою компанию и Улито-Слимака. И поначалу слова толстуна звучали правильно и убедительно. Он готов был поверить и помогать слизняку ползти из их сырой и уютной ямы в гору, к кусту папоротника с молодыми кружевными стеблями. Однако не зря ему даны голова и

глаза. Он слушал, присматривался и сравнивал обещанки-цацанки с тем, что происходило на самом деле. Их яма заполнялась стоячей водой и сухой прошлогодней листвой, земля осыпалась и оползала, самочки, наслушавшись слизняка, не желали откладывать яйца. А еще слизняк умел, как колдун, перессорить всех между собой, если чувствовал угрозу со стороны их небольшой колонии головоногих. В этом деле он был непревзойденный мастер.

«Это он, негодяй, подговорил мою фифочку, мою красавицу, мой единственный и неповторимый весенний цветок, стать самцом. Только в больную шизоидную голову слизняка могла прийти такая мысль. Слизняк любит мстить, он никому не прощает насмешек. Самолюбие у него зашкаливает. А мне нравилось с ним спорить. Никогда не соглашался с его глуповатыми и абсурдными идеями и замыслами. Говорил при всех про бездарность и ограниченность слизняка. Такое не прощается. Никогда. Вот и удираю, ползу в неизвестность. Лишь бы подальше. Чтобы не слышать и не видеть все гадости в нашей яме. Мне необходимо преодолеть эту опасную широкую стежку, сбежать из проклятой резервации. Удираю от мерзкого слизняка, былой фифочки, а прежде всего — от самого себя. Неизвестность пугает. Опасность таится на каждом сантиметре чужой земли, но желание свободы преодолевает все…»

Улито-Слимак чутко ловит все перемены в воздухе, выставив во всю длину свои рожки. Он надеется почувствовать приближение грозы или хотя бы небольшого дождя, который помог бы бедолаге преодолеть горячую стежку и оказаться, наконец, в полосе влекущей зелени на другой стороне. Пока же он чувствует только жару и зной, без единой прожилки влаги.

«Как вам нравится идея слизняка подружиться и наладить контакты с рыжими земляными муравьями? Ага, вам смешно, — неизвестно к кому обратился головоногий, — а я чувствую ужас при одной только мысли об их едкой отвратительной кислоте, которой рыжаки пстрикают на все, что попадается на дороге, а их жвалы безостановочно хватают и крошат любое живое существо. Нет, пусть уж без меня слизняк с мурашами устраивает в яме совместную счастливую жизнь».

Хочется или нет, но придется ждать вечера, когда солнце спрячется, а на землю и траву упадет чистейшая роса. Она смочит песок, ветки, хвоинки и камешки. «Тогда и переползу через стежку. А пока, чтобы не мозолить глаза, спрячусь под широкий и мясистый лист подорожника. Хорошее укрытие, жара не донимает и чужие глаза не достают». Он втянул рожки и спрятался под листком, наверху осталась только бело-серая раковинка. Она хорошо была заметна каждому, кто шел здесь и присматривался к обочине в поисках чего-либо необычного или редких лесных цветов для скромного букетика.

* * *

— На этой одинокой скамейке ты похож на старого, побитого жизнью грифа. — Нельзя было понять, радуется за Антона Голос или сочувствует ему. — Не надо было гулять и проводить время в клубах, глотать химию и литрами пить водку. Надо было задуматься о большом и значительном, а не только о телесных удовольствиях. Говорю это, понимая важность каждого слова.

— Отвяжись! Как же ты надоел! Хоть заливай уши гудроном! — Антон поудобнее устроился на скамейке, закинул руки за голову, потянулся. — Вокруг миллионы людей, а ты прицепился к моей непримечательной особе. Лучше бы донимал какого-нибудь богатенького толстосума или чиновника с проблемной совестью.

— К ним не пробьешься. Они глухие, — проговорил торопливо, словно отмахиваясь от услышанного, Голос.

— Ну, чего? Чего ты хочешь? Я и без тебя скоро сойду с ума. Ночами спать не могу, бессонница замучила. Во рту горечь от снотворных, а тут еще и ты, как короста, пристал. Оставь меня в покое, прошу тебя…

— Прекрати кривляться, — если бы у Голоса было лицо, на нем отразилось бы презрение. — Не притворяйся избалованным, неприступным барином. — Голос изменился, стал тише и мягче, словно передумал начинать ссору. — Ты заметил странную закономерность: чем больше в городе одиноких людей, тем больше появляется собак? Посмотри, сколько их гуляет вместе с бабушками и дедками, с молодыми людьми и школьниками. Вон парень с алабаем, девушка с овчаркой. И не грызутся такие звери между собой. Ладят. — Голос откровенно намекал на понимание и согласие с Антоном.

— Лучше скажи, я сегодня до своей квартиры доберусь? — недовольно проворчал Антон. — Или просижу, как беспомощный грач, до позднего вечера и прихвачу часть ночи…

— А куда спешить? — равнодушно отозвался Голос. — Придешь домой, включишь телевизор или залезешь в Интернет и начнешь тупо забивать мозги бессмыслицей. А здесь, в скверике, неподалеку от хвойной лесополосы, у нас есть возможность подумать, взвесить и понять простые вещи, до которых дойти в повседневности не хватает времени. Вот я и завернул… — Голос многозначительно хмыкнул. — Помнишь, как ты подарил матери красивый женский джемпер с первого своего заработка? Он был цвета спелого меда, грубоватой вязки, но мягонький, нежный. Мать прикладывала его к щекам и все не верила, что ей досталась такая чудесная обнова.

«Это правда мне? Я никогда не носила такой красивой кофты. Наши бабы от зависти посохнут! Мое ты дитя, наверно, все свои грошики выкинул? Не надо было покупать такой дорогой подарок. Самому нужна копейка на все. Но спасибо, сынок, спасибо…» — Голос пересказал тот давнишний эпизод из жизни Антона.

Антон помнил тот день. Начиналась ранняя весна. На улице, вдоль дороги, у заборов и вдоль лужка около леса еще лежали сугробы снега. Потемневшего и ноздреватого. Но в колеях и протоптанных стежках неторопливо бежали ручьи талой воды. Прилетели первые непоседливые скворцы и осматривали свои домики в садах. Воробьи плескались в лужицах холодной воды и тотчас выскакивали на солнце, топыря мокрые перышки. Больше стало и трещащих сорок в деревне. Они шныряли по дворам и подбирали недоеденное домашней птицей зерно. Антон как раз в такой день приехал из райцентра, где работал в одной из немногочисленных контор. Получил первую зарплату. Как ему казалось — большие деньги. Купил в универмаге самую дорогую женскую одежду. Не жалея, отдал половину заработка. Ему очень хотелось порадовать мать. Пускай и таким простым способом.

Когда шел от автобусной остановки в свою лесную деревню, а это семь километров разбитой колдобистой дороги, не переставал думать: а примет ли мать подарок? Недели три назад она очень рассердилась на Антоника из-за Надьки. Пригрозила не знаться с ним, если не прекратит встречаться с шалопутной гуленой.

«Ее таскают по заугольям все кому не лень. Никому не отказывает, а он любовь с ней крутит. Головы нет на плечах. Надумайся еще жениться на ней! Она тебе каждый год в подоле оглоедов приносить будет. Более слабой на передок девки в нашей деревне еще не было. Бросай, перестань шлындать вечерами с распутницей! Найдешь еще свое. В начале жизни стоишь…»

Антоник в тот вечер очень обиделся на мать. Она ничего не понимала. Не хотела допустить даже мысли, что он в самом деле любит Надьку. Она была у него первой женщиной. Благодаря Надьке он узнал наслаждение, мужское удовлетворение. Так сказать, стал мужчиной.

«Еще не будет у тебя отбоя от Надек, Катек да Верок…» — звучали в ушах слова матери, когда он, схватив сумку, выскочил из хаты и пешком пошел в райцентр, хотя приехал домой на все выходные. Вечерний автобус уже ушел, и парень отмахал двадцать четыре километра на своих двоих. Добрался до хозяйки, у которой снимал комнатку, поздним вечером, мокрый, обиженный и с раненым сердцем. Долгая и однообразная дорога немного приглушила, сгладила обиду на мать и ее несправедливые, как казалось, слова. Но полностью не выветрилась, не исчезла. Саднила, как натертая мозоль, душа. Хотелось справедливости. Антонику слова матери казались злым наговором. Он и сам хорошо знал Надькину легкость в поведении и доступность. Наслушался от деревенских хлопцев много. Но ведь Антоник не собирался жениться на ней. Он просто хотел ее каждый день. Ну — погулять, натешиться… А мать сразу — жениться, в подоле… Она не понимала, что и у него есть желания. Что он уже не маленький мальчик, а парень, которому хочется любви и всего того, что с этим словом связано…

Через несколько дней ссора с матерью показалась глупостью и ничтожным недоразумением. А через пару недель и вовсе смешной забавной шуткой. Однако едва заметная трещинка между ними еще оставалась. Поэтому Антоник побаивался, что мать не примет его подарок.

Каким же красивым, солнечным и счастливым был тот день ранней весны! Береста лесных березок, стоявших островком перед лугом, побелела, а ветки приобрели насыщенный бурый цвет. Мать веселая и довольная, а он, Антоник, поняв ее правоту, больше не пошел к Надьке. Девица и без него не скучала. Хорошие вести быстро разлетаются по окрестностям. Вот и про Надьку знали похотливые хлопцы и мужчины не только из их деревни, но и из соседних, ближних и дальних. Поскольку понимание счастья у каждого свое…

Последний раз Антон видел Надьку на похоронах матери. Ему было не до толстой, как дежа, и щербатой, как поломанный частокол, женщины. Но удивило иное: Надька теперь была в деревне в роли знающей все церковные каноны матушки. Она обмывала, отпевала и хоронила. У нее спрашивали, как сделать, что положить в гроб и какую молитву прочитать над покойным. Она стала незаменимым в деревне человеком. Своей в каждой хате, где еще трепетала жизнь или где она, по всем правилам природы, угасала. Антон перебросился с Надькой несколькими незначительными фразами. Любое слово казалось лишним и ненужным, пустым перед спокойным и просветленным лицом матери, которая уходила в вечность, скрестив утомленные руки на измученной болезнью груди.

Наибольшую потерю в жизни Антона никто не понимал, да и не мог понять. Потому что у каждого своя боль, которая донимает и мучает, не дает покоя. Каждый живет со своей потерей. Невидной и даже незаметной для посторонних. Она поселяется в голове, пульсирует по венам и артериям с потоками крови, наполняет глаза, выдыхается и снова вдыхается с воздухом. Кажется, что время замедляется, жизнь останавливается. Ты понимаешь, что у тебя, как у могучего дерева, обрезаны корни и теперь любой ветерок, даже самый слабый, может сломать и уничтожить тебя. Будто пустую и хрупкую яичную скорлупу. Ты краем прикоснулся к вечности, к небытию, которое

через какое-то время отступит, но может напомнить о себе в самый неожиданный момент. Днем или ночью, весной или зимой…

— Ну, не так уж все трагично. Не нравится мне твое настроение. Веселей, веселей смотри вокруг. Не хотел я нагонять на тебя такие тяжелые мысли. Мы же начинали с вспоминания о подарке матери. О ее хорошем настроении и о твоих первых познаниях в интимных делах. — Чувствовалось, что Голос извиняется перед Антоном. — Во всем нужна мера. Не важно, радость это или печаль. Ну, прикури сигарету. А хочешь, еще за пивом сходим. Здесь же недалеко. Давай!

— Не хочу.

— Смотри сам. Я по-дружески советую взять еще бутылку. Поверь, не повредит. Гарантирую, что мозги станут мягче. Проще будет говорить, да и печаль уйдет, уступит место более веселым мыслям и воспоминаниям.

— Мужчина, можно рядом с вами присесть?

Антон не заметил, как к нему подошла женщина в коротеньком домашнем халатике. Было ей немного за тридцать, русые волосы до плеч, тонкий носик. Раскосые серые глаза и ярко накрашенные губы. Худенькая, но не тощая. Женщина присела рядом.

— Простите за назойливость, но вы меня заинтересовали. Наблюдала за вами добрый час из окна вон того дома, — женщина показала рукой на дом через дорогу. — Живу на девятом этаже, три крайних окна с правой стороны. Самые белые, видите? На прошлой неделе покрасила. Вот я и увидела с балкона, что вы скучаете или некуда вам пойти. Захотелось помочь, да и веселей, как-никак, будет. Племяннику показала на вас, он тоже не против познакомиться. Подбил меня, стервец, вот и пришла. Будем знакомиться? — Женщина подвинулась поближе к Антону. — Вероника я. А если проще — Верка.

— Антон… Правда, настроение не очень способствует знакомству. — Тем не менее, Антон многозначительно взглянул на стройную и по-домашнему привлекательную женщину. — Веду утомительный диалог с неожиданным и невидимым другом. — Антон раскрыл ладони на коленях, будто сообщая, что вот он, здесь, хотя и не заметен.

— Эх, любите вы, мужчины, пошутить над нами, красивыми и одинокими. — Вероника подняла бортики халата на шее. — Хорошая сегодня погода. Даже в квартиру возвращаться не хочется. Просто сказка тут. Теперь понимаю, почему вы так засиделись на скамейке. Но в квартире все же спокойней. Не хотите заглянуть в гости? Весело проведем время. Женщина словно невзначай двинула коленом, и край халатика сполз с упругой загорелой ноги. Боковым зрением Антон заметил полоску белых трусиков, что сверкнули под верхней одеждой.

«Я будто магнит для раскованных и гулящих женщин, — мелькнуло в голове. — Вот посади рядом со мной десяток иных, не обделенных силой, мужчин и пусти дамочку выбрать себе кавалера для времяпрепровождения, она обязательно остановится около меня. А почему? Видно, все просто: я человек без лица, без возраста, без нелепых амбиций…»

«Ага, — согласился Голос. — Ты же знаешь, на что мухи слетаются. Только без обид и недовольных гримас. Она и правда выглядит неплохо. Есть у этой Вероники что-то греховно-привлекательное и одновременно отталкивающее. Не спеши спорить, присмотрись. Не всегда горб сразу заметен. Она не напоминает тебе Надьку? Прежнюю, конечно, не сегодняшнюю…»

«Все, замолчи! — приказал невидимому собеседнику Антон. — Не завидуй! Если сам ничего не можешь, то и мне не мешай. Отдохни немного, в

ушах от тебя звенит». Антон забросил руку на спинку скамейки. Наклонился к Веронике и притворно неуверенно сказал:

— Я-то не против, но ты не одна в квартире. Сама сказала: племянник у тебя.

— Он нам не помешает, — тотчас заверила женщина. — Владик хороший парень. Жаль мне его, вот и забрала к себе из поселка, от сестры. Не такой он, как все. Мы дополняем друг друга. Тетка и племянник. — Вероника виновато улыбнулась. — Я люблю свободную, ни к чему не обязывающую жизнь. Владик тоже. Мне с ним хорошо. Поверьте, это не так мало по сегодняшним временам. Затуркали парня в поселке. Нечем было дышать. Хотел руки на себя наложить. Дурачок молоденький. Надо же быть таким безмозглым в двадцать лет. Кажется, и телевизор смотрит, и Интернет есть, а он будто из позапрошлого века выполз. — Вероника закашлялась. Простите, что своими проблемами донимаю. Наболело, вот и разошлась. Ну, а Владик просто не любит женщин. Не его это. Вот и все.

— Бывает, — согласился Антон. — Природу не обманешь, она сама производит выбраковку.

— Какую выбраковку? — забеспокоилась Вероника.

— Простую. Вот задумайся: в мире сейчас семь, а может, и больше миллиардов населения. Никогда на земле не было такого количества людей. А они все плодятся и плодятся. Конца-края не видно. Что делать природе в такой ситуации? — Антон вопросительно поглядел на женщину. Она молчала и не отводила от него глаз. — Ну, стихийные беды, катаклизмы — это кардинальный способ, от которого человечеству тоже никуда не деться. Но природа-созидательница умнее нас, она ведет борьбу с перенаселением с середины, так сказать, с сердцевины. Она вынуждает заниматься любовью однополых. Им не дано продолжить свой род. Люби, удовлетворяй инстинкты, но не создавай новых потребителей. Смотри, как подброшенную природой идею подхватили иностранцы! В большинстве стран Европы и США разрешили заключать однополые браки. Дескать, пожалуйста, живите полноценной жизнью. Но не рожайте себе подобных. Так что твой Владик ничем не противоречит замыслу природы-матери. Ты молодец, что не позволила парню погубить себя. Всему свое время. — Антон умолк. Ему стало грустно и страшно от своего экспромта.

— А я и не додумалась бы, что все так сложно. Мне казалось, что Владика, как единственного ребенка в семье, сестра с мужем разбаловали. Они пылинки с него сдували, любое желание исполняли. Деревенская интеллигенция. Раньше думала, что такие, как Владик, рождаются только в больших городах, да и то в зарубежье. А когда парень признался, я онемела. Слава Богу, ума хватило не оттолкнуть от себя, а приласкать, помочь. Какой же вы толковый мужчина, — с умилением посмотрела Вероника на Антона. — Знала я, что сегодняшний день будет удачным. Не абы с каким человеком познакомлюсь. — Она машинально поправила полы халатика на коленях. Выпрямила спину и виновато улыбнулась. — Ты — ой, простите! — вы, — спохватилась женщина, — простите, что так бесцеремонно и в открытую навязывалась. Хотелось и расслабиться, и подзаработать малость. — Опять виноватая улыбка возникла на лице. — На эту скамейку часто приходят мужчины, которым хочется отдохнуть от семьи, от жены или просто заняться любовью. Это место давно мною забито. На сайте знакомств оно названо как место моих встреч. Я думала, что и вы оттуда, с сайта. Друзья Владика тоже сюда приходят. Это наша семейная скамейка. Как же я опростоволосилась. — От смущения женщина наморщила лоб и носик.

— Ничего страшного не вижу, — поспешил успокоить Веронику Антон. — Я рад знакомству. Во всяком случае, мне было интересно поговорить. В другой раз могу зайти в гости. Зачем строить из себя святошу? Я такой, как все. Люблю чарку выпить, посмеяться не против и с привлекательной женщиной простыни на кровати помять. Но сегодня не тот день. Все иду, иду, а домой никак не дойду со вчерашнего вечера. Никогда бы не поверил, что такое может случиться.

— А почему? — задала простенький вопрос Вероника. — У вас ничего не болит?

— С головой у меня все в порядке, если ты об этом, — Антон открыто, искренне улыбнулся. — Запутался я сам в себе. Заблудился в непроходимой чаще, продираюсь через прошлое к сегодняшнему.

— Кто вас поймет, — вздохнула женщина. — Говорите какими-то загадками.

— Ты замужем была?

— Сходила и вернулась.

— Не понравилось? — Антон взглянул на ухоженную и миловидную Веронику. — Женщина ты завидная. Таких просто так, без причины, не бросают.

— А кто вам сказал, что меня бросили? — Вероника передернула плечами, будто от порыва холодного ветра. — Все началось с пятидесяти копеек, — она усмехнулась. — Я люблю покурить. И много курю. А мой бывший никогда сигареты во рту не держал. Поначалу, в период вздохов и поцелуев, ему это не мешало. Я обещала, что помаленьку-полегоньку брошу. А после свадьбы, наоборот, как прорвало. По две пачки сигарет за день выкуривала. — Вероника сунула руку в карман халатика и достала пачку сигарет, зажигалку, прикурила. Это же сделал Антон. — Так вот, однажды, в конце зимы, когда неожиданно ударили морозы после оттепельных недель, я заглянула в свой кошелек и поняла, что назавтра, чтобы купить две пачки сигарет, у меня не хватает пятидесяти копеек. Знала, что Сергей скуп, изучила уже его. У нас и деньги были у каждого свои, даже продукты покупали каждый себе. Готовила я, а ели — кто что принес. Да речь о другом. Я, не подумав, попросила у Сергея, ну, моего бывшего, несчастные пятьдесят копеек. И что тут началось… Вероника вдохнула в себя едва не полсигареты. — Одних слов мало. Тут надо было слышать и видеть. Мой любимый покраснел, потом посинел, брызнул слюной и зашелся в истерике. Короче, я пятьдесят копеек не получила, а собрала сумку с кое-какими тряпками и вернулась в квартиру отца, который недолго думая через полгода помер, тихо и незаметно. Ночью.

«Вот тебе и еще одна жизненная трагедия, а может, комедия, — раздался в голове Антона Голос. — Что, не знаешь, сочувствовать или радоваться за женщину? Успокойся. Она чувствует себя неплохо. Я сказал бы — отлично. Не грустит и не ищет, как некоторые, — Голос ехидно хохотнул, — смысл жизни. Она просто живет и получает удовольствие. От всего, что видит, узнает и чувствует. Не выживает, а живет. В меру своего понимания».

Вероника что-то рассказывала, помогала себе легкими взмахами рук. Антон же слушал Голос:

— Ты привык, чуть что не так, обвинять жизнь…

— Неправда. Чушь! — отозвался Антон.

— Не верите? — встрепенулась Вероника. — Да чем хотите поклясться могу. Не нравилось мне поначалу это дело. Я просто мстила Сергею с его друзьями, знакомыми хлопцами, которые были у нас на свадьбе. А потом

вошла во вкус, да и занятие это, признаюсь, непыльное. Я по человеку сразу вижу: пристойный он или пройдоха. Абы с кем не вожусь. Вот вы — человек положительный, интеллигентный, умный. Почему с таким не провести пару часов? Или я ошибаюсь? А вы сразу — чушь!

— Прости, Вероника, это я сказал не тебе и не о тебе, — повинился Антон. Спорю в мыслях с одним надоедливым, навязчивым субъектом. Никак не могу от него отбиться. Выворачивает душу с самого утра. Боюсь, что перепил и мозги съехали набекрень. Скажи, вот случалось с тобой такое, чтоб кто-то влез в голову, забаррикадировался там и гудел, доставал, вынуждал вспомнить то, что хочется забыть. Добивается, чтобы я повинился, раскаялся, а вот перед кем — не говорит. Уже силы нет терпеть! — выговорился Антон и ждал, как отреагирует на услышанное красавица.

«Ага, нашел лекаря. Не по тому профилю обращаешься. Она хочет ласки и денег, а ты бросился исповедоваться. И все же вы чем-то похожи. Очень похожи. Я не забыл слова, которые ты произнес вчера перед Ириной. Пусть она спокойно проживет последний день… Так вот, с каким же самодовольством и позерством ты произнес: «…у жизни не может быть сюжета, она — постоянный поиск оргазма». Женщина ищет его каждый день. — Голос имел в виду Веронику. — А как же с твоим поиском и удовлетворением? Молчишь? Говорить и обещать всегда проще, чем сделать. Женщина ничего никому не обещает, она исполняет свои желания. Тихо и спокойно. Нашла для себя то, что искала. А ты? Как ты?»

«Я ищу, — мысленно ответил Антон. — Мудрость — это когда все понимаешь, но не обижаешься. Я понемногу приближаюсь к видимой, но постоянно отступающей меже».

«Ну-ну», — Голос притих.

— Человека должен кто-то ждать дома, — сказала Вероника. — Меня ждет Владик, мой дорогой племянник. В любое время дня и ночи. Хорошо, когда возвращаешься домой, а в окне горит свет. На сердце становится тепло и спокойно. Я университетов не кончала, но понимаю, что мы порой боимся потерять то, к чему привыкли. То есть, наше каждодневное. Когда мы все знаем наперед: чего можно ожидать и на что надеяться. А новое… Оно поначалу радует, обнадеживает, кажется необычным, сказочным и желанным. Таким, о котором мечтали. Тешит наше самолюбие, дескать, не такая я и серенькая, как привыкла думать. Прыгну еще выше головы… А затем приходит усталость и от нового. Оно уже не радует, а пугает. Перебирается в категорию реального… И опять — равнодушие, обыденность. Чтобы продолжать жить, мы постоянно рискуем. Во всяком случае, я. Иначе уже и не могу. — Вероника закурила новую сигарету. Затянулась на полные легкие. Так, что халатик раздался на роскошных грудях. — Не первому вам скажу: мне неинтересен один и тот же, постоянный партнер, люблю заниматься любовью всякий раз с новым. Конечно, исключения бывают, но редко. Не смотрите на меня так, словно впервые слышите такое. Признаюсь вам, потому что доверяю… Вам — тебе — надо было бы служить в церкви или стать мошенником. Сразу и определить сложно, где и кем. Я хороший физиономист. Годы отношений с вашим братом ой как многому научили. — Женщина свободной от сигареты рукой повернула голову Антона к себе. — А знаете, что у вас — у тебя — нет лица? И сколько лет по земле прошагал — не определю. — Вероника от неожиданности прикрыла рот ладонью с сигаретой меж пальцев. — Хороший киллер или шпион получился бы…

— Ого, кардинально разные специальности предлагаешь, моя неповторимая, — хмыкнул Антон. — Приятно слышать такое от незнакомой красавицы.

— Почему незнакомой? Я, как и говорила, живу вон в том доме, девятый этаж, три крайних окна, номер квартиры — сто. Можете в свой смартфончик забить мой номер. Смотришь, и пригодится. При всей сложности, жизнь очень простая штука, при условии, что правильно расставляешь акценты.

— Психологом бы тебе работать, моя ненаглядная, — улыбнулся Антон.

— А я и есть психолог, — уверенно произнесла женщина, — притом высшей категории, — она бросила фильтр сигареты в мусорницу. — При моем занятии без психологии никак. И не представляете, сколько мужчин я вернула к женам! Побудут они со мной, отойдут от повседневного быта и серости семейной жизни, расслабятся — и возвращаются к своим благоверным. Мне памятник при жизни надо ставить, — усмехнулась Вероника. — В крайнем случае, какому-то переулку присвоить мое имя. Как охранительницы семей. Да, да, не преувеличиваю нисколько.

— Идея хорошая, стоящая внимания.

— Вот так всегда, — Вероника вздохнула. — Однако хватит прохлаждаться. Если в гости ко мне с Владиком не собираетесь, то и скамейку эту не занимайте! — заявила то ли в шутку, то ли всерьез. — Распугаете всех наших кавалеров, а нам работать надо, — добавила она и поднялась, обтянула халатик на красивом теле. — Передумаете — звоните. — Вероника назвала номер. — Можно и без звонка приходить. Дом и квартиру знаете. Вы же из разведенных будете?

— Да, — ответил Антон.

— Парочка любовниц есть?

— Угу.

— А поговорить откровенно и искренно не с кем?

— Угадала.

— Я не гадаю, а знаю. Ну, пока. — Вероника не спеша пошла напрямик, по скошенной и выгоревшей на солнце траве, к дороге, за которой находилась ее девятиэтажка.

— Наговорился вдоволь? — Голос будто ждал ухода женщины. — Почему не заглянул в гости? Женщина она видная. Голова в порядке и язык не болтливый. Смотри и…

— Ты не исчез? — охнул Антон, не дав Голосу высказаться до конца. — Пожалуйста, оставь меня, наконец, в покое. Хочу тишины в голове. Ты говорил, что мы друзья. Вот и сделай дружеский поступок — исчезни. Возвращайся туда, откуда явился.

— Не переживай. Потерпи немного, и от моего присутствия не останется и воспоминания. Будешь жить, как жил.

— Неужели?

— Обещаю.

Антон повеселел. Поднялся со скамейки, взглянул в ту сторону, куда ушла Вероника. Женщины не было видно. Она, наверно, уже была дома, вместе с племянником, и следила в окно за скамейкой, к которой приходили мужчины в поисках любви и приключений.

— Каждый живет, как может. Мне она тоже понравилась. Красивая, вдумчивая, толковая женщина. Ханжой я никогда не был, и не мое дело судить кого-то. Хватает доброхотов вокруг, которые в своем глазу и бревна не видят…. — Антон медленно шагал по тропинке, которая начиналась за сквером и бежала через полосу ельника.

— Годы меняют людей, — поддержал разговор Голос. — Не забыл еще, как мысленно осуждал мать и несколько дней не мог смотреть ей в глаза?

Ну, после того случая в бане? Когда стал невольным свидетелем ее встречи с каменским Леником? Ты не мог простить ее. Не мог понять, что она имеет право на кусочек женского счастья, на его постную каплю. Ты ненавидел ее, и мать это чувствовала. Угождала тебе как могла, слова наперекор не сказала. Она догадывалась, что знаешь про ее отношения с Леником. Казалось…

— Ты преувеличиваешь, — перебил Антон, не дослушав несправедливые инсинуации надоедливого собеседника. — Мне было неловко, но ненавидеть я не мог. Несешь глупости. Конечно, мне тогда казалось, что мать уже не может любить кого-то другого, кроме отца. Неважно, что он погиб. Любовь же вечна. Да и какая любовь могла быть у матери с Леником? Это мы с Надькой имели право любить. Мы — молодые. А матери и Ленику надо детей растить, а не заниматься такой гадостью. Вот такие мысли донимали меня в то время. — Антон оправдывался перед Голосом и перед самим собой. Ему было стыдно за недотепу Антоника, за наивные детские мысли, за жестокое и мстительное поведение подростка в те далекие, светлые и горькие дни и годы.

— Не переживай, мать давно простила тебя. Она была мудрая и дальновидная женщина. Главное, что ты сам повинился перед собой.

Тропинка была тенистой и безлюдной. Изредка в зарослях крапивы вдоль обочин или кустарника подавали уставшие голоса немногочисленные птицы. Город со всех сторон окружал небольшой островок с живым лесом, наступал на него, отнимал метр за метром. Чужеродные девяти-двенадцатиэтажные серые панельные дома врезались в разбитые, обгрызенные опушки лесополосы. Но пока островок выдерживал человеческую настырность, заполнял просветы между деревьями молодыми ростками самосеек елей, березок и осинок.

Антон шел, опустив голову, упершись взглядом под ноги. О таких в деревне говорили: «Ищет утерянные копейки». Вот и Антон искал, искал свое лицо, свой возраст, искал следы матери, только однажды прошедшей по этой тропинке, когда приезжала в гости на новоселье и помолвку сына с Настеной. Мать казалась счастливой, но когда осталась с сыном наедине, сказала: «Не будет у тебя счастья с этой девкой. Не твоя она. Но поживите вместе, сам во всем разберешься. Ее жадность и завистливость как хомут лягут на твою шею. — Помолчала. — Прости, мое дитя, надо было промолчать, да вот не смогла. Одна растила и тебя, и сестер. Жаль, что не тех людей себе в пару выбираете…»

Следы матери нынче затоптаны тысячами других, но Антон надеялся распознать, рассмотреть их. Потому что родное, кровное, бесконечно дорогое и любимое дожди не смывают, снега не заметают — они остаются. Просто надо очень захотеть их увидеть, рассмотреть, почувствовать и распознать среди тысяч и миллионов других, чужих…

* * *

«Хорошо сидеть здесь, под листком подорожника с прожилками.

И удобно, и сытно. Некуда спешить, нечего переживать, что слизень выдаст очередную глупость и надо делать вид, что все жители их ямы кинулись исполнять его пожелание. — Улито-Слимак жевал стебелек заячьей капусты. — И почему я не родился пауком? — пришел в его голову с рожками нелепый вопрос. — Свил бы себе между веточек гнездо из паутины, раскинул широко сеть-мухоловку и сидел бы спокойненько, ожидал, когда захмелевшая от щедрот жизни дрозофилка или жучок попадут в приготовленную ловушку.

Да, хорошо, но пауки быстро погибают. Ветры и грозы сносят их в белый свет, съедают ненасытные птицы, и главное, нет у них нашей удивительной способности — полностью останавливать процесс старения во время спячки. Мои глаза-рожки хорошо отличают степень освещения, его интенсивность, у меня замечательное обоняние. Вот слышу садовые запахи. Или это кусочек яблока? Сейчас переползу немного вперед и съем. Мне надо расти, крепнуть. — Он выполз из-под листа подорожника, светло-серая раковинка теперь была заметна каждому, кто шел по тропинке. Его просто нельзя было не заметить: светлое на темно-зеленом. — Ой, кто-то меня тронул, поднял, держит высоко над землей! — Улито-Слимак испуганно втянул головку с рожками-глазками в раковинку. — Вот гад, заворачивает меня во что-то широкое и большое. По запаху ощущаю, что это лист конского щавеля. Это неплохо. Значит, сразу съесть не собирается. И зачем я бежал из резервации? Как всегда, думаешь, что хорошо там, где нас нет. Темно и неуютно. Тесно и безнадежно. Кто-то несет меня в неизвестность. Больше никогда не увижу нашу яму с противным слизнем. Хотя и мерзкий, и двуличный, и подлый был он, но я мог там жить. Может, и моя фифочка передумала бы превращаться в самца. Там, в яме, я знал — что, почему, зачем, как... В знакомой среде легче выжить. А теперь никто не подскажет, куда меня несут. Почему? Я же хотел так мало — свободы и понимания — такого простого счастья …

От переживаний и неуверенности раковинка наполнилась липкой слизью. А может, так плачут Улито-Слимаки? От безвыходности, безнадежности, отчаяния… Он был уверен, что жизнь закончена, что никто уже не сможет спасти его и опустить в некогда опостылевшую, душную, а теперь милую и добрую яму. К предательнице фифочке и дубинноголовому хаму слизню.

Человеческие полчаса показались вечностью, бесконечностью. Улито-Слимак уже не надеялся на счастливое окончание своего авантюрного бегства из ямы. Он смирился. И с нежностью вспоминал лучшие минуты своей жизни в лесу. Всплывали яркие моменты, связанные с фифочкой, вспоминал других поселенцев ямы, что принимали жизнь радостно, без философских размышлений и фокусов. Они добывали пищу, плодились, расползались по ближним кустам и кустикам, купам и пучкам травы, по редким грибным местам и ягодникам, но всегда возвращались домой. Туда, где явились на белый свет. Теперь Улито-Слимак понимал, что для счастья одной свободы мало. Нужно что-то большее, чем свобода, а именно — чувство родины. Родины и всего, что с ней связано. Небо и солнце, воздух и вода, запах утренних трав… Каждое существо должно иметь свою яму, а свобода… она внутри. Она дается от рождения, и никто ее не может отнять!

«Наконец, меня достали из тьмы. Разворачивают конский щавель, и вот он — свет!» — Улито-Слимак осторожно высунул головку из раковины, затем один глаз-рожок, другой, осмотрелся. Под собой почувствовал гладкую поверхность, прозрачную и прохладную. Прополз. Опять осмотрелся. Нет, это был не лес. Иные, незнакомые запахи. И свет был иной, не такой, как прежде. Однако теперь он не волновался, волнение он уже пережил в бесконечные недавние минуты. Прополз в одну сторону — наткнулся на прозрачную стену, повернул и пополз назад — и снова прозрачная стена. Недолго думая он пополз вверх по прохладной прозрачной поверхности, оставляя за собой легкий слизистый след. Ему нравилось двигаться по такой гладкой и удобной поверхности. Здесь не попадались песчинки и камешки, сухие ветки, острая, как колючки ежей, трава. Ползать по такой поверхности — радость и удовольствие.

«Я нашел свою свободу и счастье, — подумал он, но в это время чья-то рука взяла его за раковинку и опустила на прозрачное дно. — Неужели эта прозрачная яма будет теперь моим жилищем?» Животворная частица внутри Улито-Слимака уснула, но не умерла. Потому что всегда остается шанс сбежать. Хотя бы от самого себя…

* * *

— Молодец, что послушался и забрал его с дороги, — похвалил Голос Антона. — Вижу, много общего у вас. Ему будет хорошо в пустом аквариуме. Только не закрывай наглухо стеклянной крышкой. Брось новому семейнину горсть травы. Я не без причины просил нарвать зелени. Все ему, твоему Слимачку, на пропитание. — Голос не поучал, просто подсказывал. — Обязательно вымой руки, собираешься пить кофе, а пальцы в слизи. Она содержит защитные вещества, значит, в принципе может вызвать у тебя кожное раздражение или аллергию.

— Ты обещал оставить меня в покое, как только переступлю порог квартиры, — заметил Антон невидимому собеседнику. — Ну вот, я уже дома, а ты в гостях. Кстати, непрошеный, — подчеркнул он.

— Все я помню. Успокойся. Квартира у тебя хорошая. Мне нравится. И домовичок живет за холодильником. Добрый, сердечный и ласковый домовичок. Он не пошел ни к одной из сестер после смерти матери, а прибился к тебе. Что ему делать в опустевшей хате? На девятый день, после поминок, забрался в твою сумку с вещами и приехал, поселился в твоих стенах. Ты же ночами слышишь, как он вздыхает, как закручивает краны, чтобы не капала вода, как играет с солнечными зайчиками у зеркала… Но чаще всего грустит, особенно в твои бессонные ночи. Прячет сигареты и спички, а ты подозреваешь гостей-клептоманов. Поливает кактусы на подоконнике и драцену на полу. Если бы не домовичок, они бы давно засохли.

— Может, и правда, — согласился Антон. — Моим любовницам не до цветов, домовичок их мало интересует. Не говоря уж об Улито-Слимаке, которого ты навязал мне.

— Человек должен жить заботами о других, — учительским тоном произнес Голос. — Я тебя с самого утра вел к этому живому существу. Не обращай внимания на разницу между вами, а подумай о похожести. Конечно, каждый делает ошибки, — Голос отдалялся и затихал. — Моя ошибка была — встретить тебя, а твоя — потерять меня.

Антон с удовольствием пил кофе, сидя на диване, и сосредоточенно наблюдал за Улито-Слимаком в аквариуме для рыбок. Домовичок наблюдал за ними обоими из-за кресла у балконной рамы, поглаживая мягкую, как хорошо вытрепанный лен, бородку. Не хватало в их компании только Голоса. Он и знака не оставил о себе. Да и был ли он вообще, никому невидимый Голос?

Есть Антон, есть Улито-Слимак. А кто видит домовичка?..

Перевод с белорусского Олега ПУШКИНА.

Казимир КАМЕЙША

А в декабре здесь снова побелело

Березовая ностальгия

Под аркой высокой смолистой сосны
Я памятью грустной опять возвращаюсь
На краешек светлой, далекой весны,
Где соком березы напиться пытаюсь.

Я так неудачно приделал лоток —
Ведь раньше ни разу не делал подсочки.
И смотрит зеленым намеком листок
С набухшей и хмурой, как опухоль, почки.

«Ты сделай, как дед твой когда-то учил:
Туда, где светлее, иди на поляну
И где-то у самого пня подсочи,
И сам же потом залечи эту рану.

Затянется рана слезою своей
И лето ее берестой забинтует.
Со старой березы ты пей, не жалей,
Зато пощади, не губи молодую.

Нахлынула сумрачных зим седина,
Возможно, ее мы накликали сами.
И сладкие весны сбежали от нас,
Сбежали, уплыли в былое ручьями.

А время за нами сжигает мосты.
Усталым бродягой иду я по свету.
Усталому мне бы глоток доброты —
А может, ее на земле уже нету?

К березке с ведром подойду в тишине,
А память горчит, как посыпана перцем.
И в кружке одна только горечь на дне,
И горечь в моем растревоженном сердце.

Я в этом мире не одинок

Как доктор Фауст, я неоднократно
Зачем-то время задержать мечтал,
А сам года растрачивал напрасно
И век свой на мгновенья разменял.

Нет, не ищу себе я оправданий,
Хоть был тщеславен на свою беду.
По узенькой тропе воспоминаний
Я на свиданье в прошлое иду.

Мой шаг за мною кто-то повторяет —
Ему любые горы по плечу.
Моя ж зима упрямо наступает,
Хочу того я или не хочу.

Уверен в том, что в этой жизни каждый
Свой из ошибок опыт извлекал,
А я, беспечный, в жизни не однажды
На те же грабли снова наступал.

Надеялся, что справиться смогу я
С любой бедой, но только, как всегда,
Одна беда вела беду другую,
И беды все — одна моя беда.

Но не сломался — выдержал экзамен,
Грехи свои в единый грех собрав,
Я, как Сизиф, качу наверх свой камень,
Года в минуты преобразовав.

Белые яблони

От цвета яблонь все в саду кипело,
И замер мир — какая здесь краса!
А птиц незримых дружная капелла
В такт сердцу выводила голоса.

И всем хватало в мире белой пудры,
Связала всех добра и света нить.
И юным простакам, и старцам мудрым
Хотелось этот миг остановить.

Но нет, нельзя остановить мгновенье:
В цепи движения — оно звено,
Хоть умоляй, хоть падай на колени,
Не нарушает мерный ход оно.

Поднялся ветер, грозен и неистов,
Цветы развеял, скрылся в камыше.
Исчезла вся волшебная лучистость,
Оставила осадок на душе.

И та, что нежно целовала в губы,
Ушла к другому в сказочные сны.
Сгорали все — любимый и нелюбый —
В том белом грустном пламени весны.

А в декабре здесь снова побелело
И ветки цвет холодный обернул,
А то, что по весне еще болело,
Умчалось вновь сквозь время в ту весну…

Опять воткнутся в горизонт борозды,
И клин печальный тронется в полет.
Вновь будут падать яблоки и звезды,
И платье с плеч покорных упадет.

Пойду я вслед за яблонею белой
За призрачный, далекий небокрай,
Где раньше все сияло и кипело,
Где прежде был обетованный рай.

Случайная гостья

Дачники уедут в воскресенье,
Опустеют шумные дворы,
Стихнут песни, шутки и веселье,
Не с кем будет и поговорить.

Кошка подойдет — глаза в печали —
Два зеленых фосфорных огня,
Где-то ее сильно напугали,
Ты ее за дверь не прогоняй.

Понимаю, сердцем понимаю,
В жизни нашей столько серых дней.
И ее как гостью принимаю —
Одиноким вместе веселей.

Память, словно книгу, я листаю,
Возвращусь в давно минувший день,
И на сердце давний след растает,
Упадет с души сомнений тень.

Вот уже темнеет понемногу.
Как-то на душе нехорошо…

Безучастно смотришь на дорогу —
Ты по ней уйдешь, как и пришел.

Робинзон

Мне оно приснилось не сегодня,
Да сегодня это и не сон.
Бродит он по отчужденной зоне,
Всеми позабытый робинзон.

Свой он зверю, тишине и ночи,
И берданке старой на сучке.
Свой топор и с бритвы ножик точит
На черненом старом оселке.

По слезе читает все приметы
И живет. Пока хватает сил.
Бороду, что осмолил за лето,
Он зимой метелью забелил.

Дни его недаром здесь летели:
Делом занят он не первый год —
Вот наплел корзин на две артели
И на третью скоро наплетет.

Здесь горчат ветра и даже звуки,
Здесь прогоркли мысли и слова,
Горькие, как горечь от разлуки,
И земля, и воздух, и трава.

Пахнет и берлогой, и бадягой —
В этой зоне свой давно озон.
И собаку, и кота-бродягу
Позовет на ужин робинзон.

В шалаше из мягких лапок место
Приготовит он себе для сна.
И приснится жениху невеста,
Что ему судьбою суждена.

Вот она с ним на пороге храма
Легкая, как перышко само.
Повторяет нежно и упрямо:
«Обними меня, любимый мой».

Обнимает звон пчелиный зону —
Ах, какой здесь скрипок унисон!
Спит он. Не будите робинзона,
Сладкий сон так любит робинзон.

Окно

В оконной раме вижу свой портрет,
Как будто отражение в бокале,
Я понимаю, что меня там нет,
И чувствую себя как в Зазеркалье.

Смеялось, пело, плакало окно,
И звало, коль с пути сбивался путник,
Молилось Богу за меня оно,
Как ангел мой хранитель и заступник.

На нем мороз узоры рисовал
Так виртуозно, что приятно глазу.
Замысловато, даже Марк Шагал
Таких картин не рисовал ни разу.

Над тем окном во тьме горит звезда,
С утра его разбудит трелью птица.
И пуща Налибокская всегда,
Всю жизнь в него, как в зеркало, глядится.

Мой путь тернист и противоречив:
Блуждал во тьме — а сам стремился к свету,
Да ведь не нужен этот негатив
Как человеку мне и как поэту.

Меня уже давно в том доме нет —
Я в городе огромном поселился.
Тот новый мир смотрел окном мне вслед,
И облик мой в окне отобразился.

Издалека, через года оно
Все будет для меня во тьме светиться.
Так страшно, что когда-то в то окно
Крылом с бедою постучится птица.

Когда на глаз усталого окна
Ночная мгла не торопясь садится,
Там сгорбленная тень моя видна,
Что у крыльца уныло суетится.

Горька на вкус пыль жизненных дорог,
Но оттого она еще дороже…
Давно забыл меня родной порог.
А вот окно никак забыть не может.

Перевод с белорусского Михаила КУЛЕША.

Раиса ДЕЙКУН

Рассказы

Похатница

После Великой Отечественной войны этот поселок при железнодорожной станции прямо гудел от людского шума, детского визга и смеха. В нем насчитывалось около пятисот дворов — дымов, как говорили старшие его жители. По количеству дымов над хатами велся настоящий учет хозяйств. Они хорошо виднелись, особенно зимой, и свидетельствовали о пребывании в хатах-домах их жителей. Когда же у кого утром дым не вился над дымоходом, ближайшие соседи начинали волноваться. Бросив свои дела, они бежали узнать: что случилось? Такая привычка была в каждой деревне в округе. В поселке — тоже. Пока он, как и более мелкие поселения вокруг, со временем (а скорее всего, из-за Чернобыля) не опустел. После того лиха дымов над поселком становилось на глазах все меньше и меньше, и их можно было уже пересчитать по пальцам.

— Дожили: даже дымов над трубами не видать, — печально кивали головами один другому поселковцы, встретившись в единственном «живом» магазине (раньше их было до десятка разного калибра).

— Почему же не видать? Десятка с два еще наберется на этой стороне, а на улице за переездом дым видать ежедневно у Елены-Похатницы, — возражал чей-то голос.

«За переездом» — так жители четырех улиц, которые составляли основу поселка, называли пятую — улицу, которая выводила через десяток километров по лесу на шоссе Хойники—Речица. На ней когда-то густым двусторонним рядом новых послевоенных хат, а теперь значительно поредевшим (одни рассыпались от времени, другие были раскатаны по бревнышку и перевезены в другие места, ближе к большим городам), и правда, дым шел-вился из дымохода только в одной. Будто наперекор всем стихиям, он регулярно вздымался в небо по утрам и вечерам и виднелся издалека. Даже с платформы-остановки поездов. И каждый раз редкие пассажиры из местных, сойдя на перрон с утреннего автобуса, который последнее время бегал по ветке из Гомеля на Хойники, оглянувшись вокруг, удовлетворенно говорили один другому:

— Видишь, у Елены-Похатницы дым идет из трубы? Значит — живая еще, слава Богу!

Похатницей между собой звали одну из коренных жительниц поселка — семидесятилетнюю Елену Шугалей. Благодаря ей немного позже, когда остановка пустела, еще из трех хат на улице, где она проживала, начинал виться дымок.

Кличка «Похатница» прилепилась-приклеилась к Аленке еще с детства. Голодного, послевоенного. Вместе с матерью, которую односельчане прозвали вместо Мария Марилей с добавкой — вдова, она жила в старенькой довоенной хатке. Та досталась ее матери от умерших в войну родителей. Сразу же после войны Мариля-вдова, как и многие в поселке девчата и молодые женщины, вышла замуж за одного из пациентов находившегося в поселке интерната для инвалидов войны. Михаил был с одной ногой, на костылях. Через год у молодой пары родилась девочка — Аленка. За няньку в хате оставался отец-инвалид, а Мариля работала стрелочницей на станции. Когда девочке миновало три годика, Михаил умер от гангрены уцелевшей ноги. Так что малая Аленка была предоставлена сама себе. Изредка, в то время, когда не было поездов, в так называемые «окна», мать прибегала покормить ее чем-нибудь и снова бежала на работу. За ребенком, правда, присматривала старая соседка Земиха, которую Мариля угощала кое-чем, перепадавшим ей, как железнодорожнице, из вагона-лавки. Но когда старая Земиха, натопавшись, ложилась отдохнуть, Аленка вышмыгивала на улицу и бегала по хатам, рассчитывая что-нибудь в тех хатах получить из еды, потому что есть она хотела все время. Кто из деревенских баб давал ребенку вареную в шелухе картофелину, кто — краюшку чего-то похожего на хлеб, кто — сухого вьюна, кто — холодный блин из натертой картошки.

В тот день она умудрилась сбежать от приболевшей бабки три раза. Когда третий раз за день она прибежала «гулять» к соседской подружке Зинке, то в самый раз попала на ужин, а перед этим, соответственно, на завтрак и обед. Достатка в хате родителей Зинки особенного не было: трое детей, да самих взрослых двое. Каждая картофелина, краюха хлеба или кусок сахара были на учете тогда в каждой семье. Мать подружки, которую на улице звали Никитиха, не то чтобы была злой или жадной, но когда в доме на стол подается все поштучно… А в тот день она была еще и не в настроении, потому что муж Никита, который работал на местном обозоколесном заводе, пришел с работы мало того что на подпитии, так еще и без ожидаемой премии, на которую так надеялась хозяйка. А тут еще Аленку третий раз за день пришлось сажать вместе со своими детьми за стол. Малышка хорошо около него управлялась: и за последним драником с тарелки она протянула руку первая…

— Гулянница! Ей бы только по хатам бегать! — не удержалась в тот раз мать Зинки, после того как Аленка, съев то, что ей перепало, тут же перехотела «гулять» и побежала из хаты. В окно было хорошо видно, как девочка исчезла за калиткой других соседей. — Пока не оббежит все хаты на улице, в свою не зайдет. Вот же похатница! — говорила-злилась Никитиха, перемывая посуду.

Назавтра уличная детвора, перешептываясь, обзывала Аленку «Похатницей» и показывала на нее пальцами. Оказалось, это Зинка «по секрету» рассказала одной подружке, а та — другой. И пошло-поехало. Аленка тогда была малая, еще в школу не ходила, и потому не обратила никакого внимания на то прозвище.

Новости в поселке расходились мгновенно, как в любом небольшом населенном пункте. Новая кличка, которую получила ее малая дочь, дошла и до ушей Марили. Мать Аленки вскипела: она сбегала к соседке и хорошо с ней поругалась. Малой же дочери своей строго-настрого приказала «не летать по хатам», а особенно к соседской Зинке. Тогда ее не будут так обзывать. Со своей соседкой Мариля перестала здороваться, а видя Никитиху еще издалека, переходила на другую сторону улицы. Но Аленка, как и раньше, когда мать

уходила на работу, несмотря на ее угрозы дать ремня, все равно сбегала от глуховатой и слеповатой бабки к соседским детям на улицу, а с ними в хаты, где и ей хоть что-нибудь, да перепадало.

Известно, что прозвучавшая однажды кличка навсегда приклеивается к человеку. Так прилипла-приклеилась Похатница и к Аленке.

Шло время. Аленка-Елена выросла и, в отличие от своих бывших подружек, которые, как те птицы, поразлетались по миру, осталась в поселке. В областном центре она окончила училище кооперации и стала работать продавцом в одном из поселковых магазинов. По дороге на работу на другой конец поселка она, как и в детстве, забегала в хаты к соседям, которые оставались в них одни. Но теперь не за тем, чтобы что-то схватить да вкинуть в рот: она спрашивала, кому и что из них нужно принести из аптеки или магазина, а может, и привезти из района. Те с благодарностью давали ей заказы, продолжая за глаза звать Похатницей. Среди них была и Никитиха, которая давно помирилась с ее матерью Марилей. В одну из таких поездок в район Елена познакомилась с парнем, который позвал ее замуж. Позвал в Гомель, где после армии работал на большом заводе.

— Ну как же я брошу мать, кто ее досмотрит? А ехать она никуда не хочет, — уговаривала она своего суженого.

Уговорила. Пришлось ему смириться с такой постановкой вопроса, рассчитаться на том заводе, устроиться в местное лесничество лесником и выписывать лес на строительство новой хаты. Ее молодые поставили на старом подворье рядом со старой хатинкой, из которой так и не захотела перебираться в новую хату Мариля.

Они родили и с помощью старой Марили вырастили троих сыновей, выучили и, как говорят, выпустили в свет. Дождавшись первого внука, Мариля тихо скончалась. А через несколько лет за ней на тот свет отправился и муж Елены. Чернобыль помог. Пока он был жив, Елена держала корову, свиней, гусей, кур. Оставшись одна в большой и пустой хате, она свела свиней, а на зиму ликвидировала и птицу, чтобы весной снова завести. Сыновья, которые жили в областном центре, не забывали мать, приезжали с женами и детьми, помогали, звали к себе и настаивали сбыть корову.

— Это же нужно столько около нее крутиться! А корма ей всякого сколько требуется! Летом еще кое-как на подножном корме перебьется, а на зиму сена кто наготовит? Отца же нет, — уговаривали дети.

— А вы на что, сыночки-голубочки? — смеясь, отбивалась Елена. Вы же не пустодомки какие, не накосите матери на одну коровку? Не притянете во двор тот стожок? Как себе хотите, детки, а сена Рябке чтобы на всю зиму было! Корову сбыть не дам! Я с ней разговариваю, она меня кормит, я с ней еще хожу-ползаю на своих ногах. Вы хотите, чтобы я легла перед телевизором и день, и ночь в него таращилась? Так я быстрее умру. Вы этого добиваетесь? Никуда я из своей хаты не поеду, потому что здесь мои родители, муж, а ваши дед с бабулей и отец лежат в земле. На кого я их брошу? Да и хаты живые еще есть. А что я понесу Никитихе, а Сидоровне, а Кузьмичу? А старые ж (Елена считала себя еще «хоть куда») еще шевелятся в тех хатах, меня ждут, — этим последним доводом она останавливала каждый раз разговоры про сбыт коровы Рябки. Дети отступали. Из рассказов матери они знали, почему ее в поселке все зовут Похатницей.

А Елена, сидя на маленькой скамеечке около своей Рябки под мерное цырканье молока в ведро-доенку, каждый раз вспоминала-перебирала свои доводы детям. Она, может, еще и подумала бы про переселение в город

(да и то, только на зиму), если бы оставалась на улице одна. Но как же без нее обойдутся соседи, те, которые когда-то не дали ей умереть с голоду, а теперь остались одни в своих холодных хатах, и кому, как говорят, некому глоток воды подать? У каждого своя причина, но главная — ни один из них слушать не хочет, чтобы покинуть свой поселок, свою хату, кусочек земли при ней. Они же, как и она, к ним приросли, и попробуй теперь на старости лет их оторвать от всего этого. Считай, по-живому отсечь корни. Как у того дерева. А дерево же без корней не растет. Вон, их однолетки, те, что поддались на уговоры детей да поехали к ним в города. Где они сейчас? Так же в сосняке (на кладбище) легли! От тоски по своим уголкам, от безработицы раньше времени туда отправились. Но она на тот свет еще успеет. У нее еще не все дела сделаны. Она еще в силах справляться не только со своим хозяйством, но и помочь своим уцелевшим соседям зимы зимовать. Зима ведь есть зима. Выдастся теплая или холодная, хаты необходимо каждый день обогревать топкой печи или грубки, не то выстынут так, что будет в них не намного теплее, чем на улице.

Вот и этой зимой на улице «шевелилась» она одна. Поутру Елена протапливала печь, чтобы сварить еду себе, а Рябке нагреть чугуны с водой для запаривания сечки из сенной трухи и соломы. Управившись со своим хозяйством, «попоравшись», как здесь говорили, она отправлялась, как в далеком детстве, по «живым» хатам. Вначале заходила к ближайшей — той самой Никитихе. Та жила-доживала свой век одна. Как ни звала ее дочь Зинка к себе в Минск, а сыновья в Москву, она наотрез отказалась и даже слушать не хотела детей. А те не могли наездиться в такую даль.

Минувшей ночью выпал хороший снег — Елена едва пробилась к сараю с коровой. Доглядела скотину — напоила, подкинула сена, подоила. Пробилась к калитке на улицу, выглянула из-за нее. Нигде никого: ни машины, ни трактора, ни людей. Пустая, занесенная снегом. Пока у тех чистильщиков из соседней деревни, где теперь размещался сельсовет и центральная усадьба совхоза, очередь дойдет до их поселка… Пока по графику к ее беспомощным соседям доберется социальная работница…

«Вот бы лесовозы прошли на Дубровицу, они бы проторили две глубокие колеи-разоры. А так придется добираться по самый пуп в снегу», — с сожалением подумала про себя Елена и вернулась в теплую хату готовить и складывать в берестяную заплечную коробку «подкормку», как она сама прозвала свою еду, что носила соседям.

Сунув ноги в старые с высокими (по пах) голенищами валенки мужа, надела на себя теплый легкий пуховик, накинула на голову поверх платка-подведенки пуховый платок-обпинянку, пристроила коробку за спину и, даже не накинув щеколду на входные двери (нигде никого нет), ступила за порог хаты, прихватив с собой легкую деревянную лопату. Когда-то ею старая бабка Земиха, а позже ее мать Мариля, доставали буханки хлеба из печи. А теперь она служила ей еще и посохом. С ее помощью она отгребет снег от калиток и дверей хат Никитихи, Сидоровны и Кузьмича. Те еще кое-как переставляли ноги в своих хатах. А вот уже выбраться во двор, да еще такой заснеженный…

«Что-то Никитиха совсем расхворалась. Хотя бы перезимовала…» — с такими мыслями, опираясь на лопату-посох, с трудом вытягивая ноги из глубоких ямок от своих же следов, Елена не шла, а лезла-ползла по пустой, немой, застывшей улице в сторону переезда. Недалеко от него, одна в пустой холодной хате, ее ждала та, которая в далеком детстве дала ей кличку Похатница, а за ней в таких же опустевших хатах гнездились другие старики.

Наконец добралась. Отгребла снег от калитки, пробила узкую дорожку к крыльцу, сбила с него снежные заносы. Отряхнув свои валенки-снегоходы, через веранду ступила в стылую хату.

— Павловна, живая? — закричала с порога.

— Пришла?! Не забыла меня, старую, одну-одинешеньку, — отозвалась та. Никитиха лежала в запечке на домотканой постилке под большим кожухом. Елена быстренько сняла с себя коробку и начала доставать свою «подкормку». Сначала из принесенного с собой большого китайского термоса, не выпуская из рук кружку, напоила старуху горячим чаем на травах. Потом подала в дрожащие руки кусок домашней выпечки и контейнерик с творогом и сметаной, посыпанных сахаром. Пока ожившая на глазах Никитиха отводила душу, Елена вынесла из хаты и ополоснула ее ночную посудину, зажгла дрова в печи, поставила вариться чугунки с немудреной едой. Между делами рассказала соседке, «что делается на дворе». В нем же она пробила-прогребла тропинку к дровянику и к колодцу, принесла охапку дров и воды про запас в хату. Отдохнув минуту-другую начала пристраивать снова коробку за плечи.

— Павловна, — снова обратилась Елена от дверей к Никитихе. — Вы тут побудьте немного сами, а я сбегаю к Сидоровне и Кузьмичу, гляну, как они там. На обратной дороге забегу и закрою юшку, чтобы вы тут не замерзли. Хорошо?

— Аленка, — как когда-то в детстве ее звала мать Мариля, подружки и все соседи, включая саму Никитиху, — услышала Елена вслед тихий голос, а скорее шепот старой из-за печи. — Прости, голубка, меня, ради Бога, за ту дурную кличку. — Потом, видно, забывшись, Никитиха продолжила по привычке: — Похатница моя родненькая, золотенькая! А если бы не ты — меня бы давно тут занесло, похоронило живьем…

Соседи-соседушки

Хорошо, когда сосед близкий, а забор низкий.

Эта улица-отросток заселялась в поселке при станции сразу после войны. Она начиналась от переезда и бежала (как и все другие) в сторону леса. Лес окружал поселок со всех сторон. На новой улице, которая стала называться коренными жителями поселка «За переездом», новоселы вначале получали участки с одной стороны — сразу за железнодорожной казармой, в которой гнездилось (так сами про себя говорили) несколько семей путейцев. За казармой, на некотором расстоянии одно от другого, находились еще несколько казенных строений — местного лесничества. В одном сооружении размещалась его контора, в другом находилась его же сушильня (для сосновых шишек). Между сушильней и лесничеством примостилась здесь и хата лесника Семена Ящука.

Вот эту, пока еще одностороннюю улицу и начали заселять. Участки под новые дома нарезали вплотную, ущемляя их между теми казенными сооружениями и личным подворьем лесника. Первым надел получил дежурный по станции, за ним — путевой обходчик, следом — рабочий обозоколесного завода, за ним — экскаваторщик участка торфоперегрузки. Так дошли до дома лесника. Дальше распределение забуксовало: лесник-абориген захотел около себя «посадить» старшую дочь Веру, которая осталась с двумя детьми без мужа — тот не вернулся с войны. Леснику, а скорее молодице-вдове, местные

власти пошли навстречу и выделили ей участок впритык к родительскому селищу. За ними на пути распределителей встало строение лесничества. Его обошли и пошли дальше нарезать-наделять. Догнав нарезку до самого леса на одной стороне улицы, нарезальщики развернулись и взялись за другую. На ней не было никаких строений: ни казенных, ни частных. Дело тут пошло веселей.

Прошло немного времени, и лесничество, в лице нового лесничего, надумало перебраться с жилой улицы в более просторное и «подходящее» место. На старом, и правда, уже не было где развернуться: в обычной избе находилась и контора, и квартира лесничего. К тому же у лесничества были кони, которых становилось все больше и больше (кони, как и люди, возвращались с войны). Та же кобылица Яснотка, которая «была в партизанах», исправно жеребилась. Для безотказных помощников людей тоже кроме сарая-жилья нужен был простор: чтобы той же подводой подъехать к «конторе», заехать в ее двор, развернуться. С подселением же новоселов на улице стало очень тесно. Так что подворье лесничества, как ни крути, необходимо было переносить-расширять.

Новое лесничество выросло за лето как на дрожжах. Неудивительно — лес тут был, как говорят, под боком. Теперь оно находилось на его окраине, неподалеку от улицы «За переездом». Не в пример старому сооружению, новое было намного больше, и в нем кроме конторы размещалось несколько квартир — для самого лесничего и его специалистов. Про лошадей тоже не забыли и выстроили для них просторную конюшню с широким двором, с навесами-шопами для стогов сена, которое накашивали на лесных полянах сами лесники. В дополнение к такой «роскоши» недалеко от основной усадьбы лесничества выкопали колодец и ставок, рядом срубили баньку, в которую после работников лесничества могли прийти «погонять пар» и жители улицы «За переездом».

Лесничество лесничеством, а за его старые строения, срубы которых были поставлены сразу после освобождения поселка за два года до окончания войны и были, можно сказать, «новые», на улице разгорелись не абы какие сражения — они отдавались под личное жилье людям. После удачного подселения рядом с собой дочери лесник Ящук захотел посадить-подселить с другой стороны от своего дома, где как раз было то самое лесничество, еще и сына. Он посчитал, что если он лесник, то имеет больше всех других претендентов прав на готовое, считай, жилье. На бывшие казенные срубы положили глаз и их ближайшие соседи, что шли-размещались за ними следом. Одни хотели «усесться на готовеньком» сами, а не строиться-надрываться, другие — поселить в них свою ближайшую родню.

Ни тех, ни других в сельсовете слушать не стали, а сделали по-своему: сушилку отдали начальнику участка торфоперегрузки Старицкому, который ютился с семьей в старом довоенном бараке при той же перегрузке, а бывшее лесничество получил бригадир путейцев Прохоров, который до этого «гнездился» с тремя детьми в казарме.

Не знали-не гадали, бедняги (Старицкий и Прохоров), что со своим подселением они вскочили, как та лягушка в кострище: соседи ни с одной, ни с другой стороны бывших казенных строений не смогли простить новоселам такого уплотнения-фарта. Особенно не повезло с соседями Прохоровым. Вот же натура людская! Нет чтобы по-хорошему, по-соседски порадоваться за счастливчиков. Так куда там! Многовековая традиция злиться на соседа (любого, а в данном случае по огороду) без всякой причины проявилась тут как тут: на них сразу же взъелись соседи слева и справа (вернее будет — соседки).

Первое, что они сделали, — перестали ни с того ни с сего (так казалось новоселам) здороваться. Те, кто родился и вырос в деревне, хорошо знают, что это такое. Идешь по деревенской улице и сам говоришь всем, кого увидишь и встретишь, «Здравствуйте!», или скороговоркой «Драсьте!». Тебе в ответ несется то же самое. А тут на твое «здравствование» — взгляд из-под насупленных бровей или же демонстративный переход на другую сторону улицы. Так мало того, тебе объявлена настоящая война в виде оговоров, сплетен, разных мелких пакостей и даже запрета детям играть вместе. Правда, те, особенно младшие, не понимали, в чем дело, и играли, и дружили между собой в открытую, а старшие, бывало, втайне от матерей.

Кроме детей не понимали, в чем тут дело, и домашняя птица со скотиной — те же свиньи. Не разбираясь, где чей огород, тем более, что они еще не были огорожены, ходили грестись и рыться кто где хотел. Из-за этого на улице каждый день — то на одном ее конце, то на другом, вспыхивали горячие ссоры.

Еще одной из причин разборок между соседями стали как раз те самые ограды — заборы. О, это была отдельная история! Между наделами-дворами должны были встать ограды, заборы, изгороди — граница! А кому ее возводить, из чего, когда каждая копейка, каждая щепка от бревна на дом на учете? Каждый старался в этом деле перехитрить соседа. Особенно доставалось Старицким и Прохоровым. Им довелось огораживать свои наделы с двух сторон, потому что их соседи считали, что им и так повезло — «на дурницу» отхватили по срубу, так еще и заборы им городи.

— Слушайте, соседи-соседушки, разве же можно так ссориться? А вам же жить вместе, а у вас же дети! А им как быть? — попробовал как-то влезть-вмешаться в очередную уличную перепалку покладистый и рассудительный родственник Прохоровых Алекса, который приехал к ним в гости из-под Калинковичей.

Что тут началось! Раскрасневшиеся и вошедшие в раж бабы тут же переключились на «свежак» и всыпали ему таких кренделей, что тот Алекса только безнадежно махнул на них рукой и убрался во двор родственников подальше от того лиха.

— Слушай, девка, это же здесь у вас нужно всю улицу святить от сглаза, — обратился он к свояченице Татьяне. Та только рассмеялась в ответ, потому что привыкла к ору своих соседок — Верки с одной стороны и Марины с другой.

Святить улицу, конечно же, никто не стал — не то время было. Почти вся ее мужская половина была партийная. Так и жили — в ссорах, «косоглазии» и игнорировании друг друга. Со временем все-таки мирились. Не сами по себе — помогла… беда.

— Ой, ой, ой! Спасай, соседка, спасай, дороженькая! Корова моя сдыхает! Раздуло ее, как тот барабан, вот-вот лопнет! А как же я с двумя детьми? — во двор заклятой (ею же) соседки Татьяны Прохоровой вскочила расхристанная Верка, дочь лесника Ящука.

Ничего не говоря заклятнице в ответ и не спрашивая ее ни о чем, «заклятая» тут же позвала младшего из своих сыновей и приказала ему налить в литровые бутылки только что надоенного и еще не процеженного молока и идти вместе с ней. Пошли. Впереди не шла, а, мелко семеня, бежала Верка. Ее корова и правда была раздута, вроде небольшую бочку проглотила. Изо рта у нее ручьем текла слюна с пеной.

— Объелась, зараза, колхозной картошки с буртов, а может, удобрений нализалась, чтоб им трясучка, — скороговоркой выпалила хозяйка.

— Ее привязать надо, — велела спасительница, а когда корову привязали, так она, раскрыв ей рот, сказала сыну лить в него молоко. Вылили обе бутылки. Корова тяжело дышала. Ждали минут тридцать. Потом живот ее на глазах стал спадать.

— Ну, все в порядке, пойдем домой, сынок, — с облегчением вздохнула Татьяна, а на горячие слова благодарности Верки только махнула рукой.

Назавтра Верка, в присутствии других соседок, около колодца первая сказала «здравствуй!» своей «заклятой» соседке.

…Зима в тот год стояла лютая. Поздним вечером Татьяна шла от своей кумы с соседней улицы. Та заболела, и она ходила ее «на ночь растереть». За несколько хат от своей, женщина (ой, Господи!) увидела в сугробе мужчину. Узнала его сразу — это был старший сын другой ее соседки — Марины, которая хотела, чтобы около нее поселился брат, а не Прохоровы. По этой причине она все силы бросала на то, чтобы как-то отомстить нежеланным соседям. Что только не делала: то дохлых котят подбрасывала в огород и даже в колодец (только за то, что он стоял на меже), то осколки разбитых бутылок, а то запрещала своим детям дружить с соседскими. А когда на ее огород попал выводок индюшат Прохоровых, так она его перебила и вынесла за огород в лес. А в это время мимо шел кум Прохоровых. Конечно же, он рассказал про увиденное варварство кумовьям. Прохориха (так звали Татьяну на улице) такого уже не смогла простить ошалевшей соседке — она не только хорошо поругалась с Мариной, но даже подралась (потягала за косы).

…А человек, который лежал в снегу, даже не шевелился. Татьяна склонилась над ним и почувствовала густой смрад самогонки. Ясно. Перепил где-то, а сил добраться до дома не хватило. Парень, который до армии был крепким, с густой черной шевелюрой, вернулся домой осунувшимся и почти лысым. Соседи, которые все и про всех знали, говорили, что он служил в ракетных частях и там получил облучение. Наверное, по этой причине, бедняга, который «в рот водки не брал до армии», запил по-черному после нее. От такого горя почернела на глазах его мать, та, которая проклинала по-всякому своих соседей-«счастливчиков» и их детей. Она перестала разговаривать на улице даже с теми, с кем не ругалась (наверное, чтобы избежать расспросов про сына). Все это ее «заклятая» соседка Татьяна знала от других и искренне ей сочувствовала — у нее самой было трое сыновей, и Бог-батька только знал, куда и их призовут-зашлют в той армии и какими они вернутся домой.

Улица уже не светилась окнами. Парень, как пить дать, мог за ночь (да за какую ночь — хватило бы и часа) в этом сугробе замерзнуть. Татьяна, как смогла, подняла юношу на ноги, забросила-зацепила его руку за свою шею и потащила по ночной стылой улице. Кое-как дотянув свою ношу до соседского двора, она, которая не заходила в него больше двадцати лет, открыла калитку и, добравшись до первого окна, начала бить в раму… В хате вспыхнул свет, и на пороге показалась та, что проклинала ни за что ни про что ее семью.

— Чего тебя на ночь глядя принесло? Чего тебе надо? — с неприкрытой злостью обратилась она к неожиданной ночной гостье.

— Соседка, забери сына своего, замерзает! Уже как сосулька! — не сказала, а прокричала «заклятая». — Около Старицких подобрала.

Та как стояла: обутая на босу ногу в какие-то отопки и в одной ночной рубашке, слетела с крыльца. Уже вдвоем соседки с трудом затянули едва живого парня в хату и, не сговариваясь, начали его раздевать и растирать.

Около них беспомощно переступал с ноги на ногу хозяин избы, который был «под пятой» у жены.

— Ой-ой-ой, а сыночек мой дорогой, а мальчик мой золотой, а что же ты наделал, а чего же ты так напился?

— Слушай, соседка, — перебила вой матери над сыном спасительница, — его надо водкой растереть, и не насухую, а в середину влить, потом укрыть хорошо. Давай, неси бутылку.

— А где же я ее возьму? А я ж не пью сама и мужу запрещаю. Да я даже в хате не держу ту заразу, — запричитала Марина.

— Растирай, я сейчас, — Татьяна побежала к своей хате. Ухватила в кладовке бутылку с самогонкой, настоеной на березовых почках, и помчалась назад. Схватив пустую кружку со стола, налила в нее своей настойки. Потом поднесла ко рту парня и, раскрыв его, силой влила в него жидкость. Снова в четыре руки они натирали-растирали сухое и холодное тело, которое потихоньку начало краснеть, потом укутали его в одеяло, привалили кожухами.

— Ну вот и хорошо, успели вовремя, слава Богу! — с облегчением вздохнув, Татьяна направилась к дверям. Но ее остановила та, что двадцать лет не здоровалась, делала всякие гадости и наговаривала на нее и ее семью что ни попадя. Ни слова не сказав, она обняла ее и заплакала навзрыд.

Уже назавтра Марина первая, еще издалека, сказала Татьяне «здравствуй!» и кивнула-склонила в поклоне перед ней голову. Та в ответ тоже кивнула и, вернувшись на свое подворье, взяла на поленнице топор-колун, пошла к своему колодцу, который они выкопали (когда поселялись) на меже с соседями, в надежде, что те станут брать из него воду. Когда же соседка не оценила такого жеста, Таня наказала мужу забить и закрыть со стороны соседей колодец. Так он и стоял однобокий все двадцать лет. Вот теперь, значит, пришла пора его вновь открыть.

Шли годы. Улица «За переездом» незаметно начала пустеть. Молодежь, волна за волной, скатывалась-разъезжалась в города, а их дедушки с бабушками — родители послевоенных новоселов, один за другим начали уходить в мир иной, жители перебирались на другое место — «в сосняк». Там было кладбище нескольких близлежащих деревень и поселка. Как говорится: среди леса жили и в лес перебрались.

Тут тоже были свои улицы. На окраине сосняка пролегла и улица «За переездом». Сюда на Радуницу сходились и съезжались со всех сторон дети и внуки умерших. Они, поздоровавшись с могилами своих предков, положив кое-какие угощения, тут же шли отведать могилы соседей — и им положить гостинцы. Увидев около них наследников, обнимались, приглашали к своим поминальным столикам и вспоминали главное: они родом с одной улицы, из одного поселка — с того места на земле, которое зовем «малой родиной».

Перевод с белорусского автора.

Андрей СКОРИНКИН

Я рвусь на свободу из тяжких оков!..

Плач демона

Мой друг по несчастью, — тебе, сатана,
Я песню пою с беспросветного дна.

Мы оба сорвались с духовных высот,
Мы оба прервали блаженный полет.

А помнишь, как здорово было, когда
В душевных соборах была чистота?

Как вспомню — так плачу, как будто меня
Навек поглотила сырая земля...

Не знаю, как ты, — я устал от грехов,
Я рвусь на свободу из тяжких оков!

Я был тебе верен, но хватит — пусти!
Отныне расходятся наши пути, —

Я к Богу собрался! А может, со мной
Ты хочешь вернуться к отаре родной?

Какая бы радость была у Отца,
Когда б отыскалась такая овца!..

Решай же скорее — летишь или нет
Туда, где сияет Божественный свет,

Туда, где мы счастливы будем всегда?..
Я завтра же буду в ногах у Христа!..

1995

Посвящение переводчику

Владимиру Скоринкину[1]

Когда чудовищные звери
Вернулись в мир продолжить бал,
Ты слово Данте Алигьери
На помощь гибнущим призвал,
В разгар трагедии народной
Свершив свой подвиг благородный,
За что с почтеньем пред тобой
Склоняюсь гордой головой.
Но чудотворное величье
Твоих божественных терцин
Я ощутил пока один...
О, если б ты, как Беатриче,
Наш заблудившийся народ
Возвел до ангельских высот!..

1997

Смута

Отчизна моя дорогая
Совсем потонула во мгле:
Затихло строительство «рая»,
Но звезды горят на Кремле;
И Ленин по-прежнему с нами,
И ленинцы вновь у руля...
И катятся смуты Цунами
По Русской земле от Кремля...

1993

Песня беглеца

Чудная картина,
Как ты мне родна...
Фет

На последней электричке
От житейской суеты
Я сбежал и по привычке
Под покровом темноты
Направляюсь с полустанка

---

[1] Переводчик «Божественной комедии» Данте Алигьери на белорусский язык, отец Андрея Скоринкина.

В незнакомые места,
И поет душа-цыганка,
Как в далекие лета:

Белоснежная равнина,
Круглолицая луна...
Живописная картина,
До чего же ты родна!..
Эх бы лошадь! Эх бы сани!
Эх бы девицы плечо!
Да ключи от русской бани!
Да вина, вина еще!..

1995

Зимний сонет

Люблю я зиму! Но готов сражаться
Со снежными буранами, со льдом…
Люблю в сугробы из парной бросаться
И плоть смирять в источнике святом…

Люблю на санках и коньках кататься,
Протапливать дровами стылый дом
И у камина в женщину влюбляться,
Впадая в дрему сладостных истом…

Но если в трубах замерзают воды
И если краны начинают течь,
Я не пою псалмы царю природы,

А на природу подымаю меч!..
Машу лопатой и машу секирой
И жгу огнем воинствующей лиры!..

2017

Бессонница старого голкипера

1

Растревожено сердце бойца,
Снова хочется жарких баталий!
Вижу свет ледяного дворца,
Слышу голос отточенной стали…
Вот опять на меня понеслись
Молодые азартные люди;
Вот бросают… голкипер, держись!
Подставляй свои храбрые груди!..

2

Неужели все это в былом
И в судьбе исключаются сказки?..
Мое сердце распалено льдом,
Я бы жил в металлической маске!..
По годам я еще молодой,
Но взираю на жизнь обреченно…
Ах, зачем беспросветной зимой
Я родился у стен стадиона?..

1995

Полет на Луну

Брошу сонную жену
И зароюсь в стог соломы!
А скажу, что с космодрома
Улетаю на Луну.

Все равно ей не дознаться —
Улетел я или нет?
Как и то, что я поэт,
Ни за что не догадаться!..

1995

Сказка о диване, таракане и неверной жене

Дочке Лизе

Жил я как-то в небоскребе…
Может быть, еще в утробе
Или в розовых мечтах…
В общем, жил я в облаках.
Не один я жил, с любимой,
Настоящей или мнимой —
Я еще пока не знал…
Был у нас просторный зал.
В нем стояли: пианино,
Кресло, стол, а у камина
Старый кожаный диван.
Жил в диване таракан
Со своей большой семьею,
Не давая нам покою…
Что ни делал я с врагом:
Угрожал и кулаком,
И отравой, и дурманом,
И чеченским атаманом,

И Христом его страшил…
Но однажды я решил
Навсегда порвать с диваном.
Обхватив подъемным краном
Старика потертый стан,
Я отнес преступный клан
На далекую помойку!
И на радостях попойку
С милой спутницей моей
Для родных и для друзей
Закатили в ресторане.
И забыли о диване,
Несмотря на то, что он,
По прошествии времен,
После гибели поэта,
Мог привлечь вниманье света…
День прошел, прошел другой,
А на третий — в мой покой
Вещь, что мы едва забыли,
Вновь враги мои втащили…
В этом деле помогли
Им клопы и муравьи…
А еще в мой дом с диваном
Въехал бомж в угаре пьяном…
Сдался я, высокий дом
Променял на толстый том…
А жена ушла к другому —
Человеку или дому —
Для Иуды все равно!..
Это грустно, но смешно…

1998

Анатолий БУТЕВИЧ

Два рассказа

Поцелуй

Дзе матка плача —
там рака цячэ.
Дзе сястрычанька плача —
там крынічанька.
Дзе дзеткі плачуць —
ручайкі цякуць.
Дзе жана плача —
там расы няма…
Там расы няма —
пажары гарацъ!

Из народной песни

Сердце схватило внезапно. Сжало так, что не продохнуть. Весь мир показался с овчинку. Словно в воздухе вдруг не стало кислорода.

Так уже было когда-то. Очень давно. Степан тогда был молод. Только что отслужил срочную. Не хотелось возвращаться в отцовскую хуторскую хату, где и без него детей словно маку. Завербовался на шахту. Уговорили друзья по службе поехать в Донбасс. Мол, деньги там хорошие. Но как воробью не стать ласточкой, так человеку, чьи предки из рода в род кланялись земле, не привыкнуть к подземному зарабатыванию денег. Ему сподручнее при солнечном свете пахать, косить, сеять, убирать. Это он умел. Это его. А вот чтобы копаться внутри земли — не лежала душа.

Но характер у Степана твердый, как сухой горох. Не в его правилах отступать. Решил: «Если не научусь с землей справляться, не я буду. Домой не вернусь, засмеют ведь. Слабаком назовут». А для Степана это хуже смерти.

Добился своего. Не спеша, через кровавые мозоли, преодолевая внутреннее сопротивление. Вскоре шахтером стали признавать, даже грамоту на Октябрьские праздники дали. Может, и остался бы Степан — деньги хорошие, друзья появились, девушки стали обращать внимание на небедного и нескупого кавалера. Стал привыкать к новым местам. Да случилось непредвиденное: авария на шахте. Правда, и раньше бывало такое, многих калечило, а кому-то приходилось и с жизнью расставаться. Степана пока что Бог миловал. И вот...

В забое произошел взрыв. Смену завалило породой. Тогда-то Степан впервые узнал, что такое удушье. Ты открываешь рот, как рыба, стараешься наполнить легкие, а они не могут развернуться. Кричишь, орешь, ругаешься, но никто тебя не слышит, даже сам себя. Степан потерял сознание. Это его и

спасло. Ибо те, кто еще мог шевелиться, бросились разгребать завал. Видимо, нарушили равновесие, и порода обвалилась снова. Спасатели подняли их на поверхность уже бездыханными. Степана удалось выходить. Вдохнул надземного воздуха и ожил. Дышал так часто, будто набирал про запас.

После этого случая Степан стал бояться глубины. Как только вспомнит о забое, начинается удушье. Его отпустили. Вернулся на свой хутор. Пошел в колхоз. Просто в бригаду. Как сам шутил, был старшим куда пошлют. Но шахта еще долго не отпускала. Иногда просыпался ночью и бежал к окну — воздуха схватить, чтобы в груди полегчало. Однако недаром характер гороховый был. Одолел и эту беду. Работой заглушил.

А тут как раз началось сселение хуторов. Из полевых просторов, из лесных опушек свозили обособленных людей, кучковали — так застраивались перспективные деревни. Понадобились печники. Степан немного владел этим непривычным для их семьи делом — в армии руку набил. Помог одному родственнику, другому. Получилось.

Слух о его мастерстве полетел по окрестным деревням, как вешняя вода с полевых холмов. Просьб было столько, что работай хоть ночью, все равно не справишься. А еще ведь и в колхозе надо минимум выработать, чтобы на собрании не песочили. Правда, председатель проявил снисхождение, поддержал людские просьбы и разрешил Степану заниматься только печами. Работал он так, что жилы трещали. Люди были довольны. Ни одна печь не подвела, ни одну грубку переделывать не пришлось. Тепло Степановых рук согревало многих.

Потом женился. Взял молодую доярку из соседней деревни. Крепкая, статная и миловидная Зося была такой же работящей, проворной. Понравилась и семье Степана, особенно матери. Когда надумали свой дом строить — в деревне, конечно, мать настояла отдать Степану часть гумна. Старые смолистые бревна были как звон, пригодились на хату. Светло и просторно, а вскоре и голосисто стало в ней — сначала от сына-первенца, а потом и от двух дочерей.

Зося оказалась и трудолюбивой, и хозяйственной. Дом держался на ней. Степан же за чужими печками не видел ни праздников, ни будней, не знал ни выходных, ни проходных. Работал как вол. Деньги, и очень хорошие, отдавал Зосе. Она распоряжалась ими с умом, откладывала про запас. Когда же Степан приказал не скупиться, а то, чего доброго, пропадут (так люди сведущие говорят), — купили холодильник, телевизор, два велосипеда. Спустя какое-то время первыми в деревне приобрели машину.

Кое-кто стал завидовать. Известное дело, чужое богатство глаз колет. Невесть откуда появились командные нотки и у Зоси. Степан сначала отшучивался, мол, на коровах натренировалась, когда на ферме работала. Но искра, брошенная в дом, тлела. Иногда и от нее хватало дыма, хотя, по оценке сельчан, жили они по-прежнему зажиточно и дружно.

Деньги в хату текли непрерывно. Уже и сыну, женившемуся и переехавшему в соседнюю деревню, еще более перспективную, поскольку с природным газом, хату построили. Не хату, а настоящий дом — кирпичный. Сам Степан и строил. Урывками, после печей, то по воскресеньям, то поздними вечерами. Удивлялись люди: не иначе, двужильный этот Степан. Везде успевает. А деревенские шутники хитровато посмеивались:

— Не-е-ет, не везде. Кое-где отдыхает, отлынивает...

Что они имели в виду, Степана мало занимало. После работы еле добирался до кровати. Чуткая Зося замечала, что за ночь ни разу пружина под ним не скрипнет, спит как убитый. Где уж тут до любви и ласки.

Семья держалась на деньгах Степана. Зося по-прежнему копалась в огороде. Дети обзавелись своими семьями. Каждому справили не только обстановку, но и авто.

И тогда Степан почувствовал, что чего-то очень важного стало остро не хватать в его непривычно молчаливой хате. Чаще стала ругаться Зося. Безо всякой причины. Внешне все как будто по-прежнему. Работа, хозяйство, дом, постель. Но постель для сна. Спал, как говорят, без задних ног. Только пальцами во сне шевелил, будто глину перебирал, чтобы камушек не попал, иначе не сойдется кирпич с кирпичом.

— Ты запомни: печь должна крепко стоять на земле, — любил повторять Степан. — Чтоб на века. Чтобы все говорили: Степанова работа!

Усталость отбирала и силы, и эмоции.

Степан начал выпивать, но Зося припугнула:

— Если не перестанешь, брошу. Ей-богу, брошу и к своим уеду, на Украину. Посмотришь...

— Езжай, большая беда, — храбрился Степан. — Поживешь без денег, сама прилетишь.

Говорить-то говорил, но у самого что-то дергалось внутри: не дай Бог, и взаправду заартачится упрямая хохлушка. Она такая, на все способна.

Но время лечит любые беды. Когда пошли внуки, Зося хлопотала над ними, словно наседка над цыплятами. Степану, который печами больше не занимался, тоже веселее стало. Денег не жалели ни детям, ни внукам.

Жизнь катилась, как купальское колесо с горки, то подскакивая, то кувыркаясь, то падая. И незаметно догорала...

Степан понял, что за плечами уже больше, чем перед глазами. Смотрел на скрюченные узловатые пальцы, пробовал выпрямить спину, топал больными ногами, но понимал — прежней силы уже нет.

— Износился, — говорил он каждому. — Печам силу отдал... Что ты хочешь — столько их поставил...

Может, хотел, чтобы пожалели. Но у каждого своих бед хватает, когда там с чужими разбираться. Степан все чаще думал, что не для денег он женился, семью заводил. Так жизнь повела. Где, в чьей печурке замуровал он свою любовь? Кому оставил свое счастье? Он и сам не знает. Готов был хоть все печи по кирпичику разобрать, только бы вернуть тот светлый и памятный лад да уют первых семейных лет. Чтобы ожило, вернулось наслаждение жизнью, любовью, Зосей... Хотя и впроголодь жили когда-то, да вспоминалось радостно. Но как не соскочить рыбе со сковороды в реку, так и Степан не мог вернуть прожитое.

Когда уж очень донимал своими жалобами, Зося говорила:

— Не один ты такой. Я тоже еле хожу. Скрутило. Свиньи да коровы довели...

Порой стало доходить до драки. А этого под кроватью не спрячешь. Соседи удивлялись: с чего это люди сдурели? От денег бесятся. Чего им не хватает? От добра добра не ищут. Все есть, дети в порядке, внуки приезжают то из Барановичей, то из Несвижа...

Но как чужая душа потемки, так чужое слово не лекарство. Мирить Зосю со Степаном никто не собирался. Иногда, правда, при Зосе начинали хвалить Степана, мол, и трудолюбивый он, и большой мастер, и пятое-десятое. Добрый мужик, головастый. Она тогда со злостью бросала:

— Ай, какой это мужик — завала. Завалил мои руки так, что не освободить...

Кто с сожалением, а кто и с радостью наблюдал: что же дальше-то будет?

Дождались. У Степана прихватило сердце. Затрепыхалось, зачастило, словно мотор, который не хочет заводиться.

«Это шахта меня догоняет», — с горечью подумал.

Примчался сын, который поближе, переодел Степана в чистое и в Несвиж на машине отвез.

— Дурень, — говорила потом Зося. — А если бы, не дай Бог, по дороге что случилось? Надо было «скорую» вызывать.

Но довез. Положили в реанимацю. Через два дня стало легче, перевели в общую палату. Там неожиданно и появилась Зося. Степану еще не разрешали вставать, и он лежал на спине. То смотрел в потолок, то дремал. Не заметил, как вошла жена. Бросилась к кровати, переваливаясь на больных ногах, словно утка.

— Я здесь, Степан... я здесь, — то и дело повторяла она. — Ой, Степанко мой, как же ты исхудал, бедный. — Подняла голову мужа и крепко обняла за шею.

Степан не мог понять, что происходит. Зося подняла его, усадила, обнимала, осыпала поцелуями. Степан не знал, что делать. Оттолкнуть — обидишь жену. Прижать к себе — отвык, стыдно. Да и силы кто-то отнял. Сердце сбилось с ритма, оборвалось куда-то вниз. С усилием поднял руки и положил на плечи жены. Как бы обнял ее.

А у Зоси — слезы градом по темным от времени и солнца щекам. Степан хотел вывернуться из ее объятий, но где ты справишься с грузной и все еще крепкой женой.

— Не слюнявь ты меня, — успел только вымолвить. — Слезами всего залила, сорочка мокрая...

Когда вволю нацеловалась, высыпала мешок сожалений, причитаний и пожеланий, неожиданно сказала:

— Я пойду уже, а то задаст доктор прочуханца.

И пока Степан непонимающе смотрел на нее, пояснила:

— В больнице я. Здесь. На втором этаже. Давление подскочило... Говорят, криз какой-то... Забрали вслед за тобой, — и, покачиваясь, пошла к двери. — Я зайду еще. Буду часто заходить... — пообещала, обернувшись.

— Не ходи... если давление, — проговорил Степан вдогонку, но Зося уже не слышала его.

Степан повернулся к соседу.

— Видел? — проронил одно лишь слово и выжидающе смотрел ему в лицо. Потом спросил: — А у тебя жена есть?

— А как же...

— И твоя, как моя Зося? — помолчал. — Видел, какая она... какая... — и не нашел, с кем или с чем сравнить. — Видел, как целуется? Словно молодая... Вот так, брат... — промолвил с гордостью, а у самого задрожал подбородок.

Тут неожиданно напомнило о себе сердце, на глаза наплыло мокрое пятно, закрыло весь свет.

Степан закряхтел и обессиленно опустился на подушку.

Телогрейка

— Ой, детки, я ведь всю жизнь его жалела. Раскроется, бывало, ночью, я одеяло поправлю, по руке поглажу. Если придет под мухой, я и сапоги сниму, и на кровать уложу, и воды подам... Жалела его, это правда... И замуж за него пошла, потому что жалела... А вы говорите «лю-у-у-бовь». Жалела я своего Ванечку...

Мария поежилась, будто от холода. Провела рукой по глазам, словно горькую слезу смахивала, хотя глаза давно сухими стали — жизнь все слезы высушила. Даже на похороны не осталось. Сидела окаменевшая. Делала все что надо, а сама не осознавала, что все это у нее, в их хате происходит. Что прощается она со своим Иваном. Навсегда прощается.

А будто и не жили еще. Не нажились. Не натешились друг дружкой. Не намиловались.

А может, из-за нее ушел Иван? Недосмотрела. Недожалела. Тепла своего недодала. Охолодало, устало его сердце. Изболевшееся, искалеченное. Сначала война, потом — ее, войны, нечеловеческие догонялки. Будто в поддавки играли: кто кого перехитрит. И не заметили, как за кустом сирени костлявая с косой притаилась. Следила, следила и подстерегла. Забрала Ивана, ее Ванечку. Лучше бы ее саму. Как же она теперь без него, одна на всем белом свете, который внезапно стал черным? А он и так намучился. Она подчас тоже добавляла боли. Хотя всю жизнь жалела. Часто соседки, кто с насмешкой, а кто с укором, говорили:

— Брось ты, Манька, кудахтать над своим мужиком. Как с маленьким, носишься. Это он тебя должен на руках носить. А ты его, как дитя малое, жалеешь, света белого не видишь. Только бы ему, своему Ванечке, угодить. А он о тебе подумает, ежели что?..

Мария не оправдывалась, только говорила:

— Э-э, что вы понимаете? Он меня так жалеет, так... Как вашим мужикам и не снилось.

— Ага, ты еще про телогрейку расскажи. Или лучше покажи ее. Хранишь ведь? Как медали. Жалостливая, одним словом...

Последняя фраза обожгла Марию, разбередила душу, затронула ее глубокую тайну. Хотя какая это тайна. А вот поди ж ты — болит до сих пор. Как незаживающая рана, саднит воспоминание о таком далеком их с Иваном знакомстве. И о любви. Хотя слова этого, пожалуй, никто из них ни разу за всю жизнь и не произнес. Любовь... Выдумки все это. Желание спрятаться за словами от жизни. Они с Иваном не разбрасывались словами, а прожили — дай Бог каждому...

Шла поздняя осень сорок четвертого года. Того, что уже в прошлом веке. Еще не мирная, а для многих гомельских деревень уже и не военная. В редких палисадниках доцветали неизвестно как уцелевшие астры. Словно делили с людьми радость, что земля шаг за шагом, метр за метром избавляется от военных невзгод. Выжженная, перепаханная снарядами и минами, нашпигованная осколками, удобренная телами ее защитников и завоевателей, она жаждала мира. Густо заросшее травой поле просило хозяйской заботы, избавления от тяжести искореженного металла.

Деревенские дети с цветами в руках бежали навстречу советским бойцам. Многие девчата впервые за столько томительных лет ставили букеты. И сразу светлело в унылом и обнищавшем деревенском жилище. Словно солнышко заглядывало в черные землянки, предсказывая близкую победу над военной разрухой.

Вазами для букетов служили гильзы, но не любые, не первые попавшиеся под руку, а только от советских снарядов. За бесконечно долгие годы оккупации так опротивело все немецкое, что с приходом своих хотелось не только радоваться их появлению, а как можно быстрее вытеснить из жизни сам немецкий дух. Особенно ненавидели фашистов и их прихвостней молодые

девушки, которых оккупационный режим перед своим концом хищным ястребом хватал для вывоза в Германию. С помощью матерей они старались так «состарить» себя, превратить в пожилых и больных, что иногда друг дружку не узнавали.

Наши солдаты удивлялись: почему только пожилые женщины остались в уцелевших деревнях?

И вдруг все несчастные золушки превратились в настоящих красавиц: похорошели, принарядились. Забытая за годы войны улыбка помолодила лица.

Рота зенитчиков Руслана Пекушева не давала немцам покоя, буквально наступала им на пятки. В азарте погони не заметили, как вырвались далеко вперед. Но ждать своих не стали: даст Бог, не заблудятся, подоспеют. И в Большую Березу пекушевцы ворвались первыми. Деревня пугала своей пустынностью. На всей длиннющей улице хаты можно пересчитать по пальцам. Сплошные пепелища. Кое-где среди обгоревших бревен мышиными дворцами казались еле заметные серые землянки.

Немцы, опомнившись, стали огрызаться. Пекушев решил не торопиться, переждать в деревне. Под штаб выбрали одну из уцелевших изб. Посреди просторного и пустого двора зенитный расчет поставил свою длинношеюю спутницу. Когда-то она отправилась в поход из-под самого Бреста и вот снова оказалась на белорусской земле. За это время сменился не один боевой расчет, а зенитка уцелела.

Хозяева потеснились сами, поджали соседей, которых приютили после того, как немцы с полицаями сожгли деревню, а командиру отдали целую боковушку, где раньше спали Маня с сестрой. Тот выставил на стол свои офицерские припасы, получился настоящий подарок — как на Рождество. Ужинали с забытым за годы войны приподнятым настроением. «Фронтовые сто грамм» взбодрили настолько, что песни сами просились на язык. Вначале, правда, пели нескладно: пекушевцы не знали белорусских, а местным были неведомы зауральские. Зато «Катюша», «Землянка» и другие боевые звучали слаженно.

Вскоре подошли почти все уцелевшие жители деревни. Командир приказал позвать солдат, оставив только дежурные расчеты. Праздник длился за полночь. Правда, то и дело кто-либо из сельчан выходил из избы и вслушивался в тишину, тревожно вглядывался в небо. Было уже такое — соседние деревни то освобождали советские воины, то снова забирали немцы. Грохота, однако, не было слышно. Над околицей царила настороженная тишина.

Иван Серебряков, наводчик зенитки, установленной на Манином дворе, стал устраиваться на ночлег. Нашел затишное место у стены, принес охапку соломы, положил под голову вещмешок и лег, по давней привычке поджав ноги к подбородку. Не спалось. В который раз вспомнилось далекое отсюда село на Белгородчине. Уцелело ли оно после кровавой Курской битвы, остался ли в живых кто из близких — не знал. Никаких вестей давно не получал.

Солдат вздохнул, туже запахнул на груди и коленях полы прожженной, иссеченной осколками и истончившейся за годы шинели, закрыл глаза. Но осенний холод — не тетка родная. Ивана пробирала дрожь.

Встал, стал хлопать руками по плечам, чтоб согреться, перебирал ногами.

На эти звуки кто-то вышел из хаты. Иван притих. Молчал и тот, другой. Иван кашлянул.

— Кому это не спится теплой осенней ночью? — нарочито бодро спросил девичий голос.

— Это тепло да на ваши плечи, посмотрел бы я тогда, — не очень ласково ответил Иван.

— А я могу одеяло принести. Из кудели, теплое, — в голосе послышалось искреннее сочувствие.

— А на двоих хватит? — в тон ответил Иван.

— А разве вас тут двое?

— С тобой — да.

— Ого, как смело. Прямо по-гвардейски: раз-раз, схватил языка и ходу...

— Нет, я убегать не собираюсь. Да и языка еще не схватил, — вздохнул Иван.

— А я еще и одеяло не принесла, — промолвила девушка и подошла ближе. — Ой, а вам и правда холодно. Разве такая шинель может согреть?

— А что в ней плохого? Ветром шитая, сквозняками подбитая. Теплая, как тулуп Деда Мороза, — Иван демонстративно просунул пальцы левой руки в дырки и повертел ими, будто пропеллером.

Оба засмеялись.

— А как вас зовут? — неожиданно спросила девушка.

— Угадай, — предложил Иван и добавил: — Как и всех, на ком Русь держится.

— Иосифом? Климом? Или, может, Георгием?

— Нет, — засмеялся солдат. — Иваном.

Он смотрел на нее, а в глазах чертики скакали.

— А тебя?

— Маней. Мария я, — поправилась девушка.

— О, Иван да Марья... Хорошая пара.

— Откуда вы знаете, что хорошая?

— Давай перейдем на «ты», тогда и сама поймешь.

— Ишь, какой быстрый: ни село ни пало — подай бабе сало.

— От сала я не отказался бы, но у вас его нет. Поэтому кушать на ночь вредно, — как-то особенно оживленно сказал Иван.

— Я знаю, что вредно, — засмеялась девушка. — Потому и не принесла. А вот для согрева постараюсь что-нибудь найти...

Не успел Иван возразить, что ночью пить еще более вредно, как Мария исчезла в хате. Через минуту вынесла телогрейку.

— Вот, отцовская фуфайка, — сказала. — Перед уходом на фронт оставил. Я укрываюсь. Но я в хате, а герой войны на улице мерзнет. Непорядок...

— Откуда знаешь, что герой? — растерянно спросил Иван и запахнул полу шинели, из-под которой могли бы блеснуть несколько медалей и орден.

— У не-героев шинели целы, — засмеялась Мария.

— Побывала бы под огнем, не говорила бы, что холодно, — похоже, обиделся Иван.

— Хватило нам такого огня и холода и здесь. Не дай Бог никому, — посерьезнела Мария. — Когда деревня горела...

— Прости, не хотел обидеть, — оправдывался Иван.

— Тогда бери телогрейку.

— А куда мне ее? На шинель не налезет...

— Сними шинельку. Телогрейка теплее.

— Не могу, шинель — военное имущество. Отвечать придется.

— А ты ее поверх телогрейки натяни. И теплее, и вид геройский сохранится...

— Ну и острая ты. Вот возьму и затуплю язычок, — Иван сделал движение, словно хотел обнять Марию.

— Тише-тише, герой! Ишь, как кони понесли! Смотри, чтоб не опрокинули...

Иван смутился, сел у зенитки, замолчал. Мария присела рядом, тоже молчала. Потом начала рассказывать о своей деревне, когда-то большой и многолюдной, о семье, о недавних и уже невозвратных школьных годах. Иван слушал, поддакивал, иногда о чем-то спрашивал. Затем стал вспоминать о своей жизни: довоенной и нынешней — фронтовой.

Не заметили, как промелькнула ночь, как рассвет зацепился за ствол зенитки. Они и дальше бы говорили, рассказывали, смеялись, вспоминали прошлое, но капитан Пекушев приказал собрать зенитчиков.

Разговор Мария с Иваном продолжили и на другой день, и в третью ночь.

— Смотри, дитя, не заговаривайся, — предостерегала мать. — Ему что — сегодня здесь, а завтра в поход. Сегодня живой, а там...

— Что вы, мама, говорите! — вспыхнула Мария. И непонятно было: то ли себя оправдывает, то ли Ивана жалеет.

— Говорю, потому что знаю, насмотрелась... — примирительно ответила мать.

Прошло более трех недель. Рота Руслана Пекушева по-прежнему квартировала в Большой Березе. Многие солдаты близко сошлись с местными девушками и вдовицами. Не таясь, ходили друг к другу. Военные успели подремонтировать некоторые землянки, подготовить их к зиме. В знак благодарности.

Мария не позволяла себе ничего лишнего, только разговоры да шутки-прибаутки. А вот жалеть — жалела Ивана. Поставила заплаты на все прожженные дыры и пробоины шинели, выстирала гимнастерку, заштопала все до единой дырочки, даже кальсоны выстирала, за что надолго попала на острые языки односельчан.

Команда на выступление прозвучала так неожиданно, что многие воины и проститься не успели. Мария была в это время в поле. Военную колонну заметила, когда та миновала ближайший лесок. Бросилась наперерез. Но только издали увидела Ивана. Он махал рукой и что-то кричал. Да разве за далью услышишь?

Девушки, провожавшие своих новых знакомцев, передали, что Иван обещал приехать после войны и вернуть телогрейку.

— Ага, жди, вернет, — сказала мать, узнав про обещание Ивана. — Много таких было, до сих пор возвращают. Если вернут все, что когда-то взяли, богачами станем.

— Но и не обеднеем без этой фуфайки, — отозвалась Мария. — Не столько добра пропало. А тут человеку помогли...

— Слишком уж ты жалостливая, моя доченька, — сказала мать, но о телогрейке больше не вспоминала.

Шло время, а разговоры о пекушевцах не утихали. У некоторых деревенских женщин вдруг стали округляться животы. Словно поправились на тех солдатских харчах. Мария смотрела на них со смешанным чувством.

А может, зря она... Кому нужно такое упрямство? Так можно и навсегда девушкой остаться. Где ты по нынешним временам наберешься женихов? А война все спишет...

Неожиданно Иван прислал треугольник. Писал, что помнит, благодарил за все хорошее, за Манину жалостливость — и где только он услышал это слово, неужели от матери? — обещал после войны обязательно привезти телогрейку.

Снова мелькали недели, месяцы. Уже некоторые девушки и женщины стали молодыми матерями, солдатками прозвали их, а от Ивана ни слуху ни духу. Мария тайком молила Бога, чтоб даровал Ивану жизнь, чтобы сберег его. Хотя сама не знала, для чего и для кого старается. Видно, просто жалела солдата.

Вскоре мощными всплесками радости, громкими салютами и горькими причитаниями окончилась война. Эшелоны победителей возвращались в свои города, деревни, землянки. Долгожданными мужскими голосами стала наполняться и Большая Береза. Только семья Мани получила страшную похоронку на отца. Поголосили, победовали, а куда денешься. Жить надо.

Не слишком спешили к своим прежним подругам и бывшие березовские постояльцы. Напоминанием об их коротком пребывании в деревне осталось около десятка мальчишек и девчонок, прозванных пекушевцами.

Понемногу стала затихать боль военных страданий и потерь. Детишки скрашивали трудный послевоенный быт, давали надежду на лучшее: все-таки рабочие руки растут.

А в душе Марии все острее ныла заноза: не услышал Бог ее молитвы. Не объявился Иван, не подает голоса. Успокаивала себя: известное дело, война, может, не докатил свою зенитку до победы. А если и вернулся живой, то на свой, курско-белгородский порог. Не была бы такой недотрогой, испытала бы женского счастья, и все иначе повернулось бы. А то вот так и живи — ни ребенка, ни мужа... А тут еще солдатки донимают:

— Хоть бы телогрейку передал, коль сам не захотел вернуться... Лучше уж синица в руках, чем журавль в небе...

И вдруг, когда стало браться на осень, когда аисты начали собираться на дальнем лугу, в Большой Березе появился Иван Серебряков.

Если бы внезапно здесь появился сам Жуков, его приезд не стал бы такой неожиданностью, как эта. И случилось так, что первой встретила его Мария. Шла из леса с тяжелой березовой чуркой на плече и увидела военного. С котомкой за плечами, в запыленных сапогах и знакомой телогрейке. Взглянула на него, и сердце не выдержало. Упала посреди дороги, а березовое полено покатилось прямо под ноги солдату. Испугался тот, поднял голову Марии, в лицо вглядывается, дыхание ловит: жива ли? Пришла она в себя, видит — перед глазами небритое лицо. И — кулаком его по заросшей щеке! Думала, целоваться лезет.

— О, будет жить! — засмеялся Иван.

А у самого полные глаза слез, кажется, моргнет — и прольются.

Как увидела Мария эти глаза, сама его за шею обняла, целовать стала. Не помнила, что делает, словно не в себе была. Все приговаривала:

— Ванечка... Мой любимый... Ванечка... Мой... Жалею я тебя... Жалею...

Когда шли по улице, казалось, каждая землянка наблюдает за ними.

Двор не мог вместить всех любопытных. Пришли посмотреть на гостя, который вон каким совестливым оказался: Манькину телогрейку с войны — из самого Берлина! — принес. Смеялись, шутили, а сами с тревогой ждали: что скажет солдат про их знакомых, надолго ли сам явился.

Тот тоже хитрым Иваном оказался:

— Вот, долг Марии вернул, — сказал — и больше ни слова на эту тему. Потом решился: — А ваших знакомых война забрала. Не обессудьте... На разных дорогах, в чужих краях нашли они вечный покой. Не они виноваты, что остались неженатыми, что не вернулись к вам... Не виноваты...

Посидели, повспоминали, поплакали люди и разошлись. Родственники Марии тоже разговора серьезного не заводят, ждут чего-то.

Когда остались вдвоем, Иван позвал Марию на луг, наклонился к ней и говорит:

— Навсегда я приехал... Если примешь...

Говорит, а у самого слезы в глазах стоят.

— Я-то приму, — отвечает Мария, — но как твои домашние, что они скажут...

— Ничего не скажут... Нет их... Ни матери, ни отца, ни сестер... никого...

Свадьбы большой не делали. Всем, кто приходил поздравить, а скорее — посмотреть на такого чудаковатого жениха, наливали в кружку, сделанную из гильзы, крепкого самогона, угощали картошкой с огурцом.

Хоть и без левой руки, а мастеровитым оказался Иван, сноровистым. Сам построил новую хату. Неподалеку от бывшей Маниной. Работать стал бригадиром в восстановленном колхозе, потом перешел на конюшню — лошадей очень любил.

Пятьдесят лет прожили вместе. Золотую свадьбу справили. Полвека минуло, одно неповторимое мгновение.

Родили двух сыночков и трех дочурок. Любовались ими, радовались, что в люди вышли. Когда собирались все вместе, Иван рассказывал о своих военных дорогах, о Курске и Белгороде. А в глазах его Мария видела такую неизбывную печаль, что хоть сама голоси.

Похоронила Мария своего Ванечку и одна в хате осталась. Дети побыли немного и разъехались по домам. Известное дело — свои семьи, свои заботы.

Старший, названный тоже Иваном, прощаясь, утешал мать, просил не горевать: жизнь не переиначишь.

Утешает, а у самого в глазах слезы стоят...

Перевод с белорусского автора.

Алексей НЕСТЕРОВ

На поприще яви

* * *

Я ищущий в пустыне
Я жаждущий в пустыне
Я знаю твое имя
О божество воды
Упей мою гордыню
Насыть мое сознанье
О божество незнанья
О божество судьбы

* * *

Эй ты неизвестный в толпе
Нет не ты Мария
И не ты Николай
Не вы Федор Дмитрий и Аглая
Ты слышишь меня ты самый дальний самый укромный
Самый неприметный
Выйди вперед
Встань в центр
А вы все расступитесь
Именно ты достоин моего внимания
Самый неприметный
Тебя я славлю
Ты достоин величия
Самый последний
Не бойся
Выйди
Я принесу тебя в жертву
Ты будешь прославлен
Более всех
И меня

* * *

Ты пытался починить будильник
А поломал вселенную

Ты хотел просто попить кофе
А уничтожил все поколение
Будь осторожен
Не дыши
Не двигайся
Мир такой хрупкий
Не то что ты

* * *

Мои друзья идут по жизни маршем
Мои друзья ползут по подворотням
Мои друзья валяются в подъездах
Мои друзья ведомы богом
Не богом Иисусом не Аллахом
Безумным диким богом беспредела
Искатели священного Грааля
Презревшие ограниченья тела

* * *

египетская книга мертвых
книга о восхождении к свету
свитки пирамид
дом души Птаха
Мемфис
тот кто за южной стеной
Тот
Исида Осирис
пришли за тобой

* * *

Вперед в царство сна
Рай для избранных Морфеем
За кропотливые старания
На поприще яви
Чем сильнее ты бдел
И истошней сражался
Всеми органами чувств
С яви жестокой машиной
Тем более нежное мягкое ложе
Тебе уготовано в сладком раю
И возляжет с тобою нимфа
Непробудного сна

* * *

Могу ли я победить тебя
Или завязать знакомство

С кем-то кроме тебя
И опять это ты
Нет никого кроме тебя
Могу ли я полюбить тебя больше чем все
Так ты и есть все
Как я могу любить тебя больше чем все
Если все это ты
Ты не ревнуй
От тебя я ушел к тебе
Встречай меня
Если я не с тобой
Значит иду к тебе

* * *

Живое шевелится
Растет
Набирается сил
Пьет соки
Каменеет
Твердеет
И вот
Оно уже мертвое
Навеки

* * *

Буквы одни и те же
От букваря до смерти
Одни и те же буквы
Кирилла и Мефодия
Одни и те же буквы
Обо всем на свете
Главный культ родины

* * *

узрев себя как каплю на стекле
стекая в сладкое безумие
естественных ограничений
математических иллюзий
окаменелых норм
порабощенной субординацией толпы
мятежников на корабле плывущем
к сингулярно взмывающей скале
последствий стольких дел
на столь активно переполненном кубическом пространстве
я удивляюсь
что же я хотел в тот миг когда я основал реальность

Франко ЭННА

Римское дело комиссара Сартори*

Роман

Кто видел Марину?

Пятнадцать агентов рыскали по Риму в поисках Марины Соларис. Комиссар дал приказ пошарить по убежищам хиппи и, чтобы облегчить розыски, отобрал самых молодых агентов, которым предписана одежда «битников». Кроме того, в группу включены инспекторы Тереза Сарно и Луиза Банделли — красивые девушки, искусные в дзюдо.

Бригадиру Короне и агенту Мариани поручено наблюдение за римской квартирой командора Солариса.

Сартори оставил за собой зону Анцио, куда хотел возвратиться, чтобы осуществить свою идею. Все были обязаны отдавать рапорты каждые два часа фельдфебелю Фантину, который сидел на связи. Ему комиссар регулярно звонил по телефону.

Он выехал в первой половине дня за рулем автомобиля без отличительных знаков, и когда добрался до побережья Торваяники, у него уже было ощущение, что он въезжает в другой мир, лучший, чем мир горожанина. Сквозь тучи проглядывало солнце, создавая торжественную атмосферу, которая нравилась Франческо Сартори и которая уносила его в далекую эпоху, где его волшебные сны казались реальностью.

Было без пяти три, когда комиссар преодолел решетчатые ворота виллы Соларисов в Анцио. Он был встречен лаем собак и взглядами женщин, занятых работой на ферме. Мальчик загонял теленка в огромный двор, пропахший сеном.

Сартори остановил автомобиль под портиком и ступил на землю. Не было видно крепкой фигуры Марко Радико; другие же ограничились тем, что наблюдали за ним с невозмутимым видом.

Он обратился к мальчику лет тринадцати, который прервал свой бег, чтобы исподтишка осмотреть вновь прибывшего.

— Командор Соларис дома?

Мальчик ответил пожатием плеч.

— А монсеньор?

Еще одно пожатие плеч.

— Черт побери! — пробурчал сквозь зубы Сартори. Он дошел до внутренней парадной лестницы, поднялся к обширной комнате, молчаливой и полной воспоминаний.

---

*Окончание. Начало в № 11 за 2018 г.

Слуга с видом идиота, с ниткой слюны в углу рта, замер при его появлении и издал неестественный смешок.

— Я бы хотел поговорить с кем-нибудь из синьоров, — заявил комиссар. — Если нет командора и монсеньора, то — с судьей.

Человек продолжал смеяться с тупой гримасой слабоумного.

Сартори заорал:

— Ты понял? Доложи обо мне хозяину…

Тот подскочил от страха и убежал.

— Ну что здесь за люди? — возмутился Сартори.

В прихожую вошла служанка, которая два дня назад накрывала на стол. Несмотря на годы, она двигалась проворно. У нее были живые глаза на морщинистом, бледном лице.

— Добрый день. Прошу вас извинить за Витторио, — сказала женщина. — Он дурачок от рождения… Мы его держим из милосердия! Он — сын одного из слуг этого дома. Хотите поговорить с кем-нибудь?

— Если возможно.

— Дома только синьор судья. Не знаю, если его превосходительство будет в состоянии…

Его превосходительство! Феодализм не сдавал своих позиций, вопреки всем событиям последних двадцати лет. И это рядом со столицей.

— А синьорина Марина дома?

Тень недоверия легла на морщины женщины.

— Нет, синьор, ее нет.

— Тогда сделайте так, чтобы я поговорил с судьей Соларисом, — потребовал Сартори.

— Я попробую. Извините. Садитесь.

Женщина вышла, передвигаясь с большой скоростью, несмотря на длинное, почти до пят, черное одеяние. Комиссар осмотрелся вокруг. Атмосфера этого дома была действительно тягостной; по крайней мере, на него она оказывала гнетущее воздействие, потому что вызывала в его памяти очень грустные сцены из его прошлого.

Полицейский услышал скрип в соседней комнате. В инвалидном кресле на колесиках, которое толкала старая служанка, въехал судья Соларис.

— Где, где? — проговорил старик. — Это хорошо, что вы приехали… Я не понял, кто вы на самом деле, но чувствую, это хорошо, что вы вернулись…

— Добрый день, синьор судья, — поздоровался комиссар.

Служанка прошептала:

— Говорите громче, он глухой.

— Дура ты! — распрямился судья. — Я не глухой, у меня просто много мыслей… Вы доктор из того вечера? Может, вы думаете, что я болен?

Сартори с трудом растолковал старику, что он не врач, а доктор-юрист; потом открыл ему, кто есть на самом деле.

— Полиция? Вы из полиции? Браво! Очень хорошо! Что ни говорите, а у нас в Италии отличная полиция… Знаете, что мне почти девяносто лет? Но я не выживший из ума олух, как думают мои сыновья. Сыновья! — ухмыльнулся он, вращая почти потухшими зрачками. — Дети — это дети до двадцати лет или в этих пределах. Потом они становятся чужими… По крайней мере, так произошло со мной. Может быть, я был никудышным отцом, а может, надо благодарить моего отца… Вы меня слушаете?

Сострадательная улыбка появилась у Сартори.

— Я слушаю вас, синьор судья.

Глаза старика шарили в окружающей полутьме, усмешка разглаживала бледные губы.

— Судья, — пробормотал он. — Я был судьей… Кассационным, знаете? Проливал свет в почти неразрешимых делах, а сейчас… Хорошо, синьор. Что я могу сделать для вас? Что может сделать для правосудия дряхлый старик?

Служанка за спиной судьи стояла неподвижно и делала вид, что ничего не слышит и ничего не видит. Сартори не счел необходимым удалять ее.

— Ваше превосходительство, — начал комиссар, идя на компромисс с самим собой, — вы помните Катерину? Катерину Машинелли, некоторое время служившую нянькой у вашей невестки…

Улыбка коснулась губ старика.

— Катерина? Конечно, помню, — ответил судья. — Я вовсе не мумия… Красивая девушка, огонь… Настоящая угроза для любого мужчины. Всегда в страстном желании! О да, любой мужчина, достойный этого имени, с трудом смог бы сдержать себя рядом с этой девушкой. Она всегда была раскрыта для объятий. Некоторые вещи чувствуются. В мое время женщины мне нравились… Знаете, они бы мне и сейчас нравились, но машина заржавела, блок и колесики больше не двигаются.

Сартори почувствовал умиление. И в то же время сочувствие к старому судье, мысли о том, что и для него настанет такой же день, овладели им. Повинуясь импульсу, он положил руку на колено судьи. Старик оцепенел и схватил его руку.

— Что случилось с Катериной? Почему вы, комиссар государственной полиции, спрашиваете меня о ней?

— Ваше превосходительство, она пропала пятнадцать дней тому назад, — ответил Сартори, — и прошло уже около месяца, как пропала ваша внучка Марина…

Старик нахмурил лоб, его взгляд снова начал блуждать по комнате.

— Марина пропала?

— Да.

— И Катерина?

— Да, синьор судья.

Последовала долгая пауза, во время которой Сартори напряженно смотрел на служанку, которая, казалось, вновь приняла вид существа, состоящего из трех маленьких обезьянок: не слышала, не видела, не говорила.

— Марина? Около месяца? — свирепо произнес старик. — Но я ее видел несколько дней тому назад. Она, как всегда, была ласкова со мной, поцеловала меня, как обычно, читала мне Толстого и Достоевского… — Он ударил себя по колену кулаком: — Боже, это была не Марина! Она читала очень плохо, не во весь голос, как обычно для моего слуха, и потом, ошибалась в русских именах, чего Марина никогда не делала… — Судья засуетился в поисках руки комиссара. Тот с чувством нежности подал ему руку. — Комиссар, что означает все это? Марина недавно заставила меня изменить завещание… Она сказала мне, что приняла решение выйти замуж за принца Москато ди Селинунте… Знаете, это старая история. Может быть, я одержим навязчивой идеей, но мне совсем не хочется, чтобы мое состояние попало в руки каких-то грязных червей… Старый принц Москато — мой друг почти полстолетия, и брак между его внуком и моей внучкой укрепит последний оплот аристократии. В течение нескольких лет я пытался убедить Марину выйти замуж за Риньеро, но она постоянно отвергала это предложение. А тут вдруг согласилась… Несколько дней назад. И я изменил завещание в ее пользу, как, впрочем, и желал… Нотариус Мантенья из Рима может подтвердить… Боже, что они от меня скрывают?

В этот момент фигура служанки пробудилась, ожила и подала голос.

— Эта девушка была не синьорина Марина, — заявила женщина пронзительным голосом. — Это была Катерина, загримированная, как на карнавале…

Судья переместил взгляд вверх в бесполезной попытке посмотреть в лицо женщине.

— Ваше превосходительство, — сказал Сартори. — Я могу позволить себе дать вам совет?

— Как? — закричал старик, подставляя ухо.

Комиссар повторил вопрос.

— Конечно, конечно! — ответил судья. — Говорите прямо…

— Сделайте вид, что вы ничего не знаете о пропаже синьорины Марины. И о том, что я вам рассказал...

— С моими сыновьями?

— Вот именно.

Старик закрыл глаза и задумался.

— Хорошая мысль! — вдруг резко проговорил он. — Притворюсь, что я в полном неведении. Тем временем подумаю, как преподать им урок. Томмазо — особенно. Ах, какой мне достался глупый сын!..

И его голова закачалась, как маятник.

Наконец-то след

Попрощавшись с судьей, Сартори, вместо того чтобы выйти, подождал в прихожей возвращения служанки. Женщина, казалось, не удивилась, увидев его.

— Желаете еще чего-нибудь? — спросила она.

— Я бы хотел задать вам несколько вопросов, — вежливо ответил Сартори.

Женщина утвердительно кивнула головой.

Комиссар продолжил:

— Мы можем перейти в какое-нибудь другое место?

Служанка повела его через длинный ряд мрачных и молчаливых комнат, углы которых прятались в вечернем полумраке. Она остановилась, очевидно, в крыле, закрепленном за прислугой, открыла дверь и, пропустив полицейского, закрыла за собой. По всей видимости, это была ее комната.

Служанка встала около античной скульптуры и направила взгляд в сторону комиссара.

— Где Марина? — задал вопрос Сартори решительным тоном.

Глаза женщины казались двумя ледышками. Потом мало-помалу лед начал таять под жаром сильного волнения, и на ресницах появилась вуаль из слезинок.

— Где Марина? — повторил комиссар. — Где она была с одиннадцатого по шестнадцатое октября?

— Послушайте… Это существо растила я, с тех пор, как она вышла из утробы матери, и по сегодняшний день. Только молоко из этой груди не давала, а остальное… — Рыдание, почти рев, вырвалось из ее груди. Должно быть, она обладала железным характером, если, несмотря на жестокие страдания, имела силы противиться им и сохранять спокойствие. — Марина рассказывала мне все… Почти все. А с некоторого времени и по этой части… Когда ей было больно, она приходила в эту комнату, в эту кровать, в мои объятия, чтобы поплакать, спросить у меня совета, найти утешение… В прошлом месяце она пришла ко мне ночью. Проплакала всю ночь на моей груди. Мне она была как дочь… Больше, чем дочь. У меня нет своих

детей, но я могла бы рассказать многим матерям, что значит быть матерью… Марина сказала, что ждет ребенка. Я схватила ее за волосы и посмотрела в глаза. Спросила, кто отец ребенка. Она не захотела мне сказать. Не захотела, не захотела… Я трясла ее, но и тогда она не захотела назвать имя. Назавтра я пошла поговорить с ее отцом. Так как я заступилась за Марину, командор дал мне пощечину. Он был как сумасшедший. Он боялся.

— Боялся?

— Боялся… боялся, что судья узнает и лишит Марину наследства. Потому что всего того богатства, которое вы видите вокруг, и миллиарда, о котором говорил монсеньор — наследство старой синьоры, — недостаточно, чтобы спасти семью от краха…

— Не понимаю, — сказал Сартори.

Женщина села на краешек кровати. Комиссар расположился рядышком на мягком стуле.

— Предприятие хозяина потеряно, — возобновила речь энергичная старушка. — Может быть, не из-за дел на самом предприятии, а из-за жизни, которую ведет хозяин. Он игрок. Дьявольское дело.

— Командор играет?

— Играет и проигрывает. В Риме. В тайных игорных домах… Я не разбираюсь в этих делах, но у меня хорошие глаза и уши. Предприятие разоряется, потому что хозяин — не коммерсант, как правильно говорит его отец…

— А Марина? — гнул свое комиссар.

Женщина закрыла лицо руками, как будто получила пощечину.

— После моего разговора с командором произошла ужасная сцена между Мариной и ее отцом. Марина кричала, просила… И хозяин кричал, бил ее. Я попыталась вмешаться, но этот боров Радико прогнал меня пинками… — Еще один стон вырвался из груди. — На следующий день, это было как раз одиннадцатого, вечером приехала машина. Вышла женщина, ее встретил и провел в дом Радико. Командор был наверху. Я выследила… Марины больше не было слышно. Может, она лишилась чувств, а может, ее усыпили, не знаю… Я попыталась еще раз добраться до моей девочки, и еще раз Радико ударил меня. Никто не мог войти в эту комнату…

— Какую комнату?

— Внизу, в хозяйском крыле. Не комната Марины, а комната, которая уже годы не открывается… Старая мегера, приехавшая на машине, потребовала теплой воды, повязки и другие вещи, которые для меня были доказательством того, что происходит… Я продолжала шпионить. Радико отдавал приказы, и все подчинялись. Вдруг я услышала, что моя девочка кричит как безумная, и попробовала еще раз проникнуть к ней. Но Радико опять стукнул меня и выбил два зуба… Вот, смотрите!

Она обнажила кровавую рану. Сартори был очень заинтересован.

— А потом?

— Я решила убить его, — продолжала женщина с ужасным спокойствием. — Взяла острый нож на кухне и села в засаде. Никто не защищал мою Марину. Оставалась я. От меня она ждала помощи… — Служанка посмотрела в лицо комиссару, спокойная и опасная. — Я знаю, что вы представитель закона, но говорю все как есть… Теперь уже ничто не имеет значения. Я пряталась за дверью с ножом в руках. Слуги входили и выходили с кастрюлями теплой воды, повязками… Когда появился Радико, я прыгнула на него и ударила ножом. Но мои руки уже не так сильны, как прежде. Мне — пятьдесят девять, но это все равно что тысяча… Он вырвал нож из моих рук, оттащил меня за волосы в мою комнату и убил бы меня, если бы не пришел хозяин…

— Командор?

Женщина утвердительно кивнула головой. Она была напряжена и тверда, как ствол дерева.

— Что же произошло потом?

— Я продолжала следить дальше, — сказала женщина. — Крики Марины прекратились… Потом приехал человек с черной сумкой в руках. Наверное, врач. Я его никогда не видела… Мегера сильно беспокоилась. Конечно, испугалась… Что-то не сработало. Они убивали мою Марину. Я попыталась войти в комнату. Мне удалось только бросить взгляд, и я увидела море крови. Радико вытолкал меня, снова бил ногами, потом оттащил в мою комнату и начал хлестать ремнем… На теле еще остались следы. Он бросил меня без сознания. Когда я пришла в себя, был рассвет. Моей Марины больше не было. В той комнате все было в порядке и чисто. Марина сгинула в ночи… Никто из слуг ее не видел. Никто ничего не слышал…

Сартори молчал, глядя в каменное лицо служанки.

— Как ваше имя?

— Пальмира.

— Пальмира как?

Женщина колебалась.

— Пальмира… Ромолетти, — произнесла она, на один миг опустив глаза. Но сразу же подняла взгляд и добавила: — Я должна была также называться Соларис. Судья — мой отец.

У Сартори сжалось сердце.

— А ваша мать?

— Она умерла. Много лет назад. Она служила здесь…

Комиссар помолчал несколько секунд, потом сказал:

— Вы смогли бы узнать акушерку?

— Среди тысячи мегер, — ответила женщина.

— Вы не знаете ее имени?

— Нет, но ее лицо высечено в моей памяти.

Комиссар почувствовал необходимость положить свою руку на ее руку. Это был тот контакт, который сломал напряжение; поток рыданий вырвался у нее из груди, она закрыла лицо руками; лицо преждевременно состарившейся женщины.

Из бара в центре Анцио Сартори позвонил фельдфебелю Фантину в Центральное управление. Все агенты уже доложили. Отрицательно по всем линиям. Только инспектор Банделли сообщила, что нашла юношу, который знал Марину Соларис и видел ее девятого октября в Риме. Его звали Пьетро Скалья, он жил рядом с профессором лицея — личностью сомнительной. По словам инспектора, Скалья входил в состав группы «длинноволосых», пристрастившихся к наркотикам.

Комиссар поужинал в траттории рядом с портом, потом позвонил на виллу Соларисов и попросил к телефону Марко Радико, управляющего.

— Синьор Радико, добрый вечер. Я — комиссар Сартори.

Небольшая заминка.

— Добрый вечер, синьор комиссар. Чем могу служить?

— Хотел бы выпить с вами по стаканчику вина, если не возражаете. Я в Анцио, траттория «Венецио». Знаете?

— Знаю. Буду через пятнадцать минут.

Может, у него и было желание возразить, но не хватило смелости. Немного позже Радико появился на пороге траттории с видом «чернорубашечника»: в длинной кожаной куртке и мягком берете. Подойдя к столику комиссара, который стоял в отдалении от других, он сел, не раскрыв рта.

— Вино? — спросил Сартори.

— Вино.

По знаку полицейского официантка принесла бутылку и два стакана. Она наполнила стаканы, с любопытством поглядывая на обоих мужчин, и удалилась, виляя задом.

— Прозит! — сказал Радико.

— Ваше здоровье, — ответил комиссар.

Управляющий залпом выпил содержимое своего стакана, в то время как комиссар только смочил губы. Помещение было переполнено лишь возле бара, где толпились рыбаки. За столиками ресторана народу было мало: семья, что была проездом, толстый и напыщенный прелат, пожилая синьора с собачкой. Включенный телевизор способствовал созданию «ада» в этом убогом и грязном зале. Естественно, шла спортивная передача; тема, преобладавшая в скудном репертуаре итальянского телевидения.

— Ну так что, синьор комиссар?

— Завтра утром, вернувшись на службу, я затребую ордер на ваш арест и на арест ваших хозяев за совершение криминального аборта.

Ни один мускул не дрогнул на лице Радико.

— Делайте что считаете нужным, — отчетливо произнес управляющий.

— Ваше поведение мне не нравится, синьор Радико. Вы мните себя достаточно защищенным своими хозяевами, но будете очень разочарованы… По крайней мере, если не решитесь говорить. Время еще есть. Пока есть!

— Понимаю.

Радико наполнил стаканы, опустошил свой, аккуратно поставил его и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Вы сицилиец, Радико?

— Да, синьор комиссар.

— А!.. Об этом мне напомнило имя. Я тоже сицилиец. Но сейчас мы в Риме, в центре Италии, а не на Сицилии. И даже на Сицилии феодализм кончился почти повсюду. Если вы считаете себя рабом баронов или им подобных, то погорите. У вас есть дети, Радико?

— Пятеро.

— Тогда подумайте о своих детях и встаньте на сторону закона. Вы же лучше меня знаете, что если попадете в тюрьму на пять-семь лет, а может, и больше, никто вам памятник не поставит.

Радико глубоко затянулся сигаретой.

— Расскажите мне о Марине Соларис, — снова начал комиссар. — И о Катерине Машинелли.

— О Катерине?

— Да.

— Синьор комиссар, вы думаете, я знаю, что произошло?

— Если не знаете, не выдумывайте, Радико, иначе плохо кончите. Но вы мне скажете хоть что-нибудь? Мое терпение кончается.

Тон Сартори стал резким, взгляд, устремленный на собеседника, затвердел и вынудил управляющего опустить глаза.

— Был незаконный аборт? — настаивал комиссар.

— Да.

— У Марины?

— Да.

— Командор был в курсе всего?

— Да.

— И монсеньор?

Управляющий резко поднял голову.

— Монсеньор? Господи помилуй!.. Как вы могли подумать, что…

— Акушерку, которая присутствовала, зовут Коралло Элизабетта?

— Да.

— Почему Катерина выдавала себя за Марину Соларис?

— Синьор судья не должен был ничего знать, — объяснил управляющий, не поднимая глаз. — Он хочет, чтобы Марина вышла замуж за принца, иначе состояние пойдет на благотворительность…

— Дела командора идут плохо?

— Довольно.

— А где сейчас Марина?

Радико осмелился посмотреть комиссару в лицо.

— Не знаю, клянусь! — ответил он искренним тоном.

— А Катерина?

— Не имею ни малейшего представления.

Сартори выпил маленькими глотками вино, отставил стакан и посмотрел в глаза управляющему.

— Вам больше нечего сказать?

— Нечего, синьор комиссар.

— Хорошо. Завтра вы будете в тюрьме вместе со своим хозяином. До свидания, синьор Радико.

Страшное открытие

Утро тридцатого октября было довольно беспокойным. Доктор Сартори прибыл на службу ровно в восемь, и фельдфебель Фантин, который уже ждал его, доложил, что инспектор Банделли находится в приемной вместе с Пьетро Скалья, длинноволосым другом Марины.

Едва Сартори уселся за стол, зазвонил телефон. Это был доктор Лепорити, заместитель прокурора Республики, который сообщил, что прочитал представленный комиссаром доклад по делу «Машинелли — Соларис» и усмотрел в нем основания для выдачи ордера на арест Томмазо Гуалтьеро Солариса и Марко Радико. На данный момент не было возможности привлечь к ответственности акушерку Элизабетту Коралло, так как не существовало достаточных доказательств, чтобы инкриминировать ей незаконный аборт.

— Может быть, лучше пока клиентов не трогать, а держать их в состоянии ожидания? — подсказал комиссар. — Мне кажется, сегодня-завтра ситуация прояснится.

— Хорошо, тогда я жду ваших сообщений! — согласился Лепорити. — Держите меня в курсе.

Сартори приказал бригадиру Короне, который выглядывал на пороге, ввести Банделли и длинноволосого молодца.

Ему было тридцать. Длинные, почти до плеч черные волосы, неухоженная борода. Маленький, тщедушный, нервный человек. Он был уроженцем Виченцы, но около года назад перебрался в Рим и жил без постоянной прописки, скитаясь по убежищам «битников». Оказалось, он учился в университете Триеста на медицинском факультете (за что получил у «битников» кличку «док»), но бросил учебу. Стоящая рядом Банделли, которой тоже было тридцать, создавала ему странный контраст своей голубой униформой и приятным внешним видом.

Войдя в кабинет, Скалья принялся вопить, что полиция совершает насилие; он «гражданин мира» и поэтому не обязан подчиняться законам какой-либо страны и не откроет рот без адвоката.

Две звонкие пощечины, дарованные ему фельдфебелем Фантином, заставили его изменить мнение о своем настоящем положении и убедили сидеть тихо перед полицейским.

— Если я не ошибаюсь, — начал комиссар, — не так давно вы получили оплеухи от священника около виллы в Анцио. Было такое?

— Кто вам сказал?

— Не вы спрашиваете. Отвечайте.

— Я не буду ничего отвечать! — разразился тирадой длинноволосый. — Вы послали эту бесноватую в юбке, которая смазала меня двумя ударами карате, едва я успел заметить, что полиция не имеет никакого права вызывать гражданина в Управление без…

— Если вы не перестанете валять дурака, я закрою вас в одной комнате с инспектором Банделли. Хотел бы я видеть, что вы ей прорифмуете…

Девушка покраснела от удовольствия.

Длинноволосый покраснел от бешенства.

Угроза, должно быть, показалась ему более опасной, чем пощечины фельдфебеля Фантина, поэтому он остался сидеть.

— Значит, — возобновил допрос полицейский, — вы не будете отвечать на мои вопросы?

— Ну да!.. Это было… около месяца назад. Я проводил Марину в Анцио и попрощался с ней…

— Что вы понимаете под словом «попрощался»?

— Ну, мы целовались.!

— Около виллы, у решетки?

— Да.

— И монсеньор Соларис, ее дядя, приложил вас своей рукой?

— Да, у этого проклятого ханжи тяжелая рука.

— Какие у вас отношения с Мариной Соларис?

— Отношения… Нормальные отношения: бываем вместе, гуляем, как и другие, присутствуем на собраниях, участвуем в манифестациях…

— И любовью занимаетесь… Говорите, в этом нет ничего плохого.

— Да, она занималась со мной любовью… Я думаю, и с другими будет это делать. У нас свободная любовь.

Сартори обменялся взглядами со своими сотрудниками.

— Хотел бы я видеть вашу сестру в вашей берлоге, — сказал Сартори.

— У меня нет сестры.

— Тем лучше для вас… А наркотики? Вы забыли сказать о наркотиках. Какой у вас в предпочтении? ЛСД? Кокаин?

— Что вы хотите сделать со мной? — Юноша вскочил, в глазах его мелькнул страх. — Я… я не торгую такими вещами…

— Оставим это пока, — проговорил комиссар твердым тоном. — Скажите мне только, с каких пор вы не видели Марину Соларис?..

— С каких пор? Подождите… Точно не помню. Несколько дней — определенно. Мы не всегда вместе. Марина приходила, когда имела возможность, и уходила без каких-либо объяснений.

— Вы не помните, когда видели ее последний раз?

— Где-то в начале октября, числа пятого, шестого… Мы встретились на площади Испании, поболтали немного. Там были и другие. Потом начался дождь, и мы укрылись в ее квартире…

Сартори навострил уши.

— Квартира? — удивился он. — У Марины есть квартира, здесь, в Риме?

— Да, есть гнездышко, — ответил Скалья, почесывая бороду. — Даже я был удивлен. Это первый раз, когда она мне ничего не сказала. Может, у нее есть постоянный друг, не знаю…

— Вы не имеете представления, кто может быть этим другом?

— Нет.

Комиссар наклонился вперед и изменил тон голоса.

— Синьор Скалья, вы знали, что Марина ждет ребенка?

Длинноволосый подскочил на стуле.

— Ребенка?

— Именно так…

— Комиссар, если вы пытаетесь замазать меня, то ошибаетесь. Несколько раз мы бывали с Мариной, но я всегда был осторожен. Я не хочу детей.

— Вы хотите сказать, что девушка употребляла противозачаточные таблетки?

— Нет, не употребляла. Предохранялся я… Ищите в другом месте, если хотите найти отца ребенка. Или я не знаю Марину…

В комнате наступила тишина. Инспектор Банделли, сидя нога на ногу, переводила взгляд то на бригадира Корону, то на фельдфебеля Фантина.

— Дайте мне адрес квартиры девушки, — снова возобновил разговор Сартори, прикуривая сигарету.

— Адрес? Подождите, я где-то записал… — Он порылся в карманах, вытащил клочок бумаги с записями. — Улица Маргутта, 115, последний этаж… Очень милая квартирка. Что касается «зернышек», то у Марины их немало… Она может позволить себе и то, и другое.

— У нее есть автомобиль?

— Да, «Мустанг».

— Цвета зеленого горошка?

— Точно.

Комиссар приказал фельдфебелю Фантину отвести длинноволосого в камеру и приготовить бумаги для его принудительной отправки в Виченцу. Скалья вышел из кабинета, протестуя против самоуправства полиции.

Двадцатью минутами позже в кабинете появилась служанка виллы Соларисов Пальмира Ромолетти, сопровождаемая агентами Мариани и Тортуозо. Чуть раньше, под эскортом полицейских, перед комиссаром предстала акушерка Элизабетта Коралло.

Присутствовали фельдфебель Фантин, бригадир Корона и три агента. Когда акушерка увидела служанку, она стала белой как бумага.

— Это она! Это она! — закричала Пальмира Ромолетти. — Ведьма!.. Ведьма проклятая!

Пришлось вдвоем удерживать служанку, чтобы помешать ее молниеносному прыжку на старую акушерку, которая в испуге отпрянула к стене.

— Уведите, — приказал Сартори. — Ее мы допросим позже.

Старая акушерка вышла с опущенной головой в молчании, теперь уже убежденная, что проиграла партию.

Сартори встал.

— Бригадир, едем на осмотр квартиры Марины Соларис. Я чувствую, мы найдем там кое-что новенькое.

У здания были красные, потрескавшиеся стены и дряхлая дверь. К квартирам наверх вела винтовая лестница. В лучах солнца поздней осени улица Маргутта казалась птичьим садком. Создавалось впечатление, что ты попал во времена ремесленного, болтливого Рима: улицы заполнены голосами ремесленников, напряженно работающих перед дверями.

Портье не было. Лестница темная.

Комиссар, а за ним Корона, поднимались медленно, останавливаясь на лестничных площадках, чтобы прочитать таблички, прикрепленные к дверям квартир. На последнем этаже не было никаких надписей, и комиссар энергично постучал несколько раз.

Ответа не последовало.

Сартори сделал знак подчиненному, тот шагнул вперед, вынул из кармана нечто похожее на отмычку и взломал старый запор.

— Это не по правилам, — пробормотал Сартори.

— Ничего страшного, доктор. Мы нашли дверь открытой…

Сартори переступил порог и тут же замер. В темной прихожей витал тошнотворный запах.

Оба полицейских молчали, но это молчание было густое от невысказанных фраз. Они стояли неподвижно, слушая уличный шум. Потом комиссар двинулся и открыл одну из двух дверей, выходящих в прихожую.

Он снова очутился в темноте.

Ощупью поискал выключатель. Маленькая лампочка осветила кухоньку с умывальником и газовой плитой. Повсюду были разбросаны грязные тарелки и кастрюли с остатками дурно пахнущей пищи. Из водопроводного крана в сковородку капала вода.

Сартори вернулся в прихожую и открыл вторую дверь.

Там тоже царила темнота. Он нащупал справа от двери выключатель. Поток света залил обширную гостиную, обставленную в турецком стиле. Ковры, пуфы, канапе занимали большую часть пространства. На низком столике стояли грязные бокалы и бутылки спиртного. У стены разместился шкаф, дальше — комод старинного типа с полуоткрытым верхним ящичком.

В помещении невозможно было дышать. Корона побежал открывать окно. Солнечный свет ворвался в комнату.

— Доктор, смотрите! — вскрикнул бригадир.

За канапе, на цветастом персидском ковре свернулось клубком тело девушки. Длинная белокурая прядь наполовину закрывала тронутое смертью иссиня-белое, как мрамор, лицо. Рядом с трупом лежали шприц, коробочка с ампулами желтоватой жидкости и очки. На вид ей было не более двадцати пяти лет.

— Марина Соларис, — предположил Корона.

Комиссар наклонился над трупом, осмотрел его поближе и поднял лицо к подчиненному.

— Марина Соларис или Катерина Машинелли, — произнес он задумчиво.

Бригадир ограничился пожатием плеч.

Решающий поворот

До вечера в квартире на улице Маргутта крутился вихрь: уголовный розыск, криминалисты, следователь, заместитель прокурора Республики, ну и конечно, туча фотографов и журналистов, которые давили на кордон полицейских, выставленный фельдфебелем Фантином.

Судебный медик прибыл к семи. Это был унылый и спокойный человечек, которому не хватало только котелка, чтобы выглядеть англичанином. С трупами он обращался, как с манекенами.

Медик вошел и спросил «где?», имея в виду, естественно, труп; потом приступил к своим прямым обязанностям, на несколько минут отрешившись от всего, что его окружало.

Перед тем, как уйти, криминалист заявил, что данное состояние трупа не позволяет ему сделать вывод без вскрытия. Но как бы то ни было, он считает, что девушка мертва уже дней десять. Относительно возможности убийства, то так как раны на теле не замечены, можно предположить, что смерть наступила от эмболии или от чрезмерной дозы наркотика.

Все склонялось к тому, что произошел несчастный случай. Однако комиссар Сартори не торопился с выводами и молча осматривался вокруг, пока сотрудники пытались собрать улики.

До того как труп увезли в клинику, на место происшествия прибыл командор Соларис в сопровождении агента, который ходил за ним. При виде комиссара его лицо исказила гримаса, которая, очевидно, была следствием неудачной попытки сформулировать свою мысль вслух.

— Мы еще не знаем, — предупредил его Сартори. — Нужно, чтобы вы взглянули…

Они прошли сквозь две шеренги техники и полицейских. Комиссар, который шел впереди Солариса, остановился посреди комнаты и указал на тело девушки.

— Марина! — захрипел командор, и на миг показалось, что он рухнет на пол.

По знаку Сартори фельдфебель Фантин проводил его в соседнюю комнату

— Увозите! — приказал комиссар и упал в мягкое кресло.

Санитары увезли тело.

Потом гомон прекратился, все потихоньку удалились, и он остался один в комнате, которая до сих пор, казалось, была взбудоражена трагедией. В прихожей на стене вырисовывался гигантский контур бригадира Короны, сосредоточенно курившего в компании фельдфебеля Фантина. На улице уже зажгли фонари, засверкали витрины; в каком-то доме слышался голос телевизионного диктора.

— Бригадир Корона!

— Я здесь, комиссар.

— Найдите хозяина этой квартиры и выясните, записан ли контракт о найме квартиры на имя Марины Соларис.

— Слушаюсь, комиссар.

— Постойте! Поручите это Мариани и Тортуозо. Чуть позже вы мне будете нужны. Фельдфебель Фантин еще здесь?

— Так точно! — тут же ответил подчиненный, показываясь в проеме двери с сигаретой, спрятанной в ладони.

— Приведите командора Солариса, фельдфебель. Спасибо.

— Слушаюсь, доктор.

Сартори закурил сигарету и затянулся, ощупывая взглядом предметы, находящиеся в комнате. Шприц и коробка с ампулами конфискованы и увезены в лабораторию. Под креслом осталась сумочка девушки, и комиссар собирался уже было заглянуть в нее, как тут вернулся фельдфебель Фантин с командором.

В течение долгой минуты полицейский разглядывал человека, которого несчастья за эти последние дни изменили до неузнаваемости.

— Садитесь, — предложил комиссар, и когда промышленник повиновался, продолжил: — Синьор Соларис, настал момент покончить с недомолвками, если не хотите оказаться в роли обвиняемого. Пока еще не поздно…

— Не понимаю…

— Напротив, очень хорошо понимаете. Вы достаточно умны и осознаете, что, продолжая в том же духе, ухудшаете свое положение. И поверьте,

я бы не хотел свирепствовать против несчастного родителя… Командор, почему вы не сказали с самого начала, что ваша дочь ждала ребенка и вы настаивали, чтобы она сделала аборт?

Соларис не в состоянии был говорить, он только издал хрип.

— По мотивам, которых я не знаю, — сказал комиссар, — вы осуществили подмену своей дочери Катериной Машинелли и для этого перевели последней пять миллионов чеком в Неаполитанском банке. Мне думается, комедия была предназначена успокоить кого-то; заставить его думать, что Марина Соларис находилась в отеле «Гранада» в Сан-Феличи Чирчео. А в это время она рисковала жизнью в руках акушерки Элизабетты Коралло. На данный момент я не знаю, жива была ваша дочь после аборта или умерла. Во всяком случае, ясно одно: труп, найденный совсем недавно в этой квартире, не вашей дочери, а Катерины Машинелли. Вы же сыграли роль убитого горем отца в наивной попытке заставить меня подумать противоположное… Эх, командор, если бы люди больше доверяли представителям закона! Многие преступления, которые остались безнаказанными, раскрывались бы в кратчайший срок… А теперь я жду правды в интересах справедливости, ну, и ваших тоже… — Комиссар раздавил окурок сигареты в пепельнице и выдохнул последний клуб дыма. Но так как Соларис молчал, закрыв лицо руками, он продолжил: — Я хочу знать имя человека, от которого забеременела ваша дочь.

— Я не знаю, — ответил командор, не поднимая головы.

— Как?

— Не знаю, клянусь!.. Она не захотела мне сказать. Может, этого не знает даже она.

— Где сейчас ваша дочь?

— Не знаю! — Догадавшись, что полицейский не поверит ему, Соларис поднял голову и добавил: — Поверьте, не знаю! Сейчас я вам все расскажу. В начале месяца я неожиданно оказался свидетелем диалога между моей дочерью и… — небольшое колебание — …Пальмирой, моей служанкой. Я понял, что Марина ждет ребенка. И мне показалось, что мир рухнул под моими ногами.

— Почему? Разве это не естественно, что ваша дочь может забеременеть?

— О, нет… Но это переворачивало все мои планы.

— Обручение с принцем ди Селинунте? — намекнул комиссар.

— Я вижу, вы многое знаете. Да, именно так. Не потому, что стремился связать свою семью с гербом принца. В этом отношении я более демократичен… Но потому, что если Марина не пойдет на этот брак, мой отец не оставит и лиры моей семье. А мои дела идут не очень хорошо.

— Как? «Космос» не приносит доход?

— Приносил. Но я ввязался в ошибочные операции, и теперь мне абсолютно необходимо наследство Марины. Мою часть отец отдал уже давно, когда мне в голову пришло открыть предприятие. Следовательно, мне по завещанию уже ничего не светит… Вы понимаете меня?

— Понимаю.

— Вот почему я решил заставить сделать аборт Марину. Да, именно я. Для такой сумасшедшей, как она, ребенок лишь своего рода хобби. Дочь не понимала, что мы на грани банкротства.

— И вы обратились к акушерке Коралло?

— Да.

— Вы ее раньше знали?

— Нет.

— Тогда кто вам указал на нее?

— Катерина, — ответил Соларис, прикуривая сигарету. — Не знаю, как она познакомилась с ней, но мне было достаточно намекнуть о моей проблеме, и девушка тут же нашла решение. Потом, чтобы предотвратить возможные опасности со стороны моего отца, я попросил Катерину сыграть роль Марины. Обе девушки были до странности похожи друг на друга и почти одного возраста. Конечно, прислугу не обманешь, даже самого последнего слугу… Но я всегда мог провести незамеченной Катерину вечером или на несколько часов днем, когда мой отец искал любимую внучку… Для этого Катерина обесцветила волосы, использовала гардероб моей дочери, одевала очки без диоптрий, сделанные специально для нее. Мой отец, как вы видели, полуслепой и глухой, не догадывался о подмене. Должен сказать, Катерина сыграла свою роль очень хорошо. Она даже пользовалась теми же духами, что и Марина… Мой отец довольствовался малым: ему достаточно ощутить ее присутствие рядышком, пожать ей руку, услышать, как она читает (или притвориться, что слышит). Причуды девяностолетнего… Но даже в этот раз моя дочь чуть все не испортила. Аборт прошел неудачно. Начались осложнения, опасное кровотечение… Поэтому мы вынуждены были отправить Марину в клинику…

— Какую клинику? И кто тот врач, который приезжал на виллу?

Командор посмотрел на полицейского влажными глазами.

— Это необходимо, комиссар? Зачем калечить жизнь известному врачу, единственная вина которого состоит в том, что он мой друг?

— Вашему врачу не грозит никакая опасность, командор. Он даже заслуживает одобрения. Его ошибка в том, что он не поставил в известность правосудие…

Командор глубоко вздохнул.

— Это профессор Ванини, главврач клиники «Ванини и Матеи». Наверное, вы слышали о нем…

— Кажется, — подтвердил комиссар. — Но не отвлекайтесь. Что делала потом ваша дочь?

Командор Соларис потряс головой, словно пытаясь еще раз убедиться в реальности происходящего.

— Три дня спустя она сбежала из клиники. Кровотечение было остановлено, состояние улучшилось… Я уже надеялся, что это послужит ей уроком. Ничего подобного. Сумасшедшая, сумасшедшая!.. В первое время я подумал прийти к вам и рассказать все, но потом мне позвонила Марина…

— Что она сказала?

— Что чувствует себя хорошо и не надо беспокоиться. Вот почему я оставил все как есть. Что касается Катерины, я попросил ее сыграть роль моей дочери из-за отца. Пообещал денег… Она приняла предложение, но спустя несколько дней и она исчезла. Я никогда не думал, что найду ее здесь, в этой комнате, мертвой…

— Ответьте откровенно на такой вопрос, командор, — проговорил Сартори твердым тоном. — Когда вы увидели труп, почему вы пытались заставить меня подумать, что это ваша дочь?

— Мне действительно показалось, что это Марина! — вырвалось у Солариса. — Схожесть между Катериной и моей дочерью, как я вам сказал, поразительная. Когда Катерина работала у нас, не однажды ее принимали за мою дочь или за сестру Марины… Увидев это тело, в метаморфозах смерти, я с первого взгляда подумал… И даже сейчас не уверен, что…

— Врач уже констатировал, что у мертвой девушки волосы обесцвечены и в остальном она брюнетка. А ваша дочь блондинка, кажется…

— Да, да, конечно!

Командор сделал затяжку и погрузился в молчание. На пороге, недвижимый как статуя, стоял фельдфебель Фантин. Послышались шаги возвращающегося бригадира Короны.

Комиссар встал и поднял сумочку, еще ранее обнаруженную им под креслом. Она была из коричневой кожи, броская на вид, с большими заклепками из белого металла и длинным ремешком.

Сартори открыл ее и вытряхнул содержимое на столик. Обычные безделушки всех девушек: губная помада, пудреница, зеркальце, пилочка для ногтей, два платочка, испачканных губной помадой, портмоне с несколькими тысячами лир, черепаховый бумажник с двумя банкнотами по пятьдесят тысяч лир и двумя — по десять тысяч, шоферские права на имя Катерины Машинелли, удостоверение личности муниципалитета Рима, также выписанные на нее.

Комиссар оставил эти простенькие предметы на столике и откинулся на спинку кресла.

— Теперь нам остается только расследовать, почему Катерина была убита и кем…

Подчиненные и командор вздрогнули.

— Убита? — вырвалось у Солариса. — Вы… вы думаете, что дело идет об убийстве?

— Не могу думать иначе, — со спокойствием произнес комиссар. — У двери этой квартиры старинный ключ, довольно броский, а в сумочке я нашел несколько маленьких ключиков, возможно, от квартиры Катерины и от «Мустанга», который вы ей вручили, чтобы убедительней была ее роль Марины… Дверь закрыта снаружи, и только снаружи ее можно закрыть, потому что изнутри замок блокируется запором. Кроме того, насколько мне известно, Катерина не употребляла наркотики. Какое заключение отсюда следует?

Глубокое молчание воцарилось в комнате.

Командор Соларис оставил квартиру на улице Маргутта с обязательством держаться в распоряжении полиции. Перед подъездом толпа поредела; на страже остались только агенты. Магазины опускали железные ставни, и только две витрины небольшой лавочки были освещены.

Вместе с бригадиром Короной и фельдфебелем Фантином комиссар Сартори произвел тщательный обыск тайного убежища Марины Соларис. В квартире не было телефона, и оба окна выходили на крышу соседнего дома.

Шкаф содержал различный ассортимент женской одежды: шуба из белой норки, вечерние платья, разноцветные костюмы стиля «бит», костюмы английского стиля, а также длинный ряд туфель и сапог. В ящичках лежали нижнее женское белье, длиннющие яркие шарфы, пояса из позолоченного металла и серебра. В первом ящичке в беспорядке валялись принадлежности для макияжа.

В углу громоздились книги, и комиссар пересмотрел их одну за другой. Почти все книги были англо-саксонских авторов: Хемингуэй, Стейнбек, Кронин, Трумэн Капоте, Фолкнер. Все на языке оригинала. Между страницами одного из романов лежала иллюстрированная открытка с видом Стокгольма, адресованная мисс Джойс, улица Маргутта, 115, Рим. Там было несколько строк по-английски: «Незабываемые моменты вместе. Петра».

— Фельдфебель, — позвал Сартори, — поищите сведения об этой Мэри Джойс. Думаю, в иностранном отделе должно быть что-нибудь.

— По имени вроде англичанка, — откликнулся подчиненный.

— Может быть. — Комиссар провел рукой по лицу. Он чувствовал себя уставшим. — Мне кажется, на сегодня хватит. Уже поздно.

Они вышли из квартиры. Бригадир опечатал входную дверь. На улице их ждал колючий ветерок. Наверное, к дождю.

Запутанное дело

Первое ноября выдалось серым и дождливым днем. Погода подействовала угнетающе на комиссара Сартори. Казалось, в воздухе висит предупредительный знак на развитие следствия.

Поиски Марины Соларис, как в Риме, так и в других городах, оказались безуспешными. Центральное управление запросило Интерпол проверить, не отправилась ли девушка к родственникам в Париж или к друзьям в Лондон. Но бесполезно. Никто не видел Марину с тех пор, как она сбежала из клиники.

Вскрытие Катерины Машинелли установило, что девушка умерла от эмболии, вызванной посредством шприца, наполненного воздухом. Эта гипотеза была подкреплена двумя особенностями: шприц не содержал остатков наркотика или другого подобного препарата; на правой руке девушки имелся след иглы в вене, но в крови не обнаружено ничего постороннего.

Опознание трупа было произведено Харриет и Сальваторе Даммой, который и в этом случае устроил патетическую сцену отчаяния.

В медицинском заключении, кроме того, упоминались обширные кровоподтеки на затылке жертвы. В связи с этим можно было предположить, что девушку сначала оглушили, а затем убили посредством шприца, наполненного воздухом. Смерть наступила десять, максимум двенадцать дней назад.

Полицейскому управлению в Пескаре было поручено принести печальное известие матери девушки. Той сразу стало плохо, и медики отговорили ее от поездки в Рим, которую она хотела предпринять.

Обнаружился владелец квартиры на улице Маргутта: старый дипломат в отставке. Согласно его утверждению, он сдал внаем квартиру около двух лет назад красивой молодой иностранке по имени Мэри Джойс, актрисе кино. Бывший дипломат ничего не знал о ней и не имел возможности узнать больше; впрочем, он к этому и не стремился, потому что наем оплачивался регулярно.

Фельдфебель Фантин, однако, не обнаружил следов Мэри Джойс ни в иностранном отделе, ни в английском посольстве, ни в киногородке.

Светловолосая Мэри Джойс стала загадкой. Или это была сама Марина Соларис, взявшая себе фальшивое имя, чтобы ее не беспокоили домашние.

Когда комиссар показал фотографию Марины бывшему дипломату, тот не смог дать точного ответа. Он видел девушку два года назад, в течение нескольких минут в связи с газетным объявлением, опубликованным в «Темпо». И цель у него была одна: сдать квартиру внаем. Поэтому старик затруднялся сказать, была ли девушка на фотографии той же самой, которая представилась ему тогда.

Сартори спросил, не носила ли девушка очки.

— Нет, в этом я уверен, — заверил его старый дипломат.

События получили неожиданное развитие, и это раздражало комиссара.

Где пряталась Марина Соларис?

Кто убил Катерину Машинелли?

Почему она была убита в квартире таинственной англичанки? И существовала ли действительно Мэри Джойс, или это псевдоним Марины Соларис?

Сартори постарался снять все отпечатки пальцев, которые только можно было найти в квартире на улице Маргутта. Однако оказалось, что типов отпечатков пальцев пять (столько же, сколько машинописных страниц, на которых разместилось заключение), причем двое из них бесполезные. Что касается остальных, то не было никакой возможности определить личностей, которые их оставили. Правда, из них можно было исключить Катерину Машинелли — ее отпечатки были отчетливыми. Получалось, что девушка могла оказаться в квартире случайно или — гипотеза довольно неправдоподобная — была перевезена сюда мертвой.

В этот же день комиссар и бригадир Корона вернулись на улицу Маргутта и расспросили в соседних магазинчиках о доме под номером 115. Среди тех, кого они опросили, только продавщица лавочки вспомнила, что видела несколько раз красивую блондинку, которая выходила из такси и входила в этот подъезд.

Комиссар показал ей фотографию Марины Соларис.

— Нет, не эта! — уверенно заявила продавщица.

— Попробуйте представить ее без очков, — подсказал ей комиссар.

— Я же говорю, что нет. Девушка, которая приезжала на улицу Маргутта, — высокая и стройная. Эта ниже и полнее.

— В котором часу вы обычно закрываете магазин?

— В восемь.

— А когда приблизительно приезжала девушка, о которой вы говорите?

— Где-то около трех. Мы открываемся в три с половиной зимой и в четыре с половиной летом. Значит, я могла ее видеть только в это время. Она была всегда элегантной…

— Вы ее видели всегда одну?

— Да, всегда.

— А теперь попытайтесь вспомнить, синьора, вы никогда не замечали, чтобы сразу же после этой девушки приезжал мужчина?

— По правде говоря, нет. Или, может быть, у меня не было случая…

— И сколько раз вы ее видели здесь?

— Да часто. Она находилась там не более двух, трех часов…

Комиссар на секунду задумался, затем возобновил расспросы:

— Как вы думаете, девушка приезжала на квартиру для свидания с любовниками?

Продавщица рассмеялась.

— Конечно уж не молиться она ходила в эту квартиру, — проговорила она с лукавым видом. — То, что она не жила там, так это точно… Квартира, наверное, предназначалась для встреч и только. Своего рода… как сказать…

— Да, я понял. И девушка всегда приезжала на такси, вы говорите.

— Да, всегда.

— С какого времени вы работаете в этом магазине?

— Почти три года.

— Вспомните, когда впервые вы увидели эту девушку.

— Ну, не могу сказать с точностью!.. Полтора года назад, так мне кажется. Около года с половиной, вот!

— А уходила она пешком?

— Да.

Комиссар поблагодарил продавщицу и вышел из магазина в сопровождении бригадира.

— А не нанести ли нам визит наверх? — предложил он, когда они вышли на улицу. — Кто знает, не пропустил ли я чего.

Полицейские вошли в подъезд дома 115 и двинулись по извилистой лестнице. Вдруг Сартори резко остановился и повернулся к почтовым ящикам, линией протянувшимся вдоль стены. Их было пять. На втором прикреплена табличка с именем Мэри Джойс. Сквозь стеклянное окошечко виднелся краешек большого конверта.

Мужчины обменялись взглядами.

Корона взломал хрупкий запор, вытащил конверт и подал его комиссару.

На конверте не было ни адреса, ни марки — признак того, что его принесли в руках.

Внутри находилось пять цветных фотографий картины, на которой изображена женщина с преувеличено длинной шеей. Даже профану стало бы ясно, что автор картины не кто иной, как Модильяни.

Записка, написанная от руки, без особых эмоций гласила: «Дорогая синьора Джойс, моя последняя цена двадцать два миллиона. Ни сольдо больше. Я и так сильно рискую. Жду вашего ответа. До свидания».

Комиссар поднял глаза и встретил взгляд Короны.

— Это один из тех художников, которые стоят дорого, — буркнул бригадир.

— Да, это действительно Модильяни. И тот самый Модильяни, которого мы видели в доме Соларисов. Помните?

— Как же!

Комиссар положил конверт в карман.

— Кто знает, может быть, это след. Пройдем наверх?

— Я только подумал об этом, доктор, но у меня нет с собой ключа.

— Наверное, так будет лучше, — решил начальник. — Кроме того, у нас нет разрешения муниципалитета.

Они вышли на улицу и забрались в автомобиль. Пошел дождь, стало холодно.

Корона направил машину к площади Пополо.

После нескольких минут молчания комиссар произнес:

— Марина Соларис захотела продать Модильяни своего отца?

— Возможно. Но письмо этого неизвестного адресовано синьорине Джойс. И теперь мы знаем, что синьорина Джойс действительно существует.

— Ну, и что же получается? — раздраженно проворчал Сартори. — Что Марина поручила Джойс продать картину для нее?

Вопрос остался без ответа.

Они пересекли площадь Пополо и выехали на улицу Муро Тото.

— Куда едем? — поинтересовался Корона.

— К Соларисам, в Париоли.

Охота за тенями

Ворота были закрыты, и им пришлось вызывать портье, который, узнав комиссара, проявил почтительность и старание.

Наверх они поднялись скоростным лифтом. Очутившись опять среди ковров, растений в вазах, среди стен, обшитых дубом, Сартори снова испытал ощущение, что ступил на другую планету. Слуга-японец, маленький,

заботливый и динамичный, встретил их жестом удивления, тут же подавил его и провел гостей в большой салон, где они впервые увидели Модильяни. Светильники в виде стеблей создавали обширную зону теней по комнате. Сквозь витражи окна виднелись огни города, которые линиями обводили контуры кварталов.

Бесполезно комиссар и бригадир озирались по сторонам, пока ждали хозяев дома. Модильяни, которым они восхищались однажды, больше не было. На его месте висел пейзаж неизвестного автора школы импрессионистов.

— Видели? — прошептал Корона.

Комиссар кивнул, потом подошел к витражу и стал смотреть на крыши с разбросанными тут и там освещенными мансардами и чердаками. Шел дождь.

Голос вошедшей синьоры Соларис заставил его обернуться.

— О, это вы, доктор Сартори! Как дела? Извините, что я вас так принимаю, — мы уже расположились по-домашнему и смотрели телевизор…

Она была в халате из легкой полупрозрачной ткани вишневого цвета. Длинные светлые волосы, распущенные по плечам, придавали ей вид подростка. Все в этой женщине было мягким и нежным, настраивало на непринужденность. Взгляд ее голубых глаз, немного блестящих, как в лихорадке или от возбуждающего напитка, избегал встречи с глазами полицейского.

— Прошу вас, присаживайтесь!.. И вы, синьор…

— Корона. Бригадир Корона, — подсказал комиссар.

— Прошу вас без церемоний. Не желаете ли виски? Ликер? Или водку? У нас есть превосходная текила. Ее прислал мой друг из Мексики… — Женщина повернулась к бригадиру с улыбкой, полной чувственности. — Знаете, текила — это особая водка, продукт перегонки агавы. В Мексике ее пьют глоточками с солью и лимонным соком.

Синьора Соларис улыбнулась. У нее были красивые зубы, белые и маленькие, немного похожие на кошачьи. Она прошла в комнату, подошла к бару, достала оттуда бутылки и рюмки, нарезанный лимон, порции соли и все это распределила перед каждым на тарелочках. Поставила на одну рюмку больше, для мужа, который опаздывал.

— Вот посмотрите, как пьют мексиканцы! — сказала Пирошка смеясь.

Она положила щепотку соли на тыльную сторону ладони, выдавила немного сока из ломтика лимона, потом поднесла к губам соль и выпила глоток текилы.

— Попробуйте, бригадир! И вы, доктор Сартори…

Немного сконфуженные мужчины попробовали и высказали согласие с ней в оценке экзотической водки. У Короны заблестели глаза, и не только из-за повышенных градусов напитка.

В этот момент дверь открылась и показался командор Соларис, в домашней куртке, но выбритый и причесанный. Он пожал руки гостям с показной сердечностью, выпил залпом рюмку текилы, проглотил ломтик лимона, обмакнув его в соль. После чего сел, закинув ногу на ногу, и закурил сигарету.

— Мне нравится ваш дом, — признался Сартори. — Нравится потому, что вызывает ощущение, будто находишься не в этом мире…

— Правда! — воскликнула Пирошка. — Я тоже испытываю такое же чувство. Мой муж, напротив, уцепился за свою старую ферму, где родился.

Взгляд полицейского остановился на пейзаже неизвестного автора. Он вдруг решил не говорить пока о Модильяни.

— Есть новости, комиссар? — спросил Томмазо Соларис.

— Не могу сказать, что есть какой-то прогресс в этом деле. Я пришел сюда, чтобы обменяться с вами мыслями. Признаюсь, что не знаю, где ловить рыбку. От вашей дочери нет известий?

Командор помрачнел.

— Никаких, — с трудом произнес он. — Это не первый раз, когда Марина исчезает, не давая о себе знать. Три года назад она оставила нас в тревожном ожидании на два месяца. Потом мы узнали, что дочь на Лазурном берегу. По возвращении я надавал ей пощечин.

— И это была ошибка, — вмешалась жена. — Видите ли, комиссар, у Марины мятежный характер, личность она сильная… Ее можно вывести на правильный путь мягкостью, а не силой.

— Но ради Христа, — закричал муж, — что еще я должен делать, чтобы быть мягким? Сверх того, что делаю? Стелиться у нее под ногами? Послушай, Пирошка, я убежден, что с Мариной ошибался во всем с самого начала. Нужно было дать ей пинка еще тогда, когда она совершила свой первый проступок. Но сейчас уже поздно. — Он повернулся к гостям. — Согласно всем этим скачущим идеям об обучении детей с оглядками на их чувствительность и прочие подобные глупости, родители должны еще принимать извинительную позу по отношению к детям. Не достаточно дать им благосостояние, богатство, комфорт и остальные блага современной жизни? Нет, недостаточно!.. Нас потчуют дерьмом, которое выдумывают так называемые психологи, психиатры, общественные помощники с добавлением религиозных пастилок, с подмешиванием политики и бунтарства. И все это — чтобы создать войну между родителями и детьми… Им бы только покричать по такому поводу.

Он налил себе еще текилы и залпом осушил рюмку. На этот раз без соли и лимона. Жена сидела, опустив глаза. Казалось, она с удивлением смотрит на свои длинные, белые руки с красными ногтями. Командор наполнил рюмки и предложил сигареты всем, включая жену. Затем принялся курить быстрыми затяжками. Руки его тряслись.

— Извините меня за эту вспышку, — проговорил он минуту спустя более спокойным тоном. — У меня сдали нервы. И все по вине Марины. Ее надо было задушить еще при рождении… Она всегда приносила беспокойство, даже до того как родилась. Когда моя жена (я говорю о матери Марины) была беременна, она два или три раза пыталась покончить с собой. Беременность сделала ее нервнобольной. Роды стали несчастьем. Она чуть не умерла. Ее нервная система была расшатана. Жена оказалась на грани сумасшествия… А ведь Марине тогда исполнилось лишь несколько месяцев. Зачем я говорю вам это? Все — в прошлом, а действительность сейчас совсем другая.

— Да, совсем другая! — поддержал его Сартори. — Поэтому уточним ситуацию. Во-первых, квартира на улице Маргутта не была местом тайных встреч вашей дочери…

— Ах, нет? — вырвалось у Солариса. Он положил руку на колено полицейского.

— Нет. Данные, которыми мы располагаем на сегодня, свидетельствуют, что ваша дочь не имеет отношения к этой холостяцкой квартире. Единственная связь, если уж придираться к мелочам, вытекает из факта, что там мы нашли убитой ее подругу, Катерину Машинелли. В остальном у вашей дочери нет ничего общего с квартирой на улице Маргутта.

Он не упомянул рассказ молодого Скальи о том, что девушка, по его мнению, должна иметь ключ от этой квартиры.

Пирошка внимательно слушала комиссара. Корона спокойно курил сигарету, смакуя текилу и пощипывая соль с тыльной стороны ладони, как делают чистокровные мексиканцы.

— Контракт о сдаче квартиры внаем, — продолжал Сартори, — записан на некую Мэри Джойс, личность неустановленную. Следы ее мы не обнаружили ни в иностранном отделе полицейского управления, ни в английском посольстве…

— Эта Мэри Джойс англичанка? — проявил интерес синьор Соларис.

— Мы так предполагаем по имени, но у нас нет доказательств. А имя она могла взять для прикрытия… Мэри Джойс всегда поступала осмотрительно. Около двух лет она занимала квартиру и ни разу не дала повода для скандала…

— Вы думаете, она убила Катю? — спросил командор.

— Мы не можем этого сказать. Опять-таки, нет доказательств. Тот факт, что она исчезла, по-человечески объясним. Она не любит скандалов и поэтому не вернется в свою холостяцкую квартиру, где оставила небольшое состояние: меха, одежду, мебель…

— Но почему Катерина пришла в эту квартиру?

— И даже этого мы не знаем. Мало того, у нас нет никакой версии на этот счет. Причина, подтолкнувшая меня побеспокоить вас и вашу супругу сегодня вечером, была определенной: я шел сюда с надеждой, что вы слышали от Марины упоминания имени Мэри Джойс…

— Нет, никогда! — заявил Томмазо Соларис и повернулся, вопросительно посмотрев на жену; та отрицательно покачала головой.

— Однако между Мэри, Мариной и Катей должна быть связь… — предположил комиссар. — Катя делала дело, чтобы помочь Марине. Это определенно. Если она погибла на пути к таинственной Мэри Джойс, это признак того, что все три женщины были связаны общими интересами…

— Я вижу, нелегко раскрыть правду, — заметил торжественным тоном командор. — Впервые отдаю себе отчет о трудностях, которые полиция встречает на пути следствия.

— Действительно, не очень легко, — вздохнул Сартори. — Люди не доверяют полиции. Все считают себя в опасности, когда служащий полиции задает вопросы. Наверное, у всех есть что скрывать…

— Не думаю, — откликнулась Пирошка, — это не так, не у всех, по крайней мере. — Видя, что полицейский смотрит на нее, она продолжала: — Намеренное умалчивание вызывается ревностным убеждением, что каждый имеет право на свою собственную тайну. В Англии, например, в соблюдении этого принципа доходят до абсурда…

— Жаль! — посетовал Сартори. — Даже от вас я не получил никакой помощи…

— Но не из-за того, что не желали помочь, поверьте мне, — посчитал удобным уточнить Соларис.

— Скажите, командор, где, по-вашему, может скрываться ваша дочь?

— Не знаю, что и думать, комиссар. Поверьте, я испытываю адские муки. Иногда меня охватывает желание не видеть ее больше. В эти минуты кажется, что если я ее встречу, то тут же… — Он не закончил фразу, которая содержала все признаки смертельной угрозы, и придя в себя, добавил: — Извините меня. Я богохульствую…

— А ваш отец — синьор судья, — он в курсе исчезновения Марины?

— Нет еще. Мы оттягиваем этот момент. Но рано или поздно нам придется сказать… По крайней мере, о том, что Марина не решается вновь появляться.

— Командор, вам никогда не приходило в голову, что ваша дочь уже мертва?

Тот уставился на комиссара, выпучив глаза.

— Мертва? — повторил он. — Да, думал!.. Я боялся этого и сейчас боюсь. Но, господи, почему она должна быть мертва?

— Меня тревожит ее молчание, — мягко проговорил комиссар. — Особенно после того, как печать сообщила о смерти Катерины. Не думаете?

— Я же говорил вам, что моя дочь неуравновешенная, — вырвалось у Солариса. — Вы что, хотите найти смысл в действиях неуравновешенных?

— И все-таки с вас не снимается ответственность за незаконный аборт вашей дочери, и вы должны ответить перед законом.

Командор опустил голову и не смог ничего возразить.

Но жена запротестовала:

— Комиссар, отец может и ошибиться, пытаясь помочь дочери в беде… Мой муж хотел как лучше…

— Оставим, синьора, — прервал ее Сартори. — Это решит суд, когда придет время. А сейчас ситуация такая: Катерина Машинелли была оглушена и после этого убита. Смерть наступила от инъекции воздуха в вену с помощью пустого шприца…

— А может, это несчастный случай? — возразила синьора Соларис, наклоняясь к полицейскому.

— Синьора, пустой шприц может стать ужасным оружием в руках того, кто знает, как им пользоваться…

— Один момент! — вклинился в разговор командор. — Убийца, если мы говорим об убийстве, не оставил бы шприц рядом с Катей. Тогда возникает вопрос: а может, это самоубийство? Девушка могла выбрать такую смерть.

— Почему? И именно в квартире Мэри Джойс, не оставившей после себя никаких следов? Нет, командор, скорее всего, Катя была убита. И рано или поздно мы узнаем, кем и почему. А пока усилим поиски вашей дочери. Приготовьте мне подробный список друзей Марины в Италии и за границей.

— Но моя дочь может скрываться где угодно, — взорвался Соларис. — С некоторого времени, как я вам говорил, она связалась с этими проклятыми длинноволосыми на площади Испании. Любой из них мог приютить ее, стоит только попросить…

Сартори встал, за ним последовал бригадир.

— Может быть, — тихо произнес комиссар. — Мне не дает покоя мысль, что у синьорины Марины есть ключ от квартиры на улице Маргутта.

— Вы в этом уверены? — спросил командор.

— Да. Если только мой информатор не солгал. Но у него не было причины делать это… Синьора, до свидания. Спасибо за гостеприимство.

В прихожей их ждал безукоризненный и точный слуга-японец. Он поклонился до земли, прежде чем дверь за ними закрылась.

Ставится ловушка

Улица блестела от дождя, в ней как в зеркале отражался свет фонарей.

Бригадир Корона открыл дверцу автомобиля.

— Что будем делать, доктор?

— Сделаем вид, что уехали, потом вернемся и подождем. Я чувствую, что-то должно произойти. Более того, чтобы от нас ничего не ускользнуло, поставим автомобиль у выхода. Так будет лучше. Мне кажется, это единственное решение.

— Действительно.

Пока бригадир ставил автомобиль в другой конец улицы, которая вела к бульвару Париоли, Сартори вызвал автопатруль и проинструктировал его. Когда он кончил говорить, они очутились в нескольких метрах от ворот дома Соларисов, почти в той же точке, из которой недавно отъехали. Корона потушил фары и приблизился к тротуару.

— У вас есть идея, доктор?

— Да, очень смутная.

Бригадир задумался ненадолго, затем снова возобновил разговор, не отрывая взгляда от входа в дом Соларисов:

— Куда может пойти командор?

— Может, он приведет нас к дочери.

— А!

Зажужжал радиотелефон. Полицейский снял трубку.

— Слушаю, Сартори.

В трубке заорал голос с вибрирующим акцентом южанина:

— Доктор, мы на месте. Прием.

— Хорошо. Я предупрежу вас о типе автомобиля, который надо преследовать. Если будет дело. Прием и конец. — Комиссар положил трубку и прибавил: — Кто знает, какой автомобиль у Соларисов…

Вдоль улицы, по обе стороны, располагались двумя длинными рядами автомобили; многие из них были с мощными моторами. Как ни силился Сартори, ему не удавалось представить себе, какая машина может быть у Томмазо Солариса. Если только командор не ставит ее в гараж. Но эта гипотеза сразу же была отброшена, так как ворота гаражей не выходили на улицу.

— Который час?

— Десять минут двенадцатого, доктор.

— Вооружимся святым терпением. Вы голодны, бригадир?

— Немного.

— Когда все кончится, пойдем в «Гранкио Адзурро». Там мы найдем что-нибудь поесть.

Они закурили и дымили, держа руки под уровнем ветрового стекла. Лил непрерывный и мелкий дождь. Стекла быстро тускнели от влажности. Время от времени Корона включал на несколько минут «дворник».

В одиннадцать двадцать пять ворота приоткрылись, и наружу выскочили двое мужчин. Они попрощались с третьим, который закрыл за ними дверь. Немного спустя молодая женщина открыла дверь ключом и исчезла в роскошном портике. С одного из соседних балконов послышались смех и живая музыка.

— Вполне возможно, эта бессонная ночь пройдет для нас даром, — посетовал Сартори.

— Ничего не поделаешь, — пробурчал Корона.

— У вас дома все нормально?

— Да, спасибо. У жены вчера были колики. Женское дело. Всегда что-нибудь.

Сартори издал смешок и с горечью подумал о своей семье, которая сейчас далеко от него, на Сицилии. Меньше чем через два месяца наступит Рождество, но вряд ли у него будет возможность съездить туда. А может, он и не пытается поехать. Мысль о том, чтобы оставить Харриет, мучила его. Эта любовь становилась болезнью, она скручивала его внутренности до спазмов.

Комиссар продолжал размышлять о нелепом повороте его существования. Рядом с ним находился человек, преданный ему и привязанный к нему, но это был другой мир, у него были другие цели…

Голос Короны отвлек комиссара от мрачных мыслей.

— Полночь.

— Уже.

— Я слышал, что в парламенте представят закон о повышении жалования. Может, его утвердят до праздников…

— Даже если и утвердят, пройдет время, прежде чем он дойдет до нас.

Наступило молчание. Они закурили еще по сигаретке. Смех и музыка действовали расслабляюще.

— Развлекаются, собачьи дети! — пробормотал Корона.

— Мы тоже развлекаемся, — с горечью проговорил Сартори.

— Вы слышали о Турризи, старшем агенте?

— Нет. А что с ним?

— У него больные легкие — после трех лет службы на Сардинии, это неудивительно. Так вот, они не хотят признать, что он получил болезнь при исполнении служебных обязанностей.

— Свиньи!

— Я думаю, мне лучше было остаться в деревне. У меня хорошая профессия… Согласен, что туфли сегодня делают сериями, на фабриках, но у нас хороший сапожник живет неплохо. Если сумеет создать свою клиентуру… Вы помните Камели, сапожника?

— Кажется, помню.

— Ну вот, он открыл магазин и построил дом в два этажа, со стороны кладбища. Красивый дом, мне говорили. Теперь у жены будет большой выбор любовников… — Корона оборвал речь и застыл. Послышался шум поднимаемых жалюзи в переулке, справа от соседнего дома. Две фары осветили стену, и рокот мощного мотора разорвал тишину. Было без двадцати час.

— Заводите мотор, — приказал комиссар.

— Это он? — спросил Корона, повинуясь.

— Увидим.

Рокот приближался. Из переулка показался «Мазерати» и остановился носом к дороге; ему не давал выехать «Фиат-500», стоявший справа на стоянке. Сквозь поднятое левое стекло можно было различить профиль Томмазо Солариса, подсвеченный снизу слабым зеленоватым светом приборной доски, а сбоку — уличными фонарями.

— Это он! — воскликнул Корона.

— Фары не включать.

Пока командор нервно производил маневр, чтобы выехать из двух рядов машин, комиссар вызвал автопатруль, находившийся на бульваре Париоли, и дал им данные об автомобиле для преследования. Последним усилием «Мазерати» буквально выпрыгнул на дорогу, задев правой стороной «Фиат-500», и урча, направился в сторону бульвара Париоли. Корона не успел снять ручной тормоз, как машина исчезла за поворотом.

— Проклятье, он ускользает от нас! — прорычал комиссар.

Автомобиль полиции, взвизгнув покрышками, рванул с места. Когда они выехали на бульвар Париоли, «Мазерати» уже вошел в ленту уличного движения. За ним следовал второй полицейский автомобиль. Соларис направлялся к площади Унгериа, не снижая скорости.

— Он дает сто, этот сумасшедший! — возмутился Корона.

— Попытаемся не дать ему ускользнуть…

— Автопатруль преследует его…

На перекрестке площади Унгериа командор проехал на красный свет, обойдя справа грузовичок, выезжавший с проспекта Льеджи. Послышалось

ругательство водителя грузовичка: «Рогоносец!» Автопатруль — машина без опознавательных знаков, как у Короны и Сартори, — также проехал на красный свет; за ним последовала вторая полицейская машина. Блуждающий регулировщик — усердный служака — свистнул повторно.

Теперь все три автомобиля на скорости направлялись к площади Фламинио, лавируя между машинами и оставляя позади себя звуки клаксонов и ругательств.

Комиссар вызвал автопатруль и посоветовал им не проявлять инициативу в отношении водителя «Мазерати».

— Мне интересно знать, куда он направляется, — уточнил Сартори. — Когда он остановится, если мы не потеряем его из вида, вы проедете дальше и будете держать его под контролем. Выйдете со мной на связь.

На площади Фламинио перед светофором с красным светом стояло много машин, и поэтому «Мазерати» вынужден был остановиться, урча и дымя, как горячая лошадь. Потом уже на нормальной скорости он направился к площади Пополо и остановился неподалеку от бара «Розати». Бар был полон эксцентрично одетыми актерами, актрисами и людьми света.

Автопатруль, на борту которого находились три агента в штатском, остановился у Фонтана; немного позже рядом оказался автомобиль Короны.

— Один из вас пусть следует за водителем, — велел комиссар в окно соседней машины. — Мы не можем, человек знает нас.

— Он выходит, — предупредил смуглый агент.

Соларис закрыл дверцу, но оставил включенным свет; потом вернулся, выключил его и направился в бар «Розати».

Смуглый агент вышел из машины и тоже отправился в бар. На площади, блестящей от дождя, жужжали многочисленные автомобили.

Комиссар приказал второму агенту также отправиться в бар. После чего стал рассматривать немногочисленную толпу, которая окружала заведение.

Шофер патрульной машины закурил сигарету и принялся спокойно дымить. Корона и Сартори последовали его примеру.

— Может, у него нет ничего на уме, — сказал бригадир.

— Я так не думаю, — ответил комиссар. — Наш ночной визит должен заставить его действовать… Не забывайте, к нам командор вышел в домашней куртке. Возможно, когда мы приехали, он был в пижаме.

— Действительно.

— Посмотрим.

В баре «Розати» официанты начали делать уборку, клиентов провожали к выходу. Вскоре появился командор. Он остановился между столиками, растерянно оглядываясь по сторонам, как в поисках кого-то, затем вернулся в свой автомобиль. Немного поодаль за ним наблюдали два агента патрульной машины.

Соларис не включил ни мотора, ни света. Некоторое время он оставался в нерешительности, потом склонил голову на руль.

— Кажется, ждет кого-то, — предположил комиссар.

— Если не знаешь, можно предположить, что он спит или плохо чувствует себя, — заметил Корона.

Официанты бара «Розати» опустили почти все жалюзи и продолжали делать уборку. Толпа клиентов начала редеть. Слышались смех, оклики, шум моторов. Дождик прекратился.

Томмазо Соларис продолжал оставаться в неподвижности за рулем «Мазерати». К нему приблизилась женщина, но он в довольно неприличной форме прогнал ее. Она отошла, ворча и жестикулируя.

Немного спустя с улицы Бабуино, показался белый «Мерседес». Он медленно сделал круг по площади и остановился рядом с «Мазерати». У машины был номер Ватикана.

— Что я говорил! — воскликнул Сартори.

— Черт возьми, машина монсеньора!

Но за рулем сидел не священник, а управляющий.

Радико вышел из автомобиля, подошел к хозяину и передал ему что-то. Тот положил это что-то в карман. Сразу же после этого управляющий вернулся в «Мерседес» и уехал.

Соларис вышел из автомобиля, закрыл ключом дверцу и направился пешком к улице Бабуино. Два агента, по отдельности, следовали за ним.

— Пойдем и мы, — решил комиссар, выходя из машины. — Но будем держаться на дистанции.

Слежка длилась несколько минут, потому что Соларис, пройдя быстрым шагом улицу Бабуино, свернул на улицу Маргутта.

Корона и Сартори, которые держались на расстоянии метров сто, не теряли из вида двух агентов, шедших немного впереди их.

— Вы поняли, куда он направляется? — спросил комиссар.

— В ту самую квартиру, — ответил бригадир. — Что же ему принес Радико?

— Я примерно догадываюсь.

— То есть.

— Ключ от квартиры. Если не подлинный то, по крайней мере, дубликат.

Корона с восхищением посмотрел на начальника.

Они свернули за угол и вышли на улицу Маргутта. Командор исчез. Оба агента, стоя рядышком, ждали Сартори.

— Он вошел в этот подъезд, — доложил смуглый юноша и указал на номер 115.

Комиссар приказал агентам держаться поблизости, затем осторожно направился к входу в подъезд. За ним тихо шел бригадир.

— Дадим ему немного времени, — прошептал комиссар.

Они замерли в полумраке у подножья лестницы. В доме царила тишина. В отдалении время от времени слышался звук мотора проходящего автомобиля.

Спустя минут десять Сартори двинулся и начал подниматься по лестнице. Бригадир следовал за ним на цыпочках. На площадке, куда выходила дверь Мэри Джойс, было темно.

Комиссар положил руку на дверь и слегка надавил.

— Закрыта изнутри, — тихо произнес он.

— Хотите, я выбью ее плечом?

— Нет, подождем, когда он выйдет.

Они встали по обе стороны двери, опершись спинами на стенку. В квартире не было слышно никакого шума, и это обескуражило Сартори. Сквозь окошечко в стене под лестницей проникал слабый свет уличного фонаря.

Корона подумал, какая сцена открылась вдруг тому, кто включил бы свет на лестничной площадке. То, что он увидел бы у стены по обе стороны двери, навело бы на мысль о кариатидах.

Где-то в доме часы пробили два.

Бригадир приблизился к комиссару и шепнул:

— Хотите, я попытаюсь сдвинуть внутреннюю задвижку?

— Нет. Будет лучше, если мы застанем его врасплох, — тут же отозвался Сартори. — Тогда мы увидим, пришел ли он взять что-нибудь…

Корона кивнул в знак согласия и вернулся на свое место.

Минут через пять они услышали внизу, на входе, тяжелые шаги. Комиссар застыл и повернул взгляд к бригадиру.

— Идет кто-то, — прошептал он, придвигаясь к подчиненному.

— Поднимемся выше, — подсказал Корона.

— А если ему еще выше?

— Мы уже на последнем этаже. Выше только терраса.

Сартори последовал совету Короны, и они вместе оставили лестничную площадку.

А тем временем шаги медленно приближались. Казалось, человек колеблется или останавливается перед каждой дверью, чтобы узнать, кто там живет.

Тень вырисовалась на стене лестничной площадки, полицейские увидели сверху пятно. И сразу же показался человек в теплом плаще и в шляпе. Судя по походке, это был старик.

В темноте блеснул огонек. Голова незнакомца приблизилась к двери. Послышался стук.

Дверь открылась.

В освещенном проеме стоял Томмазо Гуалтьеро Соларис.

— Синьорина Джойс?.. — спросил старик глухим, как из бочки, голосом.

— Проходите, — пригласил его командор.

Комиссар прыгнул на лестничную площадку и придержал закрывающуюся дверь. У Солариса от растерянности вырвался стон.

— Вы! — захрипел он.

— Можно, я поприсутствую на вашем собрании?

Антиквар

Старик поднял морщинистое лицо навстречу мужчинам, появившимся на лестничной площадке, потом повернулся к командору и проговорил возмущенным тоном:

— Вообще-то, у меня встреча с синьориной Джойс… А кто вы? И кто эти господа?

— Я вам отвечу, — вмешался полицейский. — Я комиссар Сартори из Летучего отряда полиции. Это мой коллега, бригадир Корона. Что касается синьора, который открыл дверь…

— Комиссар, прошу вас! — прервал его Соларис. — Этот человек ничего не знает обо мне…

— Он должен знать. И потом, я не думаю, что он пойдет кричать на всех перекрестках о вас и об этом малом собрании, — если не будет такой необходимости, конечно. Итак, знакомьтесь. — Сартори повернулся к посетителю: — Это наш гостеприимный хозяин, командор Соларис. Томмазо Гуалтьеро Соларис… Стиральные машины «Космос»… «Космос» делает вас моложе»… Таков ваш лозунг?

Они прошли в комнату, где был обнаружен труп Катерины Машинелли. Старик, казалось, не отдавал себе отчета в том, что предстоит.

— Полиция… Не понимаю! — произнес он сдавленным от страха голосом, переводя взгляд то на одного, то на другого. — Я… я не сделал ничего плохого… — Он инстинктивно поднес руку к сердцу, где, возможно, находился бумажник.

— Вы не представились, а это некорректно, — снова начал Сартори ироническим тоном. — Прошу вас, не обижайте командора…

— Я… я — антиквар, — пролепетал старик, продолжая держаться за сердце.

— Ваше имя?

— Бе… гецци… Бегецци Армандо… У меня встреча с женщиной… — Он понял, что фраза может быть неправильно истолкована, и поспешил добавить: — По вопросу покупки, понимаете…

— А, конечно! — воскликнул комиссар, закуривая сигарету. — А не присесть ли нам, синьоры? Разговор будет долгим… Если только вы не предпочитаете продолжить его в комиссариате.

Соларис упал на канапе. Антиквар сел с противоположного края и, сняв шляпу, вытер лоб платком в красную и желтую клетку. На его лице был написан ужас.

Комиссар расположился напротив них, Корона остался стоять у двери, прислонившись к косяку. В комнате еще царил беспорядок, оставшийся после нашествия полиции и, очевидно, добавленный командором. Сартори оставил ящички комода закрытыми, а теперь они были открыты и внутри все перерыто. Часть содержимого валялась на полу. Мебель в комнате сдвинута, а шкаф, по-видимому, пытались взломать.

— Вы пришли за Модильяни? — продолжал комиссар с иронией в голосе. — А? Синьор Бегецци?

Соларис и антиквар вздрогнули, но не обменялись взглядами.

— Ну да!..

— Расскажите, как идут дела, не опуская подробностей. Расскажите о синьорине Мэри Джойс, но начните с сегодняшнего вечера. Так кто же назначил вам здесь встречу?

— Не знаю… Это был мужской голос. Он позвонил мне и сказал, что говорит по поручению синьорины Джойс…

— Что он сказал?

— Что синьорина Джойс приняла мое предложение.

— Двадцать два миллиона? — уточнил полицейский.

Снова Соларис и антиквар вздрогнули.

Старик кивнул головой.

— И эта сумма у вас сейчас с собой, так?

Еще один знак согласия со стороны антиквара.

— Продолжим, синьор Бегецци. Как вы познакомились с синьориной Джойс?

— Я ее никогда не видел, — признался старик. — Однажды она позвонила мне в магазин и сказала, что говорит по рекомендации монсеньора Солариса…

— Вы знакомы с монсеньором Соларисом?

— Да, очень хорошо. Многие годы мы вместе делали дела… Я хочу сказать… — поспешил уточнить он, — что при его посредничестве я приобретаю разные авторские картины.

— Вы не подумали проверить рекомендацию?

— Подумал, конечно, но у меня не было причин не доверять. И потом, я потерял голову… Ведь синьорина Джойс прислала мне по почте фотографии картины. По этим фотографиям я понял, что дело идет о подлинном Модильяни. Синьорина запросила сорок миллионов, а я ей предложил пятнадцать. Затем я поднялся до двадцати и, наконец, до двадцати двух. Картина меня очень интересовала, потому что она периода «Нудо россо, 1917»…

— Какова действительная цена картины?

— Ну, для любителей любая цена хороша! — ответил антиквар, продолжая вытирать лоб. — Есть такие, кто заплатили бы и сто миллионов,

чтобы иметь эту вещь… Я… Ну, я коммерсант от искусства и должен просто жить!

Комиссар вынул из кармана пиджака конверт, достал оттуда фотографии и открытку.

— Эту записку вы писали? — спросил он, показывая открытку антиквару.

— Да, конечно. Это мой почерк.

— Вы возвратили фотографии синьорине Джойс и написали, что идете на риск, покупая картину. Почему вы шли на риск?

— Когда синьорина позвонила мне, я по ее тону и манере выражаться понял, что она хочет сохранить продажу в секрете…

— Понимаю. — Комиссар повернулся к Соларису, который уставился в ковер потухшим взглядом. — Командор, вы звонили синьору Бегецци и назначили ему встречу?

— Да.

— Как вы узнали о переговорах между синьором Бегецци и синьориной Джойс?

Соларис поднял глаза и, извинившись, начал прикуривать сигарету.

— Я нашел среди бумаг Марины адрес синьора Бегецци, — промямлил он, наконец. — На днях, вернувшись домой, моя жена заметила пропажу Модильяни… Я связал эти два факта и решил назначить здесь встречу синьору Бегецци, чтобы получить информацию о картине…

— Будьте откровенны, командор, — предупредил Сартори. — Вы знали, что сделка еще не произведена, иначе вряд ли смогли бы завлечь сюда синьора Бегецци. У него не было причин прийти на встречу, если бы картина находилась у него. Почему вы заставили его прийти сюда?

Соларис издал тоскливый вздох.

— Я хотел узнать у него о Мэри Джойс, — простонал он тут же. — Я должен был знать, кто она, эта Мэри Джойс…

— Когда вы заметили пропажу Модильяни?

— Три дня назад, кажется. Но вы уже слышали, не я обнаружил пропажу, а моя жена. Я нашел ее расстроенной. Последовал ужасный скандал. Она считала, что взять ее могла только Марина…

— А прислуга?..

— Ради бога! Она очень предана нам.

— У Марины был ключ от вашего дома?

— Естественно. Это и ее дом, несмотря на то, что она туда почти не приходит. У нее своя комната, свои вещи, одежда, бумаги, книги. Но если Марина и приходит, то никогда не остается. Иногда она заходит устраивать скандалы.

— Из-за того, что не одобряет ваш брак с нынешней женой?

Соларис кивнул головой и снова опустил взгляд. Он потерял всю свою уверенность. Корона не удивился, если бы командор разрыдался в этот момент.

— Марина… была очень привязана к своей матери. Я хочу сказать, привязана к памяти, которую мы все постоянно поддерживали в ней. Пирошка и она оказались соперницами…

— Значит, вы убеждены, что Мэри Джойс — не псевдоним вашей дочери?

Командор Соларис резко поднял голову.

— Конечно нет! И вы тоже сказали мне несколько часов тому назад, что Мэри Джойс существует и ее нельзя отождествлять с моей дочерью.

Комиссар устало кивнул, закуривая очередную сигарету. Потом повернулся к антиквару:

— Мне думается, что у вас есть письмо синьорины Джойс, правда?

— Конечно. Все. Три или четыре.

— Они написаны от руки?

— Нет, на машинке.

Комиссар поднял взгляд на бригадира, который ждал этого движения.

— Значит, опять вилами по воде, — с досадой заметил Сартори. — Но все равно вы отдадите их мне. На всякий случай.

— Хорошо, комиссар.

— А теперь вы можете идти, синьор Бегецци. Будьте внимательны с деньгами. В столице ночью опасно.

Старик вскочил с проворством юноши.

— О, конечно, конечно! Спасибо, комиссар. Спокойной ночи.

Корона проводил его к выходу.

Когда он вернулся, Сартори задавал вопросы:

— Синьор Соларис, вы отдаете себе отчет в том, что нарушили закон, войдя в эту комнату?

— Да… Но я должен был сделать это!

— Вы видели печать, которую полиция наложила по распоряжению магистрата?

— Видел.

— Что передал вам ваш приспешник, я имею в виду Радико?

— От вас ничего не скрыть! — прорычал командор. — Может, вы следите за мной?

— Благодарите еще, что я ограничился слежкой. А мог уже не раз арестовать вас — причин более чем достаточно. Отвечайте на мой вопрос.

— Он принес мне ключ от этой квартиры, — усталым голосом выдавил Соларис.

— Дубликат?

— Да.

Сартори несколько секунд пристально смотрел в лицо Соларису, затем спросил:

— Как вы вышли на след Мэри Джойс?

— Я рылся в бумагах моей дочери, — ответил командор, — и обнаружил несколько адресов. Один из них был адрес Мэри Джойс…

— И что вы сделали?

— Я стал следить за этим домом, убежденный, что увижу, когда приедет Марина. Но меня ждало разочарование…

Сартори потушил окурок в пепельнице.

— Командор, не знаю почему, но я чувствую, вы что-то утаиваете от меня… Я ошибаюсь?

— Я вам сказал все, что знаю, комиссар.

— Ну что ж, на сегодня, кажется, хватит. Поздно. Да, кстати! Что вы искали до прихода Бегецци?

— Что я мог искать? — возмутился командор. — Модильяни.

Сартори устало кивнул головой.

Еще улики

Соларис тихонько вышел, его шаги замерли в ночи, и опять на старый дом по улице Маргутта опустилась тишина.

— Идем? — предложил комиссар.

— Пора бы, — осмелел бригадир. — Но я же не взял ключ у командора…

— Обойдемся печатями.

— Много ли они теперь стоят…

Сартори огляделся вокруг, будто в поисках знака, который выведет его на путь решения. Гипотезы, догадки, надежды хаотично переплелись в его голове.

Он двинулся к двери, по пути подобрал несколько журналов и бросил их на столик. Затем попытался задвинуть ящики, выдвинутые Соларисом. Но они не задвигались — что-то мешало.

Комиссар опустился на колени, чтобы посмотреть под ящиками, буркнув: «Черт возьми!», протянул руку под ящики и вытащил сверток материи, перевязанный желтой лентой.

— Смотри-ка, что здесь! — обратился он к Короне. — Я не удивлюсь, если это Модильяни… Но там есть еще что-то.

Когда он разогнулся снова, в руках у него были две книги, несколько открыток и грязных листков бумаги.

— Это действительно Модильяни, — подтвердил Корона, который тем временем развернул сверток.

Сартори встал и пробежал глазами по листкам и открыткам, поднятым с пола. Пять открыток и три письма. Все написаны от руки и различными отправителями.

На всех — один и тот же адрес: «Мисс Мэри Джойс, улица Маргутта, 115, Рим». Одна открытка гласила: «Сокровище мое, как ты живешь? Жду не дождусь, когда вернусь. Целую, целую. Вероника». Стояла дата — второе сентября. Пришла из Савоны.

Вторая была с видом Лиона. Текст следующий: «Вдали от тебя все холодно и враждебно. Когда ты навестишь меня? Твоя Анна». Дата — двенадцатого июля этого года.

Третья открытка пришла из Стокгольма. «Дорогая, почему ты не пишешь? Я схожу с ума без известий от тебя. До скорого. Петра». По штемпелю было видно, что открытку отправили третьего октября. Текст на английском языке, как и в первой открытке.

Четвертая и пятая открытки — от одной и той же персоны, которая подписалась «Биба». На них стояли даты: пятое и двенадцатое октября. Посланы из Лондона. Оба текста — на английском языке. «С мыслью о тебе», — гласил один. «Надеюсь вернуться в Рим в декабре. Целую. Биба», — так звучал другой.

По мере прочтения открыток Сартори передавал их бригадиру, который знакомился с ними с живым интересом.

Комиссар перешел к письмам. Они были без конвертов, мятые и грязные. На первом листе — несколько строчек по-итальянски: «Дорогая моя милашка. Получила деньги и благодарна тебе. Я не ожидала так много. Несмотря на то, что знаю тебя, не могу удивляться твоей щедрости. Чувствую, у тебя трудности в семье, и это меня огорчает. Почему жизнь так несправедлива? Пошли к черту своего мужа. У счастья могут быть другие имена, более приятные. Не задерживай свои весточки. Ты не представляешь, как я мучаюсь вдали от тебя. Все мои ласки. Надя». Ни даты, ни обратного адреса.

Второе письмо было отмечено штемпелем Сан-Феличе Чирчео, двенадцатого октября. У комиссара забилось сердце, когда он увидел подпись: «Катя».

Текст гласил: «Дорогая, трудно описать, что я сделала для тебя, но все-таки узнала, как обстоят дела. Мне пришлось быть очень осторожной, и думаю, она не заподозрила меня. Не хочу, чтобы она думала, будто я неверная подруга. Я — верная подруга, и то, что делаю, — для ее же блага.

Она дала мне понять, что многое знает о тебе и ждет доказательств. Я спросила: «Каких доказательств?» Она ответила так: «Эти доказательства должен принести мне частный детектив. Потом наступит уничтожение, моя месть!..» Я поняла, что она не хочет раскрываться, и подождала, когда оставит без присмотра сумочку. Там нашла карточку, но не взяла ее, чтобы она не заметила, а списала текст: «Совершенно секретная организация. Улица Систина, 314. Телефон 538281». Тот, кто там, должен знать о тебе. Надеюсь то, что я сделала, поможет тебе. И надеюсь также на скорую встречу. Целую. Катя».

Последнее письмо было от шестнадцатого октября. Пришло оно из Сан-Феличе Чирчео, и писала его Катя. Текст краткий: «Дорогая, она еще ничего не получила и очень рассержена на детектива, который, должно быть, имеет что-то на уме. Так она дала мне понять. Я буду держать тебя в курсе. О, если бы ты смогла приехать сюда на пару часов! Чао, чао. Катя».

Пока бригадир читал, Сартори прикурил сигарету и нервно затянулся.

— Дело запутывается! — воскликнул Корона, окончив читать. — Но какая же тут неразбериха!

— Знаете, что я скажу вам? Пойдемте перекусим. Может, найдем когонибудь в «Гранкио Адзурро»…

Они поспешно вышли.

На улице их ждали два агента, замерзшие и в плохом настроении.

— Спокойной ночи, ребята! — попрощался с ними комиссар.

— Отнесите-ка в комиссариат эту картину, — распорядился бригадир, вручая Модильяни смуглому парню. — Закройте в сейфе. Она стоит кучу миллионов.

Когда они прибыли в ночной клуб, портье закрывал дверь за спиной последнего посетителя. Харриет уже стояла на улице и, конечно, с нетерпением ждала своего Франческо.

— Можно что-нибудь перекусить? — спросил Сартори у Джино Саличе, устремившегося навстречу полицейским.

— Все что пожелаете, доктор!

И он полетел на кухню, как ночная бабочка.

Совершенно секретная организация

Помещение агентства частных расследований, указанное Катериной Машинелли, размещалось в старом здании прошлого века, и вел туда шаткий лифт.

В прихожей сидел курьер средних лет с тупым лицом. Он с удивлением взглянул на прибывших, как будто визиты для него были в диковинку.

— Никого нет. Рано. Еще нет десяти.

— Мы подождем, — сказал комиссар. — Кто здесь директор?

— Доктор.

— Какой доктор?

— Его зовут Паладини. Но он не приедет до одиннадцати, если у него не назначена встреча.

— Дайте мне номер его домашнего телефона. Мы из полиции.

— Полиция? — пробормотал швейцар.

— Полиция, полиция, кретин! — заорал Корона, заставив курьера подпрыгнуть на стуле. — Дай мне номер телефона Паладини…

— Я не могу. Это секрет.

Бригадир схватил его за пиджак и тряхнул несколько раз.

— Ты что, хочешь в тюрьму? — прорычал он ему в лицо.

Швейцар поспешил набрать номер директора «Совершенно секретной организации». Корона вырвал у него трубку и что-то кратко сказал в нее.

— Он будет через пятнадцать минут, — заверил бригадир, кладя трубку. — Спит еще.

Они сидели в ожидании. Убогий коридор давал достаточно точное представление о состоянии агентства по расследованию. Стены в трещинах, грязные во многих местах, со следами картин, которые вешали и снимали в течение многих лет. Сквозь открытую дверь виднелся полутемный кабинет с маленьким металлическим письменным столом и двумя неодинаковыми креслами. На полу рядом с дверью стояла ваза с искусственными цветами.

Синьор Паладини вошел, запыхавшись, и тут же расшаркался перед полицейскими.

— Добрый день! Добрый день, комиссар! Принимать коллегу из государственной полиции — для меня большая честь!

Это был худой, изнуренный человек, которого, вероятно, потрепала жизнь.

— Я бы хотел задать вам несколько вопросов, — обратился к нему Сартори. — Где мы можем спокойно поговорить?

— Пожалуйста, вот сюда! В мой кабинет… — Потом, обращаясь к швейцару, крикнул: — Паскуале, я не хочу, чтобы меня кто-нибудь беспокоил, понял?

Он занял место за столом, после того как комиссар и Корона уселись в неудобные кресла. Сквозь грязные оконные стекла виднелся кусок стены, покрытый плющом.

— Чем обязан удовольствию видеть вас, комиссар?

— Боюсь, что удовольствия будет мало, синьор Паладини, — ответил Сартори обычным мягким тоном, который принимал, когда собирался атаковать. — Мы ведем сложное и тонкое расследование… Я удивился, услышав, что частный детектив с временной лицензией может впутаться в крупное преступление.

— Преступление? Я? Синьор комиссар! — вырвалось у Паладини, побледневшего, как гнилая зелень. — Это, должно быть, ошибка, знаете? За много лет службы я никогда не давал повода для жалоб на мой счет… Но что случилось, комиссар?

Сартори ответил не сразу. Он вынул из кармана пачку сигарет, предложил закурить детективу и Короне, прикурил сам и сделал пару затяжек.

— Мэри Джойс! — кинул он, наконец, как камень в пруд.

— Не понимаю.

— Это имя вам ничего не говорит, синьор Паладини?

— Разумеется, ничего!.. Но не забывайте, детектив пользуется определенными привилегиями: профессиональный секрет, возможность…

— Синьор Паладини, вы, наверное, начитались американских детективов. Но и в той же Америке частных детективов, препятствующих ходу расследования, бросают в тюрьму без излишних церемоний. В нашем случае вы подвергаетесь риску попасть на каторгу на несколько лет. Я советую вам рассказать все, что знаете о Мэри Джойс. Пока еще есть время для сотрудничества. Потом будет поздно…

Паладини дрожащей рукой поднес сигарету к губам, потом вдруг потушил ее в пепельнице, вскрикнув:

— Но я не курю!

Корону забавляло поведение детектива. Он почувствовал, что его начальник и друг напал, наконец-то, на хороший след.

— Ну, так что? — подталкивал комиссар директора умеренно жестким тоном.

— У меня есть клиентка, синьор комиссар. Я не могу предать ее. Вы меня понимаете…

Сартори встал.

— Как хотите, синьор Паладини, — официально произнес он. — Не желаете пройти с нами в комиссариат?

— Господи, вы вспыхиваете, как спичка! Прошу вас, садитесь… На мгновение представьте себя на моем месте. Будь проклята эта собачья работа!.. — Он подождал, пока комиссар усядется. — Разумеется, я расскажу вам все, что знаю.

— Кто ваша клиентка?

Маленькие поросячьи глазки частного детектива наполнились слезами.

— Это было мое первое настоящее дело, — выдавил Паладини. — И вы мне его губите…

— Вы еще не решили?

— Нет, нет, я хотел сказать, что… — детектив глубоко вздохнул, перестав жестикулировать и суетиться в поисках предлога, затем тихо проговорил: — Синьорина Марина Соларис.

Корона не мог сдержать жеста удивления и удовлетворения одновременно.

— Марина Соларис — ваша клиентка, вы хотите сказать? — удивился Сартори.

— Да.

— Вам известен ее адрес?

— Нет, комиссар. Клянусь вам. Я писал ей «до востребования» на центральный вокзал…

— Но вы знаете, кто такая Марина Соларис?

— Естественно, я узнал. И потом, газеты писали о ее исчезновении…

— Для чего вас наняла Марина?

— Ее интересовала одна девушка… Англичанка.

— Мэри Джойс?

Частный детектив кивнул.

Вид у него был измученный.

Цель под наблюдением

— Дайте мне взглянуть на материалы вашего расследования, Паладини. Надеюсь, у вас есть данные на Марину Соларис?

— На Мэри Джойс, хотите сказать! — уточнил детектив.

— На кого хотите, Паладини, но не заставляйте меня терять время, — предупредил комиссар.

Директор агентства вскочил на ноги, подошел к металлической картотеке, покрытой потрескавшейся от времени эмалью, и достал оттуда красную папку.

— Здесь все, — заявил он, передавая папку Сартори. Потом опять сел, сложив руки, словно для молитвы.

В папке лежали два отпечатанных листочка.

Клиент: Марина Соларис. До востребования, вокзал «Термини».

Объект: Мэри Джойс. Национальность — возможно, англичанка. Улица Маргутта, 115, Рим. Профессия — возможно, киноактриса. Возраст — около тридцати. Внешние данные: рост высокий (может быть,

170 см или выше), телосложение — стройная, глаза голубые, волосы светлые.

Дневник наблюдения.

11 сентября. Пост наблюдения на улице Маргутта с восьми утра до двух дня. Никаких следов М. Д. Вошел в номер 115, осмотрелся, поднялся по лестнице. Нет портье. Постучал в дверь с надписью «Энрико Пагалья». Появился человек с бородой и в разукрашенной рубашке художника. Спросил его о Мэри Джойс. Сказал, что ничего не знает. Восстановил пост наблюдения в три часа дня. Приехала женщина в такси, отвечающая признакам М. Д. Продолжил наблюдение. Определил окно квартиры, которое выходит на улицу. Оживленное движение в дом и из дома: синьора с мальчиком, две красивые девушки (наверное, натурщицы художника), пожилая синьора. Никакой подозрительный мужчина — ни молодой, ни пожилой — не имел встречи с М. Д. Вышел художник с холстом под мышкой. Вошла девушка, брюнетка. Пошла определенно к М. Д. В 18.02 вышла девушка-брюнетка, одна. В 18.30 вышла М. Д. и направилась пешком к площади Пополо. Я последовал за ней. М. Д. вошла в бар «Розати», выпила виски, позвонила. Не понял ничего, потому что говорила по-английски. Немного спустя вышла, села в такси и уехала. Никаких других такси. Слежка прекращена.

12 сентября. М. Д. прибыла на улицу Маргутта в 16.15, поднялась в квартиру. Обычное движение людей по дому. Удалился для личных надобностей. Вернулся на пост. В 18.07 поднялся и постучал в дверь М. Д. Открыла, в халате. Слишком скучная, никакого беспокойства. Я сказал, что ищу художника. Она сухо послала меня прочь. Слышал музыку в квартире. Ушел. Очень красивая женщина; под халатом — ничего. М. Д. вышла с брюнеткой, которую я заметил вчера, но не заметил, как она вошла сегодня. Выпили вместе джин-тоник в баре «Розати», потом брюнетка пошла по улице, а М. Д. взяла такси. Я тоже взял такси и сказал следовать за второй. М. Д. вышла на площади Эзедра и вошла в кинотеатр «Модерно». Я тоже вошел. Посмотрел фильм, очень хороший. Когда зажегся свет, М. Д. исчезла.

13 сентября. М. Д. не приезжала на улицу Маргутта.

14 сентября. Начал наблюдение в 8 утра. М. Д. приехала в 16.08 с молоденькой девушкой; волосы очень светлые, в мини-юбке, по виду — шведка. Очень довольные. Вышли вместе в 20.10, прошли в фотостудию на улице Бабуино. Вышли около 21.00. Вместе в ресторане. Сели в автомобиль «Триумф», вела шведка. Скорый и непредвиденный отъезд. Не успел взять такси.

15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21 сентября. М. Д. не приезжала на улицу Маргутта.

22 сентября. М. Д. появилась на улице Маргутта в 18 часов. Почти сразу же прибыла упомянутая выше брюнетка. Вышла в 19.30. М. Д. вышла в 20.14. Начал слежку. На улице Корсо заметил мою клиентку Марину Соларис, которая следовала за М. Д. Моя клиентка меня не видела и старалась, чтобы ее не увидела М. Д. Ситуация парадоксальная…

Комиссар поднял взгляд на частного детектива.

— Синьор Паладини, — сказал он. — Или вы глупы, или хитрите со мной.

— Не понимаю, — пробормотал детектив.

— Вы называете расследованием эту белиберду из глупых наблюдений? Во всех случаях вы теряли Мэри Джойс…

— Я работаю один, синьор комиссар. У меня нет ни агентов, ни машин с радиостанциями. У меня вообще нет машины.

— Значит, вам не удалось идентифицировать эту Мэри Джойс?

— Увы!.. Я даже не смог узнать, где она действительно живет, потому что квартиру на улице Маргутта, очевидно, держит для своих встреч.

— Но какие встречи, господи, если у вас нет ни одного доказательства, что женщина встречается с кем-то из мужчин. С чисто логической точки зрения нам приходится констатировать, что она встречается с женщинами.

Бригадир Корона вздрогнул и посмотрел на начальника.

— Знаете, а я ведь это подозревал, доктор! — произнес он неуверенно, боясь сказать глупость. — Такие письма, эти маленькие намеки… У нас нет доказательств, что Мэри Джойс встречается с мужчинами, в то время как у нас есть основания думать о противном.

Паладини посмотрел с заметным интересом на одного и на другого.

Комиссар утвердительно кивнул головой.

— Вы правы, Корона. Вообще, когда красивая женщина ведет двойную жизнь, держит тайную квартиру, на ум приходит мысль, что в ее жизни есть другой мужчина. Но, очевидно, времена меняются. Сегодня даже гормоны потеряли свои естественные физиономии…

— Вы хотите сказать, что Мэри Джойс развлекается с женщинами? — отчетливо проговорил директор агентства.

— Нет другого объяснения этим уликам, — ответил Сартори. — Синьор Паладини, я надеюсь, вы не будете уверять меня, что Марина Соларис платила вам за эту глупую слежку…

— Именно за нее она и платила. Это было оговорено в условиях.

Полицейский пристально посмотрел в глаза частному детективу, и тот опустил взгляд на свои длинные руки. После того как Сартори закончил просматривать последние строчки единственного отчета, он снова продолжил разговор.

— Вы ведете со мной игру, Паладини. И знаете, кто в действительности Мэри Джойс.

— Нет, клянусь вам! — вырвалось у детектива. — Синьорина Соларис, возможно, раздраженная моей неудачей, разорвала со мной контракт. У меня не было причины продолжать работу с того момента, как мне перестали платить…

— И вы передали этот так называемый отчет в таком виде, как он есть?

— Конечно. То, что вы читали, копия.

— У вас есть фотография Мэри Джойс?

— У меня не было инструкции на этот счет. Мою клиентку не интересовала фотография этой женщины. Очевидно, она хорошо ее знала. Настолько хорошо, что в один из последних дней, как вы заметили, Марина Соларис следила за Джойс…

Комиссар встал.

— Видно, вы не очень уверены в своих способностях детектива. До свидания, Паладини. Надеюсь, я больше не вернусь сюда… Если, конечно, вы не ведете двойную игру.

— С вами?

— Нет, не со мной. С Мариной Соларис.

— Не понимаю, — пробормотал детектив.

— Я хотел сказать, если вы не вошли в контакт с Мэри, чтобы продать ей информацию, уже оплаченную вашей клиенткой…

Паладини сглотнул.

— Но как можно подумать о подобном! Я… я честный служащий!

— Очень рад за вас. До свидания.

Комиссар вышел в сопровождении бригадира.

Немного света

На вокзале «Термини», под просторным сводом, освещенным солнцем, была обычна толкотня. Сартори и Корона вошли в отделение связи и попросили вызвать директора.

Показалась женщина лет сорока пяти, в голубом фартучке, с бутербродом в руке и вымазанным ртом.

— В чем дело? — спросила она с чисто римским акцентом и широко зевнула, показывая содержимое своей глотки.

Комиссар представился, показал удостоверение. Женщина поспешно вытерла рот тыльной стороной ладони и спрятала бутерброд за спину.

— Извините, но у нас нет даже времени поесть, — попыталась она оправдаться.

— Кому вы говорите! — поддержал ее Сартори. — Послушайте, мне необходима очень деликатная информация. У меня есть сведения, что некая Марина Соларис получает корреспонденцию «до востребования». Хотелось бы знать, нет ли на ее имя письма…

Женщина захлопала глазами.

— Посмотреть я посмотрю, но если дело идет о том, чтобы дать его вам…

— Я в курсе. Вам нужно разрешение следователя. Будет вам разрешение, если возникнет необходимость…

— Знаете, это формальность, но я должна защищать свою карьеру…

— Конечно, понимаю.

Женщина пошла посмотреть в ящичке с буквой «С» и вернулась с довольно пухлым конвертом.

— Вот, заказное, — сообщила она.

— Можно посмотреть отправителя?

— Могу сказать. Здесь только фамилия. — И она прочитала на обратной стороне конверта: — «Соларис. Город-государство Ватикан».

— А!.. Послушайте, синьора, считайте этот конверт конфискованным. Я посылаю бригадира к следователю, и вы получите разрешение для передачи его нам. — Он повернулся к Короне: — Даже не так. Позвоните фельдфебелю Фантину, чтобы тот получил разрешение немедленно и доставил его сюда. Вы мне нужны здесь. Я остаюсь на случай, если Марина появится, чтобы забрать почту…

— А что случилось, комиссар? — попыталась разузнать директриса, дерзко откусывая кусок бутерброда.

— А теперь уж вы на многое претендуете, синьора. У нас тоже есть правила…

— Да, извините!.. Знаете, а ведь вертится у меня в голове это имя… Соларис… Кажется, газеты писали о каком-то деле… Так?

— Попридержите язык, синьора.

— Мне?.. А что такое?

Женщина отпрянула в сторону. Комиссар подозвал ее и вполголоса предупредил:

— Обратите внимание, чтобы никто из служащих не выдал конверт без вашего ведома.

— Будьте спокойны, комиссар, здесь ничто не теряется!

И, возмущенная, она удалилась, виляя толстым задом.

Сартори принялся курить, ожидая возвращения Короны. Он внимательно осматривал каждую входящую девушку в надежде встретить неуловимую Марину Соларис.

Репродуктор объявлял о прибытии и убытии поездов. Народ, нагруженный багажом, бежал на перроны. Перед билетными кассами извива-

лись длинные очереди. Две девушки-американки у окошечка для телеграмм тщетно пытались что-то разъяснить спокойному и индифферентному, как слон, служащему.

Бригадир вернулся, тяжело дыша.

— Через полчаса будет разрешение, — заверил он. — Я совершенно сбит с толку. Вы что-нибудь понимаете?

— Я только сейчас начинаю что-то понимать.

— Значит, монсеньор знает, что племянница исчезла?

— Он узнал, что она исчезла, но не знает, где она, иначе не писал бы «до востребования».

— Тоже верно.

— Я пойду выпью аперитив. Вы не ходите к окошечку «До востребования». Если услышите, что кто-то спрашивает корреспонденцию Марины Соларис, блокируйте его. Я сейчас вернусь.

Комиссар пересек длинный зал ожидания и направился в вокзальный бар, где выпил «Чинзано» с содовой. Странная эйфория охватила его. Мысли вплетались в моток информации, ставшей известной совсем недавно, и теперь, уже восстановив недостающие детали, он мог соединить вместе некоторые звенья цепи рассуждений.

Когда Сартори вернулся в почтовое отделение, было почти два.

— Идите тоже выпейте чего-нибудь, — посоветовал он бригадиру.

— Нет, спасибо. Я уже пил… А вот и Тортуозо!

Подошел запыхавшийся агент.

— Я взбудоражил пять кабинетов, — заявил он, передавая комиссару разрешение следователя реквизировать корреспонденцию, адресованную Марине Соларис.

На этот раз директриса не создавала трудностей.

— Вы должны подписать документ, — напомнила она.

— Хорошо, давайте.

Комиссар осторожно вскрыл конверт, в котором было десять банкнотов по десять тысяч и краткое письмо.

«Марина,

как и обещал тебе по телефону, посылаю деньги. Но берегись, я не намерен больше помогать тебе, если ты не скажешь, что натворила. Так не может дальше продолжаться. Твой дедушка (он мне отец, между прочим) гаснет как свеча по твоей милости и грозит изменить завещание, если ты не объявишься. Что касается твоего отца, он, бедняга, постарел на десять лет за эти последние недели. Ради Бога, не сотвори ничего плохого тем, кто любит тебя. Знать бы, по крайней мере, почему ты так поступаешь! По телефону ты сказала, что делаешь это во благо твоего отца, но я ничего не понимаю. Помни, что тебя также ищет полиция. Это позор для нашей семьи. И подумай обо мне хоть чуть-чуть, ведь я ношу такую же фамилию, как ты, и живу в контакте с окружением Его Святейшества. Благословляю тебя, и да поможет тебе Бог. Буду молиться за тебя.

Твой дядя. Рафаэль».

— Мы начинаем все сначала, — заметил бригадир, который читал письмо, поглядывая через плечо начальника.

— Я бы не сказал. Надо читать между строк. Есть важное утверждение, сделанное Мариной дяде, где она говорит, что действует в интересах отца… Ну что ж, на этот раз — все!

Комиссар распорядился, чтобы агент Тортуозо принял пост наблюдения в почтовом отделении. Другой агент заменит его через два часа и останется здесь до закрытия. Рано или поздно Марина должна объявиться, если ей понадобятся деньги.

Еще кусочки мозаики

Вечером Сартори решил взять небольшой отдых и, получив согласие Харриет, отправился в «Гранкио Адзурро». По этому случаю он надел новый светло-серый костюм, который ему очень шел. Открывая дверь комнатки Харриет, комиссар чувствовал себя молодым и бодрым, а дело Соларис — Машинелли было далеко от его мыслей.

Девушка взглянула на него, и глаза ее наполнились гордостью; она замерла, как в беспамятстве. У нее хватило лишь сил вымолвить: «Фффранческо!» Потом Харриет протянула руки и прильнула к нему.

— Ты очень красивый!.. Очень! — воскликнула она, как только смогла перевести дыхание.

— Ну уж, не преувеличивай! — защищался он, польщенный.

— Да нет же! Это действительно так… Я люблю тебя, мой дорогой! — Она опять принялась целовать его как безумная, шепча: — Я люблю тебя… Я люблю тебя!..

— Послушай, малышка, ты можешь послать к черту этот отвратительный ресторан и уйти со мной? — предложил Сартори, садясь рядом с туалетным столиком, заполненным косметикой.

— Но дорогой! Ты хочешь, чтобы бедный Джино умер от отчаяния, когда ты уведешь меня…

— А мне наплевать. На одного гомика будет меньше… — Эта фраза против воли вновь вернула его к расследованию. — Кстати, сокровище, ты никогда не замечала у твоей подруги Кати влечения к женскому полу?

Девушка внимательно посмотрела на него. Комиссар ожидал увидеть удивление на ее лице, но его постигло разочарование.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Так, мысль одна.

Харриет уселась перед зеркальцем и закурила сигарету.

— Несколько раз Катя как-то странно вела себя со мной, — пояснила она. — Странно, но именно в том смысле, что ты сказал… Однажды, ночью, была гроза. Она пришла ко мне со словами: «О боже, я так боюсь! Разреши мне лечь с тобой?» Я сказала «да», и она прижалась ко мне, дрожа от страха. Действительно, немного спустя Катя начала ласкать меня и говорить: «Ты очень красивая! Понимаю, что должен чувствовать мужчина рядом с тобой». Я посмотрела на нее, она покраснела и положила руку на мою грудь. Я сказала ей: «Что у тебя на уме? Может, ты одна из тех отвратительных женщин?..» Когда я ей это сказала, она поднялась и ушла обиженная…

— Понимаю, — тихо проговорил Сартори. — А после того раза у тебя не было подобных случаев с Катей?

Харриет затянулась сигаретой, прежде чем ответить.

— Разговоры — нет. Теперь я вспоминаю какие-то взгляды, нюансы поведения… Например, ей нравилось принимать душ вместе со мной и смотреть на меня. В такие моменты она становилась бледной, нос краснел, словно она была больной… Как-то она обняла меня под душем и заплакала. Сильно сжала меня, до боли…

— Ей нравились мужчины?

— Именно поэтому твой вопрос удивил меня. Катя часто спала с мужчинами. Даже с этим Тото, например… Она говорила мне, что мужчины все одинаковы и они ей безразличны… Но почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Думаю, что твоя подруга была той самой «отвратительной» женщиной. Квартиру, где ее обнаружили мертвой, занимала некая Мэри Джойс, которая, по всем признакам, была такой же...

Харриет как-то странно уронила голову и начала молча плакать.

— Что ты делаешь, глупышка? Плачешь?

— Бедная Катя! Бедная девочка! — всхлипывала девушка.

— Давай не будем портить вечер, — уговаривал он ее. — Сегодня — никакой грусти. Извини, что я напомнил тебе о Катерине…

Пока Харриет заканчивала одеваться для своего номера, Сартори прошел в бар выпить «Чинзано». Немного спустя, заметив Джино Саличе, «парящего» среди танцующих пар, он сделал ему знак подойти.

— Доктор, какая честь! — приветствовал Джино, протягивая комиссару руку. — Сто лет не видел вас. Только сегодня вечером говорил о вас со шведкой. Красивая девушка, а? О, слишком мила для большего, нежная, как масло…

— Послушайте, Саличе, от моего друга Солариса нет известий?

Лицо неаполитанца вытянулось.

— Ничего! Никаких известий. Я знаю, он сейчас переживает ужасные моменты, поэтому предпочитаю не докучать ему.

— Вы в курсе ситуации, нет?

— Поневоле. Я читаю газеты.

— Возможно, вы были бы полезны…

— Я? — удивился Саличе, указывая пальцем себе на грудь.

Сартори кивнул.

— Но чем? — пролепетал Саличе. — Я… я ничего не знаю обо всем этом деле.

— У вас есть предположение, где может скрываться Марина?

Директор выпучил глаза.

— Марина Соларис?

— Да.

Саличе покачал головой.

— Я… я не видел синьорину Марину несколько месяцев, — сказал он, оправдываясь. — Знаете, у нее есть такая черточка характера… Никто не может понять ее поступки. Последний раз я видел ее где-то в июне или в начале июля, в Анцио, куда ходил в бассейн. Потом больше не встречал.

— Она никогда не приходила сюда?

— Марина? Боже упаси… Ее отец, хоть у него и широкие взгляды, никогда бы не привел ее в ночной клуб. Хотя здесь, как вы сами видите, все пристойно… И потом, наверное, вы знаете, она и мачеха живут, как кошка с собакой. Марина никогда не приходит в дом своего отца.

— Однако у нее есть ключ.

— Слабо верю в это.

— Так мне сказал командор Соларис.

— А! В таком случае… Но он говорил, что она туда ногой не ступила?

— И да, и нет. — Комиссар продолжал вести разговор к цели: — Она ступила туда несколько дней назад, чтобы унести картину большой ценности.

— Что вы говорите!

— В этом мне признался ее отец. И знаете, где мы нашли эту картину? В квартире на улице Маргутта, где обнаружен труп Катерины Машинелли… Кстати, вы никогда не слышали о некой Мэри Джойс? Насколько мне известно, дело идет о красивой девушке, лет двадцати пяти-тридцати, блондинке, англичанке по национальности…

— Никогда не слышал, синьор комиссар… Еще «Мартини»?

— Нет, спасибо.

— Давайте без церемоний, доктор. Чувствуйте себя в моем ресторане как дома… Артуро, еще «Мартини».

Пока бармен наполнял бокалы, Сартори продолжал:

— Во всяком случае, Саличе, постарайтесь сделать все возможное, чтобы прийти к какой-то мысли относительно исчезновения Марины…

— Но я вам уже говорил…

— Я слышал, слышал. И верю вам, — прервал его комиссар. — Но кто знает. Мысль может прийти неожиданно. Я был бы благодарен вам, вы знаете. Видите ли, к кому может обратиться за помощью девушка в положении Марины, если не к другу семьи? А вы преданный друг семьи Соларис.

— Это правда. Но Марина не обращалась ко…

Сартори положил ему руку на плечо.

— Не спешите, — остановил он его. — Пусть мысль придет сама. Кто знает… Во всяком случае, знайте, что человек предоставивший убежище девушке, не совершил преступления. Напротив, может быть, это зачтется ему как заслуга. И одно запомните хорошенько… — Лицо комиссара стало серьезным. — Тот, кто убил Катерину, может убить и Марину. Тогда не говорите, что полиция приехала поздно. Спасибо за «Мартини», дружище. Я вернусь через часик, после спектакля. Скажите шведке.

Комиссар вышел, лавируя среди танцующих пар и официантов, нагруженных подносами. На свежем воздухе ему стало лучше. Небо очистилось, показались звезды.

Он не хотел смотреть, как Харриет раздевается перед всеми этими слюнявыми мужчинами. Сартори пошел по улице Венето. Какая-то светская дама, грациозная и изысканная, улыбнулась ему с вызовом. Он отвернулся и пошел дальше.

Они ужинали в траттории «Трастевере», шумной даже в этот час. Харриет часто посматривала на него нежным взглядом и иногда сжимала ему руку. Он чувствовал себя виноватым в том, в чем не хотел признаваться даже самому себе.

— Ты устала?

— Нет, нет… Видишь? Луна…

— Действительно. А значит, мы захотим проехаться до Остии?

— Конечно! О, Франческо!.. Мне так грустно, и в то же время я так счастлива!

— Почему грустно? — спросил он, беря ее за руку.

— Не знаю, не знаю!.. Я боюсь тебя потерять.

— Ты не потеряешь меня, если не захочешь сама…

С дальнего столика на них с интересом смотрела симпатичная пожилая пара. Сартори почувствовал, что краснеет, словно на лбу у него написано: «Я женат, у меня две дочери, а это удивительное существо — моя любовница».

Они поспешно ушли.

На проспекте Христофора Колумба движение было небольшим. У нескольких римлян была та же цель, что и у них. Когда их автомобиль появился на маленькой круглой площади, море окатило их своим запахом и сиянием.

— Как красиво! — воскликнула Харриет сдавленным от волнения голосом. Она сильно сжала его колено, приблизила рот к вырезу воротника, шепча: «Я люблю тебя!.. Я люблю тебя!..»

Его вдруг охватило волнение, и он почувствовал, как повлажнели от нежности его глаза.

Письма Мэри Джойс

При его появлении Армандо Бегецци вскочил на ноги, как мальчишка, и пошел навстречу.

— Добрый день, комиссар. Вы помните меня?

— Вы антиквар.

— Конечно. Извините за опоздание, знаете. Я принес вам письма синьорины Джойс…

Сартори пригласил его в свой кабинет, где бригадир Корона и фельдфебель Фантин читали «Темпо». Оба вскочили по стойке «смирно» при виде начальника. Комиссар предложил антиквару сесть в одно из кресел, а сам занял место за грязным письменным столом.

— Их три, — пояснил Бегецци. — Я прочитал и не нашел ничего особенного…

— Сейчас посмотрим.

Письма были отпечатаны на машинке опытным человеком; подпись одна и та же, почти неразборчива: Мэри Джойс. Адрес также отпечатан на машинке: ул. Маргутта, 115, Рим.

Первое письмо гласило:

«Многоуважаемый синьор Бегецци, хоть я вас и не знаю, обращаюсь к вам с предложением, о котором уже упоминала по телефону. Одна моя подруга желает избавиться от прекрасного Модильяни, естественно, подлинного, с подписью автора и результатом экспертизы. Я много раз слышала Ваше имя от достопочтенного монсеньора Солариса. Если вы заинтересуетесь, думаю, нам будет нетрудно прийти к согласию. Советую Вам быть сдержанным. Можно ответить мне по указанному адресу. Или я позвоню вам. С сердечным приветом. Рим, 15 октября».

Второе письмо было короче.

«Уважаемый синьор Бегецци, спасибо за Ваш вежливый ответ. Сорок миллионов показалось Вам слишком много? Предложите Вы. Мы договоримся. С приветом».

Даты не было.

Третье письмо больше походило на записку.

«Уважаемый синьор Бегецци, я искала Вас на работе, и мне сказали, что вас нет в Риме. Пятнадцать слишком мало. Поднимите цену. В противном случае я обращусь к другим. Дело срочное. Спасибо. Привет».

Здесь также не было даты. Конверты, наверное, Бегецци выбросил.

— Благодарю вас, — сказал Сартори. — Кстати, вы никогда не говорили с синьором Соларисом о Джойс?

— Я его дважды искал по телефону, но не нашел, — ответил антиквар. — Попытаюсь еще. Можно идти?

Старик пожал всем руки и вышел бодрым шагом.

Комиссар передал письма фельдфебелю, который разделил их с Короной.

— Что вы думаете об этом? — спросил фельдфебель, прочитав письма.

— Письма будут нам полезны, когда найдем машинку, на которой они отпечатаны. И я не думаю, что это будет слишком долго…

Корона всем своим видом дал понять, что смысл последней фразы остался для него загадкой.

Как в кошмаре

Сартори проснулся внезапно среди ночи и удивился, потому что никогда раньше с ним такого не бывало. Он лежал в одинокой постели своего пансиона, куда вернулся совсем недавно.

Комиссар зажег свет и осмотрелся вокруг. Комната обставлена со вкусом, но ему больше всего нравились занавески в зеленых и красных картинках, возбуждающие в нем приятное и радостное настроение.

На часах было пять минут пятого.

Он оставил Харриет в три и сразу же пошел спать, так что сон отвлек его от реальности, по крайней мере, на четверть часа.

Комиссар выругался, проклиная свой ум, не дающий покоя и во сне. Потом закурил сигарету, встал, налил себе бокал виски и перенес бутылку на ночной столик.

Может быть, ему что-то приснилось.

Но он не мог вспомнить что.

Тем не менее, что-то внутри предупреждало о важности либо того, что снилось, либо мысли, возникшей из этого сна.

Сартори сделал глоток виски, затянулся сигаретой. По улице на скорости пронесся автомобиль, разорвав на несколько секунд тишину.

Вот оно в чем дело!

Светло-зеленый «Мустанг» Марины Соларис, которым пользовалась Катерина Машинелли, когда играла роль подруги. Где остался стоять автомобиль? На улице Маргутта рядом с входом дома 115, ни он, ни другие агенты его не заметили; следовательно, его не было. Ключи находились в сумочке девушки. Стало быть, Катерина пришла на улицу Маргутта пешком, или приехала в такси, или кто-то подвез ее на автомобиле.

Но почему мысль об этом «Мустанге» представляется ему очень важной?

Может, не это его разбудило?

А что тогда?

Он сделал еще глоток виски, закурил вторую сигарету и закрыл глаза. Вопросы теснились в голове. Появилась головная боль. Комиссар принялся анализировать цепь последних событий, которые, может быть, во сне отметили ему какую-то деталь.

Ключи от «Мустанга» находились в сумочке Катерины Машинелли. Если девушка приехала в автомобиле, то человек, уехавший в «Мустанге», должен был иметь дубликат ключей.

Но эта деталь, возможно, была не очень важной.

Беспокоило другое, что могло открыть ему дорогу к правде.

Что же это другое?

Катерина еще играла роль Марины, когда была убита. Значит, она должна иметь в сумочке документы, принадлежащие подруге. Но их не было.

Почему?

Либо Катерина выполнила свое поручение, либо документы унес человек, который убил ее.

Почему?

Кому они могли быть нужны, если не самой Марине. Тогда следует заключить, что Марина убила подругу?

Идея не соответствовала схеме, построенной Сартори.

Вопросы усложнялись.

Он вынужден был довольствоваться объяснениями Томмазо Солариса; а согласно им тот нашел адрес Мэри Джойс среди бумаг дочери. Однако, если Марина никогда не ступала в дом отца, она вряд ли держала в своей комнате какие-то бумаги или тайные пометки. Следовательно, если принять гипотезу, что командор солгал, то где он обнаружил следы Мэри Джойс? И еще. Действительно ли он думал, что Мэри Джойс — псевдоним его дочери? Или же, заставляя делать дубликат ключа, знал, что речь идет о другом человеке?

Одно определенно: все люди, прямо или косвенно вовлеченные в это расследование, лгали или лукавили. Взять, к примеру, Паладини. Каким бы глупцом и дилетантом ни был детектив, он никогда бы не осмелился представить клиентке этот шутовской отчет его мнимого расследования. Следовательно, Паладини разработал отчет, которым хотел кому-то показать, что отрабатывает предоставленные ему деньги, а настоящий отчет хранит в других целях.

Каких, если не шантаж Мэри Джойс?

И тут как нельзя кстати выплывает срочность, с которой пытались продать Модильяни по цене, явно подозрительной.

По этому пункту комиссар составил краткий перечень действий:

1. Взять в оборот Паладини;
2. Выяснить, где «Мустанг» (может быть, у Томмазо Солариса);
3. Узнать, где прячется Марина Соларис;
4. Опросить прислугу в доме Соларисов в Риме и выяснить, не приходила ли в эти дни Марина в дом отца;
5. Куда подевались вещи Марины Соларис, взятые Катериной Машинелли;
6. Опросить бармена отеля «Гранада», не получал ли он в эти дни известий от Катерины;
7. Опросить фотографа, в чью студию, согласно фальшивому отчету Паладини, отправились Мэри Джойс и молоденькая иностранка, предположительно, шведка;
8. Проследить за Джино Саличе и его квартирой. Предположительно, там скрывается Марина Соларис.

Часы показывали пять минут шестого.

Сартори осушил бокал и потушил свет.

Теперь он мог уснуть.

Поиск сужается

Прислуга дома Соларисов в Риме состояла из слуги-японца и горничной-венецианки, той самой, которую комиссар видел во время визитов. Из их опросов, совершенных, когда прислуга была одна, выяснилось, что Марина Соларис не появлялась в доме отца за последние недели; более того, как японец, так и девушка, принятые на работу в июле, даже не были знакомы с дочкой хозяина.

На просьбу комиссара разрешить взглянуть на комнату Марины оба ответили, что в квартире не зарезервирована комната для синьорины Марины, которая обычно живет на вилле у дедушки, в Анцио.

Сартори засомневался, правильно ли он понял высказывание командора. Возможно, говоря о комнате дочери, он имел в виду ту, которую обычно Марина занимала у дедушки.

Комиссар в сопровождении преданного бригадира Короны отправился еще раз в Анцио, где был принят несчастной Пальмирой на правах старого друга. Управляющего не было дома, что, вообще-то, не огорчило Сартори.

Женщина посмотрела на него взглядом, которым, может быть, хотела выразить больше, чем имела мужество сказать.

— Есть известия о моей девочке? — нетерпеливо спросила она, схватив его за руку.

— К сожалению, нет. Но у меня есть причина полагать, что с ней все в порядке. Единственно плохо, что ее исчезновение тормозит ход следствия. — Комиссар не хотел говорить ей, что, скрываясь, Марина в то же

время подвергает опасности и свою жизнь. — Теперь я хотел бы попросить вашего позволения посетить комнату синьорины…

— Зачем?

— Я вас прошу. Доверьтесь мне. По сути дела, мы оба хотим хорошего Марине.

Женщина согласилась, сотрясаясь от рыданий. Потом она провела его через старинные и пыльные помещения к комнате в южном крыле виллы. Большой балкон выходил в сад, за которым виднелось море. Свежий, с соленым привкусом бриз колыхал белые кружевные занавески.

Комната со старинной дорогой мебелью и со всеми принадлежностями, казалось, перенесла их в эпоху напудренных париков и кавалеров со шпагами. Кровать была огромной, с балдахином, подпираемым столбиками в форме львов, стоящих на задних лапах. Огромная фреска в стиле Боттичелли, изображающая спящую девушку в руках Морфея, заполняла всю стену. Рядом с балконом примостился небольшой письменный стол, где стояла старинная чернильница с гусиным пером. Из современной мебели имелся только большой книжный шкаф, полный книг. Никаких следов «хиппи», все в порядке; чисто, гармонично как в каморке воспитанницы монастырской школы.

«Соответствует ли эта картина истинной натуре Марины Соларис, или это продукт глубокой любви Пальмиры к своей племяннице?» — подумал Сартори.

С порога распахнутого балкона, стоя в лучах полуденного солнца, он глубоко вдыхал солоноватый запах моря. Молчаливое ожидание женщины за спиной заставило комиссара повернуться к ней.

— Синьора Пальмира, какая она настоящая, Марина? Романтическая, немного старомодная девушка, как я сказал бы, глядя на эту комнату, или протестующая сумасшедшая, путающаяся с длинноволосыми с площади Испании…

Женщина энергично затрясла головой, и крупные слезы покатились по ее щекам.

— Марина — девушка из прошлого, — хрипло проговорила она, пытаясь осушить слезы. — Смотрите.

Служанка засунула руку в карман, вытащила маленький ключик и открыла им потайной шкафчик в стене. Сартори и Корона увидели бумаги, тетради в рядочек, дневники в парчовых обложках с маленькими замочками.

— Все это стихи, — сказала женщина, с трогательной гордостью указывая вглубь тайника. Смотрите ее! Читайте ее! Так вы узнаете, какая она, моя девочка… Стихи о маме, которую не знала, о море, об отце, который не понимал ее и который… — Она прервалась, закрыв лицо руками. Сильные рыдания сотрясали служанку.

Комиссар осторожно взял тетрадку, начал перелистывать. Сонеты Марины, сложенные совершенным одиннадцатисложным стихом, перенесли его в романтическую атмосферу. Вдохновленная Леонарди и Пасколи, юная поэтесса обнаружила страстную и взволнованную натуру. Ее мир был соткан из маленьких, милых вещей, беспокойных чувств и романтиков, отвергнутых окружающим миром.

Теперь Сартори знал, что Томмазо Гуалтьеро Соларис лгал ему с самого начала. Он лгал, когда описывал Марину как девушку без морали и самоконтроля, когда хотел заставить думать о ней как о сухой и бесчувственной. Но хуже всего была его ложь, когда он уверял, что дочь выкрала чек и подделала подпись к выгоде Катерины Машинелли.

Почему командор клеветал на свою дочь?

Кого он хотел покрыть?

Запись в других тетрадях и в дневнике, маленький замочек которого он вынужден был сломать, подтвердили его умозаключения.

— Почему Марина так резко изменилась в последнее время?

Женщина уже успокоилась.

— Может, чтобы наказать своего отца, — пояснила она. — Как я вам уже говорила, она не простила ему брак с… этой женщиной.

— Синьора Соларис высказывала когда-нибудь неприязнь к своей падчерице?

— Я бы не сказала. Но быть может, Марина вела бы себя так же с любой другой женщиной, которая вышла замуж за ее отца. Она обожала его. Теперь ненавидит.

— Ненависть тоже, в определенных случаях, можно скрывать под любовью, — изрек сентенцию Сартори.

— Может быть, и так.

Комиссар открыл ящички письменного стола, но не нашел ничего интересного. Возможно, кто-то уже принял меры и убрал вещи, которые могли быть уликами.

Они вернулись в вестибюль и там распрощались.

Из бара Сартори позвонил фельдфебелю Фантину и приказал ему конфисковать чек на пять миллионов, внесенный Соларисом на счет Катерины Машинелли в Неаполитанском банке.

В тот же день он безуспешно пытался связаться с детективом Паладини. Комиссар поручил фельдфебелю Фантину вызвать его в свой кабинет. Фантин передал приказ автопатрулю. Но глава «Совершенно секретной организации» оказался неуловимым.

Позже, перед тем как оставить кабинет, Сартори получил извещение, что найден «Мустанг» Марины Соларис на улице Пинчо, где стоянка запрещена. Десяток листочков со штрафами украшали его лобовое стекло. В багажнике лежали три больших чемодана и один маленький. Это был гардероб Марины Соларис, которым в течение нескольких дней пользовалась Катерина Машинелли.

С помощью технических средств службы регулировки уличного движения автомобиль был доставлен в Центральное полицейское управление.

Брешь пробита

Офицер швейцарской гвардии, охраняющий вход в Ватикан, подошел к автомобилю со стороны Короны и спросил, чего они желают. Сартори ответил, что их ждет монсеньор Соларис, после чего офицер стал уступчивее и услужливее. Он выдал полицейским все необходимые документы, чтобы быстро прибыть в кабинет важного священника. Теперь дорога для них была открыта.

Среди строгих дворцов маленькой империи католицизма крейсировали бесшумные «мерседесы» и «кадиллаки» с прелатами и дипломатами на борту. Никакой шум не возмущал тишину улиц.

Они вошли во дворец из серого камня. Молодой священник, вышедший навстречу, провел их по бесконечной серии коридоров, где все прелаты, которых они встречали, разговаривали тихими голосами.

Монсеньор Соларис принял их с достоинством и сердечностью. В сутане, окруженный старинными картинами и позолоченной мебелью, он казался олицетворением суровости по отношению к тому миру, в котором находился.

Отпустив знаком молодого священника, Соларис спросил:

— Что нового, комиссар?

— Мне необходимо обменяться с вами кое-какими соображениями, монсеньор, — ответил полицейский, который, как и Корона, устроился на жестком позолоченном стуле перед огромным письменным столом. — Но я бы хотел, чтобы в нашей беседе не было никаких недомолвок.

Легкий румянец проявился на скулах священника. Он не сумел подавить протестующее движение и опустил взгляд на статуэтку святого Игнацио, служившую ему пресс-папье.

— Согласен, — пробормотал он. — Говорите откровенно.

— Монсеньор, ваша племянница Марина дала вам знать о себе после последней нашей встречи?

Сартори и Корона могли видеть усилие на лице священника, колеблющегося между правдой и ложью.

— Да, — признался он, наконец.

— Лично.

— Нет, по телефону.

— Вы не могли бы рассказать подробней?

— Это необходимо, комиссар? Моя племянница не нарушила закон, она еще ребенок и…

— Монсеньор, — нетерпеливо прервал его Сартори. — Настал момент выложить карты на стол, как говорится. И сделав это, вы вынуждены будете обратиться лицом к реальности, о которой даже не имеете представления…

— О чем это вы?

— Дайте мне закончить, тогда поймете, — продолжил Сартори, решив идти прямо к цели. — Ваша племянница нарушила закон, и с ней нарушил закон ваш брат…

— Не могу поверить, что…

— Монсеньор, где она сейчас? Ватикан существует в этом мире и не может быть, чтобы вы не разбирались в женщинах вообще, а в своей племяннице в частности. Марина ждала ребенка, и синьор Томмазо заставил ее сделать аборт, прибегнув к помощи грязной акушерки в отставке и услужливого врача…

Священник вскочил на ноги и уставился вытаращенными глазами на полицейского. На мгновение Сартори испугался, что Соларис впадет в прострацию. Но тот медленно опустился на стул и внезапно охрипшим голосом проговорил:

— Расскажите мне все, комиссар.

— Операция проводилась в Анцио, в вашем доме, пока вы были в поездке по Индии, — начал Сартори. — Ваша племянница едва осталась жива. Ее немедленно доставили в клинику, и только благодаря этому опасность миновала. Но спустя три дня девушка сбежала, и следы ее потерялись. Почему она сбежала, остается тайной. По всей видимости, Марина прячется в Риме. Полиция и Интерпол ищут ее в Италии и за границей, но безуспешно. Видите ли, я настаиваю на поисках не для того, чтобы арестовать ее, а чтобы спасти от опасности. У меня есть основания думать, что тот, кто убил Катерину Машинелли, может хотеть смерти и вашей племянницы…

— И кто же этот человек, оказавший услугу Марине?

— Мы не знаем… Об этом нам расскажет ваша племянница, когда найдем ее. На данный момент это не очень важно. Сейчас важно то, что вы не пытаетесь развеять мои сомнения, которые сами же зародили во мне. Вы сказали, что Марина связалась с вами по телефону. Когда?

— Несколько дней назад. Не помню точно, — произнес священник, снова взяв себя в руки. — Может быть, пять, шесть дней… Она заставила меня поклясться не говорить отцу про этот телефонный звонок, и я согласился подыграть ей. Марина сказала также, в ответ на мою просьбу, что не подвергается никакой опасности и работает — она сказала именно «работает» — на честное имя семьи.

— Что она хотела?

— Деньги. Я послал ей деньги. Отправил пакет «до востребования», потому что она не хотела раскрывать, где находится. По тону ее голоса мне показалось, что Марина изменилась: стала более взрослой, более решительной…

— Вы охарактеризовали мне вашу племянницу как девушку непостоянную, поверхностную, без чувства морали… Или вы плохо знаете свою племянницу, или хотите пустить меня по ложному следу.

— Комиссар, знаю, может быть, я и допустил излишества. Вы меня неправильно поняли. Я вам говорил, что часто уезжаю и редко вижу Марину, хотя очень привязан к ней. Как у нее дела, что она делает, приходится выслушивать в основном от ее отца, который с тех пор, как снова женился, не очень ласков со своей дочерью.

— Из-за плохих отношений между Мариной и его второй женой?

— Вот именно. Но Марина до недавнего времени — всего лишь несколько месяцев назад — была хорошей дочкой, ласковой, вежливой и преданной… Я помню, когда она опаздывала и не могла вернуться домой вовремя, звонила мне, где бы я ни находился. Однажды она отыскала меня в Токио, чтобы попросить привезти ей кимоно. Потом девушка изменилась… Что вы хотите, жизнь — это странная и таинственная штука. Такой ее делают люди.

— Монсеньор, вы не имеете представления, где может скрываться ваша племянница?

— Трудно сказать. У Марины много друзей, здесь, в Риме, в других городах, за границей. Очевидно, тот, кто спрятал ее, близкий и верный ей человек. Я действительно не знаю, что и думать… Когда Марина позвонила мне, я умолял ее вернуться домой, но она не послушалась меня. Очень упрямая. Такой была ее мать, бедная душа.

— Синьор судья в курсе происходящего?

— Нет еще. Я очень колеблюсь. Боюсь, но кое-что нам придется ему сказать… В отсутствие Марины он становится беспокойным, а это состояние души может оказаться более вредным, чем правда.

Комиссар встал.

— Ну что ж, мне пора. Прошу вас сразу же позвонить мне, если появятся какие-то соображения насчет убежища вашей племянницы.

— Непременно, комиссар.

Сартори и Корона вышли.

Странный сыщик

Пять патрульных машин рыскали по Риму в поисках Арнольдо Паладини, главы «Совершенно секретной организации», но безуспешно. Казалось, подозрительный детектив испарился сразу после того, как был опрошен комиссаром Сартори.

Комиссар распространил поиски за границей через Интерпол, но до девятого ноября и оттуда не было никаких известий.

Тем временем бригадир Корона расспросил бармена из отеля «Гранада» в Сан-Феличе Чирчео. Ответ бармена разочаровал его: после того как Катерина уехала из гостиницы, никаких известий от нее не поступало, кроме той открытки, которую он передал комиссару.

Слежка за Джино Саличе ни к чему не привела. Если двусмысленный директор «Гранкио Адзурро» и прятал где-нибудь Марину, то действовал с осторожностью; или, что более вероятно, чувствовал за собой слежку.

Фельдфебель Фантин и два агента расспросили всех фотографов по улице Бабуино, но никто никогда не слышал о Мэри Джойс.

В вихре маленьких неудач начал потихоньку пробивать себе дорогу свет. Эксперты-графологи несколько дней исследовали подпись, которую Мэри Джойс оставила в письме к антиквару, и подпись на чеке в пять миллионов, внесенных на счет Катерины Машинелли пятнадцатого октября. Они единодушно заявили: на девяносто процентов есть вероятность, что одна и та же рука подделала подпись на чеке и подписала письмо к антиквару. Нельзя было исключать ошибку со стороны экспертов, потому что подпись Мэри Джойс была слишком краткой для точного сличения.

Чернила были идентичные, что подтверждало мнение экспертов.

Было также установлено, что подпись Томмазо Гуалтьеро Солариса фальшивая, хоть и хорошо подделана. Здесь сомнений не существовало.

— Теперь осталось только найти пишущую машинку, на которой Мэри Джойс отстучала письмо антиквару, — пояснил комиссар Короне после того, как просмотрел отчет графологов. — Найдя эту машинку, мы найдем Мэри Джойс, а затем убийцу.

Вернувшись поздно вечером в пансион, он обнаружил на тумбочке записку: «Звонила ваша жена. У нее все хорошо, передавала привет».

Сартори почувствовал, как кольнуло сердце, и множество мыслей, опасений, сомнений обрушилось на него. Разве кто-то чувствовал себя плохо? К чему этот телефонный звонок? Ведь несколько дней назад он отправил письмо, и не прошло недели, как звонил ей.

— В котором часу звонила мне жена? — поинтересовался комиссар у ночного портье.

— Около девяти.

Сартори облегченно вздохнул и заказал у портье переговоры с Сицилией на свою комнату. Ему едва хватило времени подняться на второй этаж. Он открывал дверь, когда зазвонил телефон.

Послышался полусонный голос жены.

— Как дела, Фэфэ? Что у тебя?

Она звонила потому, что сегодня вечером почувствовала, более чем обычно, его отсутствие. Голос Терезины стал приглушенным от нежности.

— Вызови нас к себе, прошу тебя!.. Дети могут продолжать учебу в Риме. Многие так делают. Мы… мы… не можем так долго без тебя…

Голоса Тины и Карлы смешались с голосом матери, и полетели через расстояния потоки слез, сердечных слов, звуки поцелуев. Он сказал всем троим, что подумает, посмотрит, так как ситуация еще неопределенная.

Сартори положил трубку.

Он почувствовал, что попал в западню, не из-за Терезины, не из-за своих детей и не из-за милой Харриет, а из-за той жизни без смысла, которую себе построил.

Комиссар налил в стакан побольше виски и в бешенстве проглотил порцию. Потом подошел к окну, закурил сигарету и стал смотреть на темные крыши города. Враждебная настороженная ночь, казалось, угрожала ему.

Последний поворот

Комиссар Сартори просматривал корреспонденцию, когда в дверь кабинета постучали.

— Войдите.

На пороге появился бригадир Корона.

— Он здесь.

— Введите его.

Подчиненный сделал знак в коридор. Послышались тяжелые размеренные шаги, и вошел Марко Радико, управляющий виллы Соларисов. У него был рассерженный вид, очевидно, оттого, что его заставили прибыть в комиссариат. Одет он был в бумазейный пиджак и сапоги. Густые, остроконечные усы разрезали наполовину энергичное, загорелое лицо, на котором двигались беспокойные глаза.

— Добрый день, синьор комиссар. Я к вашим услугам…

Сартори не удивился бы, если б Радико приветствовал его: «Целую руки, ваше превосходительство». У него было все от мафиози, и может быть, именно поэтому он получил рекомендацию какого-то депутата от Юга, близкого к кругам Ватикана.

— Садитесь, — холодно ответил комиссар.

Тот повиновался и сел с беретом в руке, сдвинув колени вместе, как школьник перед директором.

— Синьор Радико, вы рискуете кончить жизнь в тюрьме, — начал Сартори. — В этом ящичке у меня ордер на ваш арест, но с ним можно подождать. Это зависит от вас и от того, что вы скажете…

— Синьор комиссар, я ничего не сделал, — спокойно заявил Радико, и ни один мускул не дрогнул на его лице. — Я всего лишь служу своим хозяевам…

— Именно об этом я и хочу услышать от вас. Как вы служите своим хозяевам? Портя кровь синьоре Пальмире?

Молния блеснула в глазах управляющего, но полицейскому показалось, что от облегчения.

— А, из-за этого!

— Нет, не из-за этого, синьор Радико. Синьора Пальмира не подавала заявление на вас, и надеюсь, вы не будете зверствовать по отношению к этой бедной женщине, даже если хозяева выгонят ее. Я заставил вас прийти сюда по другому поводу. Расскажите-ка мне все, что знаете о Катерине Машинелли, о Марине Соларис и… — он сделал эффектную паузу, — …о Мэри Джойс.

Никакой реакции.

Молчание.

Управляющий казался статуей из камня.

— Ну что, Радико?.. Я напомню вам кое-что, и несмотря на мою немногословность, вы многое поймете. Мы здесь не на Сицилии; но даже на Сицилии произошли некоторые изменения за последние несколько лет.

— Что вы хотите знать? Я весь к вашим услугам, синьор комиссар.

— Вы здесь не к моим услугам, а к услугам правосудия. Вы — в этом я уверен — в курсе всей ситуации, которую сами же частично и создали. Начнем с Марины Соларис. Вы нарушили закон и превратились в сообщника гнусного и жестокого преступления: производство криминального аборта. И это не начало списка, который может стать очень длинным…

— Я невиновен! — запротестовал управляющий, по-прежнему оставаясь спокойным. — Я не знал о том, что происходило… Видел хозяйку, больную, на кровати и…

— Это вы будете говорить судье, когда придет время. А пока скажите, вам известна Мэри Джойс?

Что-то дрогнуло в мускулах лица усатого сицилийца.

— Джо… как вы сказали?

— Джойс… Джойс! Молодая женщина. Красивая, стройная, с длинными волосами, предположительно англичанка по национальности…

Радико с силой закрыл глаза, будто принуждая себя оставаться спокойным.

— Никогда не слышал, синьор комиссар. Я живу за городом, вы же видели, и занимаюсь деревенскими делами: скотиной, фермой… Мне редко приходится бывать в городе.

— Мэри Джойс нерегулярно проживала на улице Маргутта, в номере сто пятнадцать, а вы делали дубликат ключа от этой квартиры — ключ достаточно большой, под старину… Однажды вечером, вы принесли его своему хозяину на площадь Пополо…

— Если это тот самый ключ — все правильно. Но синьор Томмазо не говорил мне о девушке со сложным именем. Он сказал: «Марко, возьми отпечаток ключа и сделай дубликат». Я спросил его: «Что там внутри?» Он мне сказал: «Точно не знаю, но думаю, что там время от времени бывает Марина…» Я взял отпечаток и сделал ключ.

— Вы не были в этой квартире?

— Никогда, клянусь вам!

— Вы не имеете представления, кто мог убить Катерину Машинелли? Вы знаете, что ее труп был найден именно в этой квартире…

— Да, знаю. Но в газетах сказано, что точно неизвестно, несчастный случай это или убийство…

— Газеты не все знают.

Радико покачал головой.

— Нет, синьор комиссар, не имею представления.

Сартори вздохнул.

— Теперь поговорим о Марине, — произнес он с усилием. — Как вы знаете, Марина Соларис сбежала из клиники спустя три дня после того, как была туда помещена, и следы ее потерялись… Вам известны ее привычки, она росла у вас на глазах… Подумайте, где она может скрываться.

Радико задумчиво кивнул несколько раз.

— Я уже думал об этом, синьор комиссар, — произнес он серьезным тоном, крутя берет в руках.

— Чтобы облегчить вам задачу, скажу, что, по нашим данным, девушка еще находится в Риме или в его окрестностях.

— Синьор комиссар, у меня есть кое-какие соображения, но сейчас я вам не скажу. Дайте мне уйти, и сегодня вечером или завтра, максимум завтра вечером, я смогу сказать вам более точно. Может быть, я плохо поступил, что не стал действовать раньше…

Полицейский долго смотрел на него, потом решился:

— Согласен, идите. До завтрашнего вечера я жду от вас известий о Марине Соларис.

Управляющий утвердительно кивнул головой, встал и вышел.

Остаток дня прошел для всего корпуса столичной полиции под знаком воодушевления. Днем должна была состояться манифестация строительных рабочих, и предполагались беспорядки. Были мобилизованы агенты, полицейские и карабинеры. Только к вечеру, после нескольких стычек на улице Корсо, спокойствие восстановилось.

Сартори вернулся в кабинет к девяти вечера, уставший, пропыленный, с болью в колене от «пикапа» своих агентов. Он был раздражен, недоволен и разочарован происходящим, потому что все это отвлекало его от следствия, слишком запавшего ему в душу.

Отдав необходимые указания дежурному, комиссар вместе с Короной и Фантином спустился в бар управления. Там он заказал пива, чтобы снять напряжение.

В столовой было полно агентов, унтер-офицеров и полицейских в военном снаряжении. Со шлемом на голове Фантин выглядел комично. Бригадир Корона, напротив, напоминал диверсанта. Впервые Сартори видел своих подчиненных в форме.

В баре появился начальник, и все собрались вокруг него выслушать последние инструкции.

— Идите домой, мальчики, — объявил начальник полиции высоким голосом. — На эту ночь синьорам министрам работы хватит. Споры только разгораются.

Гул удовлетворения был ответом на эти слова.

Выпив бокал пива в компании нескольких полицейских, среди которых был и Сартори, начальник удалился в свой кабинет подписывать ежедневную корреспонденцию.

— Пошли и мы, — предложил Сартори Короне и Фантину. — На сегодня достаточно.

Они тихо покинули бар. Было без двадцати десять. Перед ними уже виднелись входные ворота, когда голос дежурного изменил их планы.

— Комиссара Сартори к телефону! Срочно!

— Что там стряслось? — пробубнил комиссар, входя в дежурку. — Подождите минутку.

Дежурный унтер-офицер протянул ему телефонную трубку.

— Слушаю, Сартори.

— Целую руки, синьор комиссар, — послышался неторопливый и серьезный голос. — Как видите, я пунктуален…

— Радико!..

— Да, это я… Моя судьба круто изменилась, синьор комиссар. Вы — из тех же краев, что и я, потому знаете, что невозможно ничего поделать против судьбы…

— Радико, что вы хотите сказать, черт возьми?

— Я убил человека, того самого сыщика, который «ни рыба ни мясо»… Паладини…

— Что?

— Он заслужил это, комиссар. Он убил мою хозяйку… синьорину Марину…

Сартори был по-настоящему в замешательстве.

— Один момент, Радико! Вы сказали, что убили Паладини, который убил Марину Соларис?

— Так оно и есть. Если хотите приехать, я вас жду. Нахожусь на улице Пришано, номер 87, пятый этаж… На двери написано… — Очевидно, он повернулся к кому-то. После короткого разговора управляющий продолжил: — На двери написано «Ремиджи»…

— Ремиджи? — повторил комиссар, взяв на заметку фамилию и адрес.

— Да.

— Кто этот Ремиджи?

— Молокосос в очках, с материка… Возлюбленный хозяйки. Плачет как теленок!

— Я сейчас приеду, Радико. Ждите меня.

— Я вам уже сказал, комиссар.

Сартори бросил трубку и побежал к воротам.

— Приготовьте патрульную машину, — приказал он Короне и Фантину. — Поднимайте всю братию, поедете со мной.

Десять минут спустя они пересекли город с включенной сиреной. Перед воротами номер восемьдесят семь по улице Пришано патрульная машина остановилась, сильно взвизгнув шинами. Комиссар выскочил из автомобиля и побежал к стеклянной двери; за ним последовали Корона и Фантин с агентами.

«Астматический» лифт поднял их на пятый этаж огромного улья из цемента. Сартори нажал кнопку звонка на двери с табличкой «Ремиджи».

Дверь открыл Радико. Вид у него был невозмутимый. Внезапно Франческо Сартори почувствовал — очень обостренно — что, может быть, впервые в жизни понимает свой народ, свою землю.

Радико протянул руку вглубь комнаты.

Один агент остался на пороге, а остальные устремились в помещение. Там на полу, рядом с креслом, у скорчившегося тела девушки в брюках, рыдал хрупкий юноша в очках, лет двадцати. Далее виднелись ноги мужчины.

Комиссар сделал несколько шагов вперед, чтобы лучше рассмотреть второй труп. Дрожь ужаса пробежала по его телу, как от удара кнута. Лицо Паладини, расколотое надвое, от лба до подбородка, было неузнаваемо под лужей крови, вытекшей из чудовищной раны. На груди также виднелись раны; из одной выступала ручка ножа.

Сартори медленно повернулся.

В глазах подчиненных он прочитал такой же ужас. Бесстрастный Радико стоял позади них, опираясь спиной на стену. Но теперь его глаза — до этого живые — превратились в два матовых кусочка льда.

Абсолютная преданность

До трех часов не хватало нескольких минут. Теплая ночь веяла в кабинет легким ветерком. Усталый комиссар сидел за письменным столом. Усердный дневальный приготовил большой кофейник кофе, и теперь Сартори то и дело подливал себе в чашку бодрящий напиток.

Корона с трудом боролся со сном и, чтобы не уснуть, предпочитал оставаться на ногах. Он стоял справа от комиссара. Фельдфебель Фантин, сопротивляясь сну, возложил на себя обязанности вести протокол допроса. Радико выглядел свежим и отдохнувшим, хотя в перерыве допроса, разгладив усы, устало проводил рукой по лбу.

Все выпили по две чашки кофе, после чего комиссар предложил сигареты, и комната наполнилась дымом.

— Ну что, начнем, Радико? Расскажите все, что знаете, своими словами и по порядку. Что произошло вчера утром, после того как вы покинули комиссариат?

— Я вернулся в Анцио, на ферму. — Управляющий говорил спокойно, старательно подбирая слова. — Синьор судья чувствовал себя плохо, и прибыл доктор… Один из его обычных приступов — астма — донимает его, беднягу! Приступ длился недолго, и когда врач уехал, я перекусил и отправился в поле. Было чуть больше пяти, когда Пиппо — мой младший мальчик — приехал ко мне на велосипеде. Он сказал, что звонила синьорина Марина. Трубку взяла Пальмира, и хозяйка ей передала, чтобы я ждал

телефонного звонка. Служанка разволновалась после разговора с синьориной Мариной, так как услышала, что та скоро вернется домой… Конечно, Марина солгала, чтобы успокоить ее, но Пальмира поверила. Она смеялась и плакала, бедная душа!.. Итак, я сидел у телефона. Но на душе было беспокойно…

— Почему? — задал вопрос Сартори.

— У меня было плохое предчувствие. Если Марина позвонила мне после стольких дней молчания, значит, она попала в затруднительное положение… Ждал я недолго. И четверти часа не прошло, как зазвонил телефон. Это была она. К счастью, Пальмира находилась у синьора судьи, поэтому я мог говорить свободно…

— Что она вам сказала?

— Она сообщила, что охотилась за этим сыщиком «ни рыба ни мясо» и вот, наконец, его нашла…

— Черт возьми, как ей удалось сделать то, что не сумела полиция? — вскочил фельдфебель Фантин.

— Синьорина рассказала, что звонила несколько раз секретарю, которого Паладини держит у себя в конторе. И сыщик, с которым, видно, секретарь часто связывался, знал, что синьорина его ищет. Синьорина не говорила ему, где находится, но звонила каждый час. Так ей удалось поговорить с Паладини. Она сказала ему, что хочет отчета о расследовании, так как заплатила за него и имеет на это право. В противном случае заявит на него в полицию. Синьорина подозревала, что сыщик продал свой отчет персоне, за которой она следила…

— Мэри Джойс? — догадался комиссар.

— Да, за ней.

— Так я и думал. Продолжайте, Радико.

Управляющий закурил сигарету.

— Паладини ответил, что хотел бы еще, по крайней мере, полмиллиона; ведь он работал как вол и тому подобное. И Марина согласилась. Затем они договорились встретиться в восемь тридцать на квартире по улице Пришано. Естественно, у синьорины не было денег для этого стервятника, но она хотела, чтобы я приехал к ней, схватил его и отправил в полицию. Я пообещал выехать немедленно. Было шесть с четвертью. Я приехал бы вовремя, даже на моей «Сейченто»… Но тут вбежала Пальмира, отчаянно крича, что синьору судье стало хуже. Я побежал и дал ему лекарство, пустил свежий воздух. Когда кризис прошел, я бегом отправился к машине, не давая объяснений Пальмире. Сказал ей только, что вернусь с синьориной Мариной. Но, к сожалению…

Он дважды затянулся, провел рукой по усам, будто отыскивая нить разговора. Присутствующие внимательно слушали его. Фельдфебель Фантин, который был искусный стенограф, регистрировал исповедь Радико.

— Было пять минут восьмого, когда я выехал с виллы, — снова начал управляющий. — Пришлось гнать машину, чтобы не опоздать. Уличное движение было небольшое. Я не знал точно, где находится улица Пришано, и один раз в городе потерял много времени, спрашивая дорогу у постовых полицейских. Когда добрался до места, часы показывали восемь сорок. Я был зол на себя, на уличное движение, на свою подлую судьбу. Поднялся на пятый этаж и уже закрывал лифт, когда услышал женский крик за дверью одной из квартир. Я принялся стучать в дверь, но тут послышались два негромких хлопка. Я понял, что это выстрелы из пистолета, какие показывают в кино, — с присоединенной трубкой…

— Глушителем, — подсказал Корона.

— Да, он самый. Мне стало понятно, что я прибыл слишком поздно. Но за мной была вендетта! Спрятался за дверью и приготовился ждать. Дверь открылась, и показался человек, зеленый как трава. Он увидел меня, сделал шаг назад и выхватил пистолет. Но не успел применить его. В руке у меня был нож для подрезки винограда. Я восстановил справедливость, синьор комиссар, и не раскаиваюсь.

— Речь идет о самозащите, — медленно произнес Сартори.

Рассказ соответствовал фактам. Марина Соларис была убита двумя выстрелами из огнестрельного оружия. Пистолет немецкий, «люгер», сорок пятого калибра, снабженный глушителем. Оружие найдено рядом с трупом детектива.

— Что произошло потом? — спросил комиссар.

— Едва я успел расправиться с этой гадиной, как услышал вопль у себя за спиной. Дверь оставалась открытой, и вошел юноша. Синьорина Марина предупредила по телефону, да и раньше говорила о нем. Я сказал ему, чтобы не боялся меня… К сожалению, он дрожал как лист и был близок к обмороку. А когда увидел, кто находится на полу, потерял сознание. Я с трудом вывел его из этого состояния. Потом он принялся плакать над телом бедной синьорины… Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так плакал, как этот парень; с таким отчаянием, что даже я не смог сдержать слезы…

Радико замолчал, находясь в состоянии сильного волнения, и может быть, чтобы сохранить достоинство, вдохнул проворно несколько клубов сигаретного дыма.

В комнате наступило долгое молчание.

— Где сейчас этот парень? — обратился комиссар к Короне.

— Еще в «скорой помощи». Он в состоянии сильного шока.

Комиссар повернулся к Радико.

— Это тот самый Ремиджи, от которого забеременела синьорина Соларис?

— Да… Они хотели по-хорошему. О, конечно, этот парень хотел только хорошего моей хозяйке! Я знаю, что он музыкант. Пишет музыку и поет в оркестре…

— Радико, вы ведь знали, где находится убежище Марины Соларис, правда?

— Нет, синьор комиссар.

— Но вы знаете настоящее имя Мэри Джойс! Разве не так?

Глаза Радико стали холодными и мутными.

— Мне нечего больше добавить, синьор комиссар.

Сартори наклонился над столом.

— Мы не обнаружили у Паладини отчета о расследовании. Или он не взял его с собой, или… Скажите, вы не брали этот отчет?

— Мне нечего добавить, синьор комиссар.

Сартори откинулся на спинку стула.

— Как хотите, — тихо сказал он без злобы. — Через несколько часов я узнаю, кто прячется под этим именем… Фельдфебель, отпечатайте протокол, пожалуйста, и пусть синьор Радико подпишет его до того, как его запрут в камере… Я ухожу. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, доктор, — ответили ему в унисон оба подчиненных.

— Целую руки, комиссар.

Комиссар закрыл за собой дверь. Он был зол на самого себя за то, что не смог сдержать чувства уважения к Марко Радико.

Решение витает в воздухе

В одиннадцать утра, вернувшись в комиссариат, Сартори узнал, что Фиорелло Ремиджи, опрошенный сразу после выхода из «скорой помощи», подтвердил показания Радико.

Командор Соларис, получив печальное известие от фельдфебеля Фантина, сразу же отправился в морг, где к нему присоединился его брат-священник. Вид трупа дочери нанес сильный удар этому несчастному родителю, пожинавшему плоды того, что сам бессознательно посеял.

Фельдфебель Фантин, как всегда безукоризненный и тщательно выбритый — хотя спал он в эту ночь меньше всех, — доложил комиссару о тщательном, но безрезультатном обыске в квартире Фиорелло Ремиджи. По всей видимости, Паладини не взял с собой отчет, а отправился на улицу Пришано с целью устрашить Марину Соларис, которая была для него опасным свидетелем.

Сартори перечитал протокол допроса, подписанный Марко Радико, затем распорядился об обыске кабинета и места проживания Арнольдо Паладини.

При обыске убогой квартирки подозрительного детектива отличился бригадир Корона. Под кафелем на кухне он обнаружил сверточек с изумительным изумрудным ожерельем, завернутым в половинку журнала «Обсервер» двухдневной давности.

— Вот чем Мэри Джойс заплатила сыщику за информацию, — прокомментировал находку комиссар.

— Вы думаете, доктор…

— Нет сомнений, друг мой. Паладини скрывался от полиции, боясь неосторожным словом раскрыть личность Мэри Джойс и в то же время не желая оставлять в покое эту женщину. От нее он ждал сумму, которую затребовал в обмен на информацию. А Джойс не могла оплатить, потому что ей не удалось продать Модильяни. В один прекрасный день Паладини продал бы ожерелье и улетучился…

— Почему он не выехал за границу сразу же, как стал обладателем ожерелья? Мог продать его там… — заметил Корона.

— Иностранцу не так легко продать такое ожерелье. Неизвестны ни скупщики краденого, ни ювелиры, ни цены… В Риме же Паладини мог свободно передвигаться и имел возможность реализовать крупную сумму. Хотя должен был оставаться осторожным, так как знал, что его разыскивает полиция… Возьмите ожерелье и передайте экспертам для оценки. Услышите, какая цифра!

Ближе к вечеру фельдфебель Фантин объявил комиссару о визите японца. Это был слуга дома Соларисов, который принес корзинку со съестным для Марко Радико.

Была записка и для Сартори.

«Многоуважаемый доктор Сартори, я думаю, вы не нарушите инструкций, если не отвергнете мою просьбу: передайте моему дорогому слуге и другу Радико содержимое этой корзинки. Это всего лишь попытка облегчить тяготы тюрьмы. Спасибо. Примите мою самую искреннюю признательность.

Пирошка Соларис».

Комиссар поднял взгляд на вежливого японца, стоявшего перед ним.

— Как чувствует себя командор?

— Плохо, синьор, — проговорил слуга твердым голосом на чистом итальянском. — Я оставил его в постели. Боюсь, несчастье уложит его в гроб…

— Скажите синьоре, я сделаю все, чтобы синьор Радико получил подарок. И передайте ей мой привет.

— Большое спасибо, синьор. До свидания.

Японец вышел, оставив корзинку на стуле.

— Радико еще в комиссариате? — осведомился Сартори у фельдфебеля.

— Да. Мы переведем его в Реджина Коэли вечером.

— Тогда сделайте так, чтобы он получил эту корзинку. Но сначала тщательно проверьте содержимое.

Фантин вышел из комнаты.

Сартори еще раз взглянул на белую корзинку.

Едва заметная улыбка тронула его губы.

Напрямую к цели

Один из лучших ювелиров Рима оценил ожерелье в десять миллионов, не зная, что человек, давший это ожерелье на экспертизу, был унтер-офицер полиции. Когда дело дошло до того, чтобы изложить сказанное на бумаге с подписью, эта оценка подскочила до цифры восемнадцать миллионов.

— Люди обращаются с миллионами, как с карамелями, — возмущался Корона, кладя на стол комиссару ожерелье и протокол экспертизы.

— Нам не в полиции работать, а бизнесом заниматься, — пошутил Сартори. — Хорошо. Это ожерелье будет нам полезно.

И он спрятал его в карман, не заворачивая в бумагу.

Солнце скользило от карниза здания комиссариата, играло на посеребренной раме, в которую была заключена фотография Президента Республики.

— Надо бы еще раз допросить акушерку, — сказал вдруг комиссар, — но не хочется идти в Реджина Коэли… Нет, отложим. Есть более срочное дело. Бригадир, посмотрите адрес фотографа, который делал фотографии Кати. Те, из альбома…

Порывшись в объемистой папке дела Машинелли, Корона сообщил:

— Студия Рамелли, улица Бабуино, 9.

Сартори отложил в сторону кипу газет с отчетами о недавней трагедии на улице Пришано и встал.

— Идемте, посмотрим на этого фотографа.

— Какую машину приготовить?

— Неважно.

Корона выбрал автомобиль без опознавательных знаков и спустя несколько минут уже вел его сквозь хаотичное уличное движение в южном направлении. Было тепло, но держать стекла опущенными означало заполнить автомобиль выхлопными газами других автомашин.

— Какие у вас планы насчет Рождества? — поинтересовался Корона. — Не думаете съездить домой?

Если бы он знал, какую рану вскрыл этим вопросом, то, конечно же, воздержался спрашивать.

— Посмотрим, — резко ответил Сартори. — Я еще не решил…

— Моя жена хочет поехать в деревню на праздники.

Впервые в жизни Сартори почувствовал ненависть к Рождеству, Новому году и тому лицемерию, которое окутывало праздники.

— Подайте рапорт, — посоветовал он, прикуривая сигарету. — Я буду ходатайствовать.

— Спасибо.

Остаток дороги прошел в молчании. Добравшись до улицы Бабуино, полицейские оставили автомобиль на первой свободной стоянке и дальше пошли пешком. Рядом с фотостудией находился бар, куда они зашли для начала выпить «Чинзано». Потом Сартори и Корона прошли к дому номер девять, где познакомились с Эудженио Рамелли, длинноволосым молодым человеком привлекательной наружности, со всеми признаками тщеславия, выставившим напоказ огромный галстук ярких цветов. Фотограф слушал джаз по транзистору и перелистывал «Плейбой». Обстановка вызывала у комиссара ассоциации, связанные с фигурой Сальваторе Дамма, несчастного любовника Кати. В этом деле было больше любовных разочарований, чем преступлений.

Бригадир Корона представил комиссара сонному фотографу, и тот поспешил отложить в сторону журнал со всеми его голыми красотками.

— Чем могу быть полезен?

— Я знаю, что мои агенты уже были здесь, — начал Сартори. — Согласно вашему заявлению, вам неизвестна английская девушка по имени Мэри Джойс…

— Действительно, — ответил Рамелли. — Единственный Джойс, которого я знаю, это английский писатель…

«Эрудированный товарищ», — подумал Сартори.

Он закурил сигарету.

— Я пришел, чтобы задать вам другой вопрос.

— Я в вашем распоряжении, комиссар.

Сверившись с записями, Сартори уточнил:

— Четырнадцатого сентября, чуть позже двадцати часов, сюда пришли две девушки, предположительно иностранки… Обе блондинки, одна помоложе, другая постарше. Я сказал старше, хотя ей лет тридцать, не более…

— И одна из этих девушек была Мэри Джойс, которую вы ищете?

— Да. Та, которая постарше, чтобы быть точнее.

Фотограф вздохнул.

— Господи, разве их всех упомнишь? Они приходят сюда десятками каждый день и почти все иностранки. Не буду хвастать, но моя студия — среди лучших в Риме. У меня есть победы на нескольких международных конкурсах…

— Давайте спокойно разберемся. Попытайтесь вспомнить дату четырнадцатого сентября. Из моих записей следует, что обе девушки оставались здесь примерно до двадцати одного часа. Может быть, вы делали фотографию одной из них…

Юноша снисходительно улыбнулся.

— Если они пришли после восьми и вышли около девяти, нет смысла говорить о фотографиях. Чтобы получились отличные снимки, требуется как минимум полдня, и это если все идет гладко. Нет, комиссар, они сюда зашли кое-что купить. Может, фотопленку или еще что-нибудь…

— Вы не держите книги с записями посетителей за день?

— А как же! Регистрационная книга.

— Дайте мне ее посмотреть…

Юноша передал полицейскому тетрадь, обшитую кожей. Комиссар пролистал ее до четырнадцатого сентября. Записи на страницах были довольно путаные, с многочисленными пометками ручкой против посещений. Некоторые записи подтертые или сдвинутые по датам.

В глазах Сартори бросилось имя «Петра».

— Смотрите, — указал комиссар Короне. — Вам ничего не говорит это имя?

Корона кивнул.

— Есть открытка, подписанная этим именем, — подтвердил бригадир. — Между прочим, о… Сейчас я точно не помню, как звучит фраза.

— «Незабываемые моменты вместе», — напомнил Сартори. — Кстати, было и письмо.

— Действительно.

Сартори повернулся, обращаясь к фотографу.

— Вам ничего не говорит это имя? Петра…

— Ах да! Это датчанка, очень красивая — настоящий эталон. Я делал ее фотографии. Но не четырнадцатого сентября. Несколькими днями раньше… А в тот вечер они пришли забрать фотографии. Мы поговорили немного. Девушка была довольна. Я уговаривал ее сделать фильм, но она и слушать не хотела. По крайней мере, на тот момент…

— У вас есть копии фотографий?

— Конечно. Сейчас принесу.

Он вышел и немного спустя вернулся с несколькими фотографиями большого формата, на которых была изображена соблазнительная девушка с длинными волосами цвета соломы. На всех снимках — обнаженная. На обратной стороне фотографий написано имя «Петра».

— Эта девушка вечером четырнадцатого сентября пришла в компании с Мэри Джойс…

— Ничего подобного, комиссар. Петру сопровождала синьора, которую я хорошо знаю… Я хотел сказать, знаю ее мужа. Мы давние друзья.

— Вы имеете в виду синьору Соларис? — сказал Сартори, стараясь быть спокойным.

— Да, Пирошку Соларис. Я знал ее даже раньше, чем она стала женой большого промышленника… — Очевидно, боясь, что полицейские могут сделать ошибочное заключение, юноша поспешил добавить: — Но не думайте, что между Пирошкой и мной… О нет! Это порядочная женщина во всех отношениях. Верна мужу, как Пенелопа… Никаких мужчин в ее жизни.

— Вы сказали истинную правду, — изрек комиссар и обменялся взглядом с бригадиром. — Я возьму эти фотографии, синьор Рамелли. Полагаю, у вас есть негативы…

— Естественно. Петра — подруга Пирошки, и поэтому она помогала мне в подготовке поз…

Комиссар поблагодарил Рамелли и вышел в сопровождении Короны.

Финиш

Инспектор Луиза Банделли по знаку Сартори начала набирать номер на телефонном диске. К телефону был подключен магнитофон. От трубки отходил отвод с наушником, который комиссар держал возле уха.

Мужской голос ответил:

— Дом Соларисов.

Слуга-японец.

— Синьора Пирошка дома? — непринужденно спросила инспектор.

— Кто ее спрашивает?

— Ее подруга.

— Минуточку.

Несколько секунд ожидания, потом в обеих трубках послышался мелодичный голос синьоры Соларис.

— Слушаю? Кто это?

— Извините, что представилась вашей подругой, — сказала инспектор. — В действительности я подруга Паладини.

— Как? — тревожная нотка в голосе у Соларис.

— Да, вы правильно поняли, синьора… синьора Мэри Джойс… У меня копия информации, собранной моим другом. Информация касается вас. Я могла пойти в полицию, но предпочитаю сделать вам предложение.

— Но я!.. — воскликнула Пирошка сдавленным голосом.

— Да, знаю. Вы уже заплатили Паладини ожерельем. Но, к несчастью, на него наложила лапу полиция.

Короткая пауза, заполненная тревогой.

— Сколько хотите?

— Я удовлетворюсь малым. Учитывая состояние дел и вашу корректность… Пять.

Еще одна короткая пауза.

— Согласна. Где я могу встретиться с вами?

— Где хотите.

Опять недолгое молчание.

— Давайте в Пинчо[1], сегодня вечером.

— Хорошо, в Пинчо.

— Около балюстрады в десять. Вы меня знаете?

— Знаю.

— Тогда договорились.

Синьора Соларис положила трубку. Инспектор сделала то же самое. Сартори отложил наушник. Бригадир Корона и фельдфебель Фантин стояли бледные от волнения.

— Очень хорошо! — похвалил комиссар девушку. Инспектор и в форме выглядела весьма привлекательно. — Значит, сегодня вечером в десять. Будьте внимательны, синьорина. Дело нешуточное. Она пойдет на все ради спасения если не своей репутации, то хотя бы богатства синьора Солариса.

— Не беспокойтесь, комиссар.

— Впрочем, мы будем рядом, — заверил ее Сартори и обратился к Фантину: — Пока мы задерживаем женщину, вы сделаете обыск в доме Соларисов. Ордер у вас есть… Меня интересует пишущая машинка, на которой, возможно, были отпечатаны письма антиквару. Конфискуйте также паспорт синьоры Соларис. Я уверен, что с пятнадцатого по двадцать первое сентября она была за границей. Поэтому слежка Паладини в этот период была безрезультатной.

— Но у нас уже сейчас есть убедительные доказательства для ее ареста, — высказал свое мнение бригадир.

— Действительно. Однако всегда лучше располагать неопровержимыми доказательствами. Я не хочу рисковать. Чтобы никакому крикливому адвокату не удалось найти лазейку в законе, которая позволит ей выйти на свободу…

Комиссар встал.

— Значит, командор Соларис пытался спутать карты, чтобы защитить жену, — размышлял Фантин.

— И не колебался, чтобы дискредитировать дочь с этой целью. Марина, должно быть, пронюхала о двойной жизни мачехи, но в этот момент на ее голову свалилась эта неожиданная беременность. И ей пришлось принять диктат родных — точнее, отца, — об аборте. На время ее замещала Катерина Машинелли, которая получила задание поддерживать

[1] Пинчо — римский холм, который не относится к семи классическим холмам Рима. Его называют еще Холм садов, потому что ранее там возводились обширные виллы и сады.

в неведении старого Солариса и создавать алиби подруге на период, последовавший за незаконным абортом. К сожалению, работа акушерки закончилась неудачно, и Марину отправили в клинику. Но Катерина играла двойную игру с Мариной, пытаясь помочь своей настоящей подруге — Мэри Джойс…

— Почему тогда Соларис убила Катерину? — спросил бригадир Корона.

— Не думаю, что Катерина хотела шантажировать ее, — ответил Сартори. — Это было не в ее характере, да и не было необходимости опускаться так низко. Я более склонен думать, что она решила бросить подругу, то есть, Соларис, из страха, а та в пылу ревности и отчаяния ударила ее по голове. Шприц и морфин должны были сбить полицию со следа. Больше никто не знал, что Мэри Джойс — это Пирошка Соларис.

Все молчали в знак согласия.

Теперь картина, во всей ее убогой действительности, казалась ясной. И на ней проявилась мрачная фигура Томмазо Гуалтьеро Солариса.

Мэри Джойс

На огромные сосны Пинчо падал дождик, до такой степени густой и тонкий, что казался жидкой пылью. Внизу расстилался и терялся из виду город со своими тысячными источниками света и хаотическим мельканием фар автомобилей.

Сидя в машине без опознавательных знаков, комиссар Сартори и агент Мариани следили за инспектором Банделли, которая медленно прогуливалась по балюстраде. Она была одета в желтый плащ, в руке держала белый зонтик. Своими стройными, нервными ногами и регулярными передвижениями из одного конца площадки в другой Банделли производила впечатление проститутки, фланирующей в поисках клиентов. Действительно, двое мужчин, искателей приключений, атаковали ее порознь, но девушка остановила их тоном, который не нуждался в комментариях.

Часы на приборной доске показывали 9.50.

У инспектора был маленький радиопередатчик, ловко замаскированный брошкой; приемник находился в полицейском автомобиле. Не раз до ушей Сартори ясно доносился кашель девушки. Однако обратной связи с инспектором у комиссара не было.

В сотне метров за киоском расположилась вторая полицейская машина с бригадиром Короной и агентом Тортуозо.

На террасе Пинчо, как обычно, раскатывали в автомобилях туристы, бездельники и люди высшего света. Несмотря на дождь, воздух был теплый, почти весенний.

Десять часов.

Инспектор остановилась, повернулась спиной к городу и оперлась на перила. В автомобиле Сартори раздалось чихание, и полицейские увидели, как голова девушки качнулась вперед.

— Бедняжка, она же простудится! — воскликнул комиссар.

— Эта девушка — просто молодчина, — отозвался Мариани.

— О да! Конечно… И к тому же, хорошенькая…

Агент рассмеялся.

— Нет агента в комиссариате, кто бы не заметил ее.

Зажужжал радиотелефон.

Сартори снял трубку.

— В чем дело, Корона?

— По боковой улочке к нам приближается серебристый «Мазерати». Должно быть, тот, что нас интересует. Прием.

— Понял. Всем внимание. Прием и конец связи. — Комиссар положил трубку и сказал: — Наверное, она…

Инспектор также заметила «Мазерати», медленно двигающийся по улице с включенными фарами, и поспешно закурила сигарету, чтобы взять себя в руки.

— Тот самый «Мазерати»? — спросила она по передатчику.

Мариани включил на мгновение фары, отвечая утвердительно условленным сигналам. «Мазерати» остановился в конце балюстрады под деревом.

— Это она, — подтвердил Сартори. — У машины длинная царапина с правой стороны. Ее сделал муж как-то вечером.

Пирошка вышла из автомобиля и медленно двинулась по балюстраде, на ходу раскрывая зонтик. На ней было короткое пальто из оленьего меха. Высокая, стройная, гибкая, она шла размеренным, танцующим шагом, напоминающим о ее прошлом манекенщицы. Светлые волосы, собранные на затылке в узел, придавали ее профилю классический стиль.

Хотя инспектор была единственной женщиной на террасе в этот момент, Пирошка не приблизилась к ней; она остановилась у перил, словно любуясь панорамой. Трое мужчин, которые болтали неподалеку, с восхищением повернулись в ее сторону.

В автомобиле Сартори послышался негромкий голос инспектора:

— Иду на сближение.

Комиссар не отреагировал.

Девушка двинулась к синьоре Соларис, остановилась в двух шагах от нее и оперлась на перила. Неожиданно на балюстраде появились два карабинера. Они медленно пересекли площадку. Пирошка заметила их и оцепенела.

Послышался голос инспектора:

— Не бойтесь, синьора. Они не к нам…

Соларис резко повернулась к ней.

— Это вы? — Ее голос прозвучал неясно и отдаленно. Очевидно, инспектор догадалась о нечетком приеме звука и сократила дистанцию, переместившись вправо.

— Это я, — подтвердила она.

Голос Пирошки был твердым и резким.

— Вы еще не утомились мучить меня? Что я вам сделала, господи?

Инспектор ответила мягко, немного иронично:

— Синьора, нам надо как-то жить. А этот способ — такой же, как и любой другой. Вы знаете, что интересовало Паладини?

— Тише, умоляю вас!.. Мне кажется, я схожу с ума! — Короткая пауза, потом голос Пирошки стал заискивающим: — Я удивляюсь вам…

— Почему?

— У вас вид не…

— …шантажистки?

— Ну… Такая хорошенькая, такая респектабельная… — Пирошка колебалась мгновение, потом добавила более теплым тоном: — Такая… такая женственная.

— О боже! — простонал Сартори. — Она ухаживает за ней.

Послышался смешок инспектора.

— Синьора, я не для вас… Мне нравятся мужчины. Я живу согласно природе. Что касается моего внешнего вида, то шантажисты не выделяются особыми приметами… Вы принесли деньги?

— У меня с собой два кольца. Они стоят больше пяти миллионов.

— Хорошо.

— А вы принесли копию?

— Да…

Пирошка замолчала на некоторое время, затем возобновила разговор:

— Но кто гарантирует мне, что не существует другая копия? Я не могу раздавать направо и налево свои драгоценности. Мой муж заподозрит…

— Будьте спокойны, синьора. В этом смысле я женщина слова. И потом, поверьте, вы мне очень симпатичны…

— Но вы ведь меня даже не знаете.

— Напротив, я знаю вас очень хорошо.

Сартори и агент увидели, что Пирошка положила руку на плечо инспектора. В автомобиле раздался ее взволнованный и хриплый голос.

— Мы могли бы стать друзьями…

— Я вам уже сказала.

— Да, да, согласна. Но быть друзьями — не значит склонять вас силой к тому, о чем вы думаете.

— Как вы мыслите эту дружбу? А потом вы уготовите мне участь Кати?

— Прошу вас, не говорите так, — умоляюще зашипела Пирошка. — Я была вне себя. Я ничего не соображала…

— Зачем вы это сделали?

— Прошу вас, прошу вас.

— Она хотела бросить вас? — безжалостно настаивала инспектор.

— Да, — захрипела Пирошка. — Я не могла жить вдали от нее. Катя была для меня все, понимаете?.. Хватит, хватит! Дайте мне эти грязные бумаги, я отдам вам кольца. — Она огляделась вокруг. — Но не здесь. Идемте в мою машину. Мне нужно съездить за ними…

— За кольцами?

— Да.

— Разве вы не сказали, что взяли их?

— Я солгала. Я вам не доверяю, вот! — Она была возбуждена, встревожена и нервно посматривала вокруг. — Ну что, едете?

Они прошли через площадку, направляясь к «Мазерати». Комиссар, который не упустил ни слова из беседы между двумя женщинами, находился в нерешительности. Его вдруг охватило беспокойство.

— Как бы эта сумасшедшая не задумала чего-нибудь? — пробормотал он.

— Не беспокойтесь, — заверил его агент. — Инспектор не позволит попасться на удочку этой маньячке.

Рокот «Мазерати» разрушил тишину террасы.

Сартори вызвал бригадира Корону, чтобы ввести его в курс дела. Он еще говорил, когда «Мазерати» двинулся. Обе полицейские машины бросились следом по изгибам дороги на Пинчо.

— Крепкий попался орешек, — проговорил сквозь зубы Мариани, прибавляя газ. — Не знаю, сможем ли мы угнаться за «Мазерати».

— Этого только не хватало! — пробурчал комиссар.

На всякий случай он попросил Центральное управление дать им в помощь две мощные патрульные машины. Затем сделал необходимые указания, не теряя из вида «Мазерати», который направлялся к площади Пополо.

— Постарайтесь держаться на расстоянии не более шестисот метров, — велел комиссар агенту. — Иначе нам не будет слышно, о чем они говорят.

— Я сделаю все возможное, доктор, но эта маньячка не идет ниже ста десяти.

— Тебе следовало подумать об этом раньше!

В «Мазерати» инспектор спросила:

— Куда мы едем?

— Взять кольца… Вы не хотите, чтобы я заплатила выкуп?

— Был уговор…

— Ну и что?

Сартори и агент внимательно прислушивались к разговору. Голоса долетали с непостоянной четкостью, часто ослабевая, или гасли совсем.

Улица Корсо, площадь Венеции. Археологическая прогулка.

На всем этом участке прием был очень плохой. Потом голоса стали слышны более отчетливо.

Теперь Пирошка стала более разговорчивой и спокойной. Это чувствовалось по ее голосу.

— …Я уже говорила, что вы мне очень симпатичны. Какая необходимость шантажировать меня? Кольца я могу дать вам в подарок. И деньги, если хотите… Только будьте немного поласковей со мной… Я очень одинока!

Инспектор, следуя внезапному женскому порыву, сделала вид, что колеблется, продолжать игру или нет.

— А как ваш муж?

— Ради бога, не говорите мне о нем!.. Наш брак был лишь для вида. Он сделал мне предложение, потому что я нужна ему как декорация; я приняла предложение, так как мне было выгодно…

— Однако это не помешало вам произвести на свет двух детей, — заметила инспектор.

— Женщине так легко забеременеть. Думаю, вам кое-что известно об этом… Но Томмазо никогда не вызывал у меня никаких чувств.

— Может быть, дело не в нем.

— Это правда. — Короткая пауза, потом голос Пирошки потеплел: — Но разве речь идет о недостатке. Скорее всего, это форма мятежа против порядка, заложенного матерью-природой. Почему мы должны быть рабами шайки животных, думающих лишь о том, чтобы раздеть тебя и уложить в постель? — Тоном, почти охваченным экстазом, она добавила: — Женщина, напротив, облагораживает каждое отношение, даже если с противоположной стороны находится другая женщина. Как два цветка, их соединенный аромат не портит воздух… Как тебя зовут, дорогая?

— Луиза.

— Луиза!.. Какое милое, музыкальное имя!.. И как оно созвучно с именем Пирошка… Скажи мне, назови меня… Пирошка!

— Синьора, прошу вас!.. Не стройте иллюзий. Я…

— Успокойся!.. Не тревожься… Ты никогда не думала о подобной возможности?

— О какой возможности?

— Ты меня поняла… Что бы ты делала, если бы находилась на пустынном острове, где мужчины — просто-напросто бандиты… Мой отец был фанатиком-ханжой. Он считал, что женщина рождается для вечного проклятия мужчины. Чтобы вводить его в соблазн. Он растил меня в страхе к противоположному полу. Отец заставлял меня стыдиться своей красоты, своей женственности, своих стремлений к другому полу. Когда он догадался, что я уже женщина, начал бить меня кнутом два раза в неделю — в среду и субботу, по десять минут каждый раз. Так хотел выбить из моей крови соблазн… Потом отец отправил меня в колледж,

где поручил монахиням. Ни одна женщина не могла бы рассказать тебе о сексе больше, чем монахиня, а ведь там, в этом колледже, были и молоденькие, и хорошенькие…

— Бедная Пирошка!

— Дорогая, дорогая!.. Но не жалей меня, Луиза. Я так довольна. — «Мазерати» медленно двигался по автостраде Христофора Колумба, пересекая квартал ЭУР[1]. — Я была счастлива почти два года, особенно с Катей. Я жила только ей. Между нами родилась удивительная любовь, единственная, которую никто не мог разрушить. Когда мы были вместе, то уходили от действительности, забывали человеческое убожество. Потом появился Паладини. Он сказал мне, что моя падчерица поручила ему разузнать о моей настоящей жизни… Она не была уверена, что Мэри Джойс — это я, и хотела неопровержимых доказательств, с именем моих подруг, с указанием сумм, которые я им давала, с датами наших встреч. Она хотела бросить их в лицо отцу и сказать: «Ты видишь, кого ты взял на место моей матери?» В определенном смысле Паладини спас меня, хотя сделал это с целью шантажа. Но он оказался еще презреннее, потому что, несмотря на мое намерение заплатить ему, решил войти в контакт с моим мужем… Так Томмазо узнал о Мэри Джойс…

— Я об этом не знала, — призналась инспектор.

— О, как можно быть таким подлым! — вскрикнула разгневанная Пирошка. — Он требовал деньги у Марины, у меня и у Томмазо. У меня не было суммы, которую он хотел за свое молчание — двадцать миллионов, — и я решила продать Модильяни. В некотором смысле, я была довольна этим решением, так как Паладини гарантировал мне, что, получив деньги, уедет в Венесуэлу. Но мой муж испортил все, вторгнувшись в мою квартиру в поисках картины… Я попросила Катю помочь мне, дала ей деньги…

— Подделав чек?

— Да… Я дала бы ей другой, настоящий. Но потом Катя испугалась, особенно когда Марина вынуждена была сделать аборт. Так она пришла к трагическому для себя выводу об окончании нашей любви. Грубо, неожиданно…

В автомобиле Сартори зазвучал мужской голос: «Внимание, внимание!.. Говорит «сто седьмой»… Мы видели, как вы проехали. Преследуем «Мазерати». Прием».

Длинный, хищный автомобиль выскочил на дорогу, вращая голубым светом сигнала и рыча сиреной.

— Нет, нет! — закричал Сартори. — Эти идиоты ничего не поняли!

«Ягуар-Воланте» прошел рядом с ними, как ракета. Очевидно, встревоженный шумом, «Мазерати» резко рванул вперед так, что затрещал корпус. Голоса женщин потонули в вихре выхлопных газов.

— Доктор, нас «затирают»! — доложил Мариани, выжимая из автомобиля максимальную скорость.

Сартори ругнулся.

Бесполезно было входить в контакт с патрульной машиной, которая глупо бросилась преследовать «Мазерати». Снова зажужжал радиотелефон. Это был Корона.

— Доктор, что делают эти дураки?

---

[1] Квартал всемирной выставки (ит. Esposizione Universale di Roma, «Всемирная выставка Рима», сокращенно EUR) — обширный комплекс деловых зданий, построенный по приказу Бенито Муссолини в 1935—43 гг. на юго-западе Рима в рамках подготовки к проведению всемирной выставки (не состоялась).

— Они сошли с ума, черт побери!.. Теперь ясно, я проиграл! Сейчас, вызываю «Центральную». Надеюсь, им удастся добраться до этих идиотов…

Автомобиль скользил по мокрому асфальту. У развилки на Остию Мариани заколебался.

— Куда они поехали? К Остии или на Понтину?[1]

Сартори обратился к двум регулировщикам, стоявшим на стоянке перед караульным помещением:

— Вы не видели, не проезжал ли серебристый «Мазерати»? Мы из полиции…

— Да, три минуты назад. Он шел не менее двухсот. Его преследовала одна из ваших машин.

— Куда они направились?

— В сторону Остии.

Когда вторая машина с рацией затормозила рядом с ними, они уже, рванув с места, набирали скорость. Короне ничего не оставалось, как последовать за комиссаром. Он так и не успел перекинуться словом с начальником.

Километров через пять полицейские заметили на дороге ослепительную вспышку. По мере их приближения вспышка густела и принимала контур огромного пламени с дымом, который исходил из большого автомобиля, замершего у ствола сосны на краю дороги. Вокруг суетились агенты автопатруля, тщетно пытаясь потушить пожар шинелями и пенными огнетушителями.

Когда Сартори выскочил из автомобиля, у него еще было время заметить внутри «Мазерати», в пламени, очертания двух человек, борющихся со смертью.

Сартори перед дилеммой

В последующие дни только присутствие Харриет помогало ему преодолевать подавленное состояние, грозившее уничтожить его. В эти дни Рим трепетал, как бабочка в лучах теплого и ароматного солнца. «Плывущие» в мареве античные камни и сосны с их обширными кронами вызывали воспоминания об отголоске вернувшейся весны.

— Давай сбежим от всех! — говорила она ему в любой час дня и ночи.

В автомобиле Харриет они ездили в Фреджене[2], в Сан-Феличе Чирчео, в Сабаудию[3] — всюду, где голубой блеск моря мог утопить его воспоминания.

Они бегали по пляжу босиком, как маленькие дети, вырвавшиеся из города на природу; скрывались в закусочных на берегу моря, чтобы поесть рядом с рабочими и рыбаками; проводили ночи в молчаливых гостиницах, выжатых соснами и олеандрами на берег моря.

Однажды ночью, когда они только легли в постель в маленькой гостинице у моря, неподалеку от Сабаудии, Сартори вдруг спросил, не отрывая взгляда от простора воды, освещенного луной:

---

[1] Понтина — одна из улиц Рима.

[2] Фреджене — один из самых популярных пляжей Рима.

[3] Сабаудия — курортный городок, расположенный в 100 км к югу от Рима на побережье Тирренского моря.

— Ты спишь?

— Нет… — отозвалась Харриет. Она прижала голову к его плечу, обняла. — Ты тоже не спишь. Думаешь?

— Думаю.

Она принялась покрывать его шею маленькими, быстрыми поцелуями.

— Твоя малышка может знать, о чем ты думаешь?

— Я думал о моей службе… Я подам в отставку.

— Что означает «отставка»?

— Я уволюсь из полиции. Чувствую, что не смогу продолжать жизнь в постоянном контакте с человеческими убожествами… Не хочу больше видеть отчаяние, слезы и смерть. Не хочу общаться с ворами и убийцами… Я не миссионер.

Харриет долго молчала, потом прошептала:

— Я понимаю тебя. Но что ты будешь делать, если уйдешь из полиции?

— Я юрист с высшим образованием. Поищу работу. Буду зарабатывать не меньше, чем зарабатываю сейчас.

— Тебе плохо, да?

— Да… — пробормотал он, лаская ее распущенные волосы. — Я и о тебе думаю.

— Обо мне?

— Своей любовью я причиняю тебе боль…

Она резко подняла голову и посмотрела на него в люминесцирующем полумраке.

— Фффранческо!.. Ты очень ошибаешься. Ты мне подарил радость, которую никто другой мне не давал. Благодаря тебе я узнала, кто я есть на самом деле. Речь идет не о простой физической любви, а о моем отношении к тебе, о том, что ты передаешь мне словами, чувствами, ласками… — Ее голос стал приглушенным от плача. — О, я ни о ком не могу думать, кроме тебя!.. А может, ты устал от меня?

— Теперь уже ты говоришь чепуху! — Он обхватил ее и с силой прижал к себе, словно им что-то угрожало. — Если бы я мог выразить то, что ты дала мне своей любовью… Но в эти дни я чувствую себя старым и уставшим. Знаешь, что между тобой и мной почти двадцать лет разницы?

Она рассмеялась и чмокнула его в шею.

— Я этого не замечала.

— Но рано или поздно ты заметишь. Пока ты еще ребенок.

Харриет стала серьезной.

— Ты не сказал мне всего, — проговорила она другим тоном. — Ты думаешь о своих детях. Правда, что ты думаешь о своих детях?

— И о них тоже.

— Я понимаю.

Она не решилась спросить, думает ли он о жене, а Сартори предпочел не говорить об этом. С тоской в сердце он продолжал смотреть в глубокую темноту моря.

Похороны Луизы Банделли были внушительными; гораздо более внушительными, чем похороны Пирошки Соларис, которую тайком погребли в Анцио, в роскошном фамильном склепе.

В похоронах Луизы принимал участие член правительства. Много растроганных людей пришли с ней попрощаться. Много женщин, даже из высокопоставленного общества. Президент Республики прислал

убитым горем родителям доблестного инспектора телеграмму с соболезнованием.

Сартори не участвовал в погребальном шествии. Он сидел в гостинице, пил виски и курил. Ему не хотелось говорить даже с Харриет, которая несколько раз звонила ему по телефону. Ночью, отупевший от алкоголя, с рапортом об отставке в кармане, комиссар вышел на улицу. Небо было звездное, дороги влажные и блестящие.

Он зашел в кинотеатр. Последний сеанс только начался. Фильм о социальном протесте не понравился ему, и комиссар ушел с половины сеанса.

Пока он искал тратторию, где мог бы утолить чувство голода, ему на ум пришла Пирошка Соларис, и жизнь вдруг предстала перед ним как бесполезная путаница, лишенная смысла.

Сартори с неохотой поел в пустынном ресторане около вокзала Термини. Когда он вышел, была уже полночь.

На мгновение у него появилось желание позвонить бригадиру Короне, которого не видел уже два дня, но, посчитав, что час поздний, отказался. Комиссар завидовал его жизни, простой и без душевных проблем и угрызений совести.

Пройдя пешком до улицы Венето, комиссар на пороге «Гранкио Адзурро» вдруг повернулся и направился в гостиницу.

Ночной портье вручил ему телеграмму: «Приеду завтра семнадцать часов. У нас все хорошо. Целую, Терезина».

Сартори побледнел.

Его жена сошла с ума.

Он медленно поднялся в свою комнату. Там налил виски, опустошил бокал, закурил и уставился на темные, поблескивающие крыши домов.

Комиссар посмотрел на часы.

Было без семи минут два.

У него не возникло желания говорить по телефону с женой. Не хватило бы даже сил крикнуть о помощи, если бы его сейчас душили.

Он разделся, принял душ и бросился голым в постель.

Мысль о Харриет скрутила ему внутренности. Сартори поднял трубку и попросил портье соединить его с «Гранкио Адзурро». Дикая музыка донеслась до его уха по проводу.

Харриет не было

— Она никогда не уходила так рано, — заметил он.

— Не знаю, — услышал ответ.

Сартори повесил трубку.

Потом выпил еще виски и со злостью закурил.

Сон пришел к нему на рассвете, когда по городу прогрохотали первые трамваи.

Комиссар проснулся после одиннадцати, и то лишь потому, что зазвонил телефон. Это был Корона.

— Доктор, у вас все нормально? Уже три дня вас не видно.

— Меня искали?

— Да, синьор начальник. Но я сказал, что вы болеете…

Бригадир как всегда был корректен и благоразумен.

— Спасибо, Корона. Действительно, я не очень хорошо себя чувствую. Так и скажите начальнику… Нет, ничего не говорите. Я сам появлюсь. Знаете, сегодня днем приезжает моя жена.

— Приезжает синьора Терезина? О, какая радость!

— Да, какая радость.

— И дети тоже приезжают?

— Не думаю. Каникулы еще не начались.

— Тогда, если позволите, я тоже подъеду на вокзал. Возьму автомобиль.

— Да, спасибо.

— В котором часу она приезжает?

Они договорились о встрече.

Сартори заказал завтрак в комнату. Апельсиновый сок и черный кофе. Побрившись, он дважды звонил Харриет домой.

Никто не отвечал.

Комиссар вышел из гостиницы в скверном настроении.

Шум вокзала с его людьми, поездками, объявлениями по радио полностью оглушил Сартори. Бригадир был возбужден, как будто прибывала его жена.

— Наверное, синьора привезет мне известие об отце, — поделился он с начальником, когда они остановились на платформе, куда прибывал поезд. — Недавно отец штукатурил дом… И все один… В его-то годы. Это феномен.

— Сколько осталось?

— Девять минут. Должен прибыть по расписанию, иначе объявили бы об опоздании.

Корона продолжал говорить об их общих знакомых, о дорожающих участках, о жадных родственниках.

Комиссар не слушал его. Он смотрел на блестящие рельсы железнодорожного пути, по которому в этот момент приближалась к нему Терезина.

И вот поезд, о прибытии которого тотчас же хрипло и неразборчиво объявило радио. Железное чудовище медленно продвигалось вперед, пыхтя паром и испуская скрип тормозов. Наконец, обессиленное, оно остановилось, лязгнув буферами. Толпа хлынула на платформу. Заорали носильщики, требуя дорогу своим тележкам. Захлопали оконные рамы в вагонах.

Сартори двинулся вдоль состава, шаря взглядом по окнам в поисках знакомого лица. За ним следовал бригадир.

Ее голос прозвучал для него неожиданно: «Фэфэ… Фэфэ! Я здесь!»

Он почувствовал, как покраснел вопреки своей воле. Порыв нежности сжал ему горло.

Терезина протягивала ему руку из окна. Она немного похудела, но оставалась той же. Укоротила волосы. Кажется, помолодела.

Сартори подождал ее у лесенки, помог сойти. Рядом кричал Корона: «Синьора Терезина, где ваши чемоданы?»

Но она не слышала его. Жена смотрела в глаза растерявшегося супруга, которому, по ее мнению, необходима была помощь, как ребенку. Потом поцелуй в щечку. Стыдливый.

— Что это пришло тебе в голову? — спросил муж шутливым голосом. — Так внезапно…

— А сам бы ты никогда на это не решился! Теперь вместе будем искать квартиру. Увидишь, все будет хорошо. Но ты… ты изменился. Постарел…

— Что ты хочешь — работа! Как дети?

— У них все хорошо, передают тебе привет. Такие самостоятельные… Хорошие дети, знаешь… Увидимся на каникулах.

Корона уже ставил на тележку носильщика багаж синьоры: чемоданы, чемоданчики, корзины, пакеты.

Они двинулись к выходу. Терезина держала мужа за рукав, словно боялась, что он вдруг ускользнет от нее, и исподтишка поглядывала по сторонам.

— Какая милая эта девушка! — воскликнула она, улучив момент.

— Какая девушка? — проявил интерес Сартори.

— Та, кто звонила мне домой… Которая утешала тебя все это время… Как ее звать? Сложное имя. Подожди. Я записала… — Терезина открыла сумочку (та же сумочка, которую он привез ей из Палермо), достала листочек и прочитала: «Харриет».

Сартори сглотнул слюну.

— Харриет тебе… тебе звонила?

— Да. Она рассказала мне о тебе, о твоих страданиях вдали от семьи. «Бросайте все и приезжайте к нему», — посоветовала она. И я приехала. Увидишь, теперь тебе будет лучше. Ты не менял рубашку?

Она продолжала говорить, говорить, но он не слушал. В голове зашумело от прилившей крови. Окружающие люди и вокзальный гомон перестали существовать для него.

Сартори не видел, да и не мог видеть, растворившуюся в толпе красивую светловолосую девушку, стоявшую рядом с тележкой, полной чемоданов. Мужчины и женщины с восхищением смотрели на нее, но взгляд красавицы был обращен к тому, кто вместе с женой удалялся к выходу.

— К экспрессу на Париж, — велела она носильщику. — Быстро!

И двинулась по перрону на другой путь, ловко кромсая длинными ногами пространство между людьми.

Перевод с итальянского Валерия ЧУДОВА.

Микола ТРУС

Ведущий научный репрезентант Беларуси в Европе 1920-х годов

Знакомясь с биографией и научной деятельностью Евгения Александровича Ляцкого (1868—1942), искренне удивляешься, насколько судьба была благосклонна ко всем его начинаниям. Необычайно успешен в науке, творчестве, предпринимательской деятельности, счастлив в семейной жизни. Удостоен многих высоких наград и званий от научных институций разных стран.

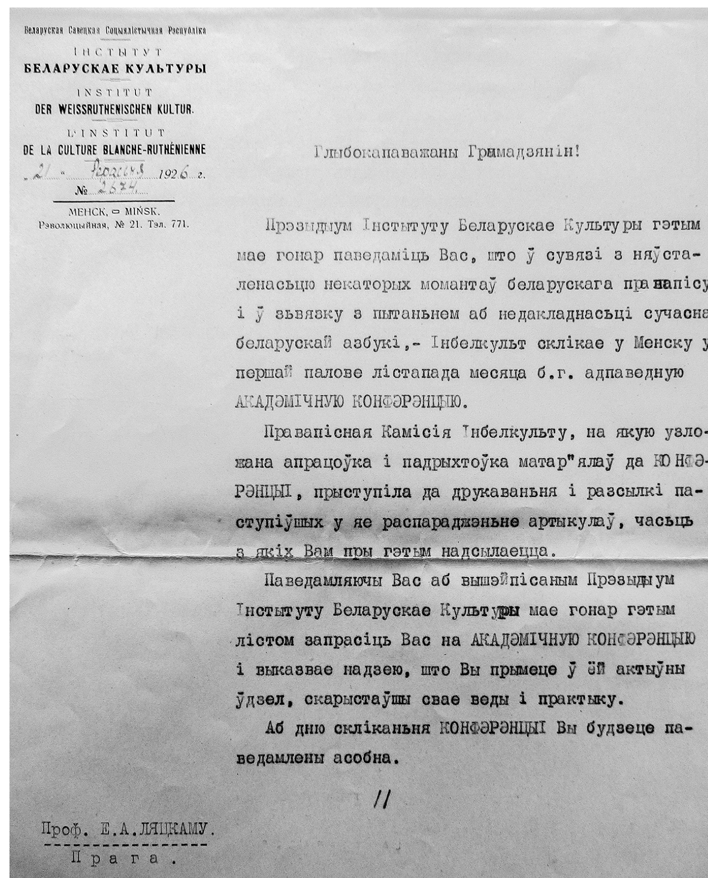
Более детально изучая эмигрантский период жизни профессора Ляцкого, с 1922 года связанный с Чехословакией, интересуясь бытоописательными подробностями в русле востребованной сегодня истории повседневности, я не раз находил свидетельства современников о чуть ли не всеобщей зависти по отношению к нему бывших соотечественников.

Единственное, в чем историческая справедливость пока не восстановлена, это издание и должная оценка всех работ Евгения Ляцкого, посвященных белорусской культуре. Его труды, частью напечатанные, частью оставшиеся в рукописях, — беспрецедентное явление с точки зрения системной и объемной работы по изучению и популяризации достижений национальной художественной литературы, гуманитарной науки, государственного строительства среди широкой европейской аудитории 1920-х.

С авторитетным словом профессора Ляцкого не могли не считаться. Он был в числе ведущих европейских славистов, приглашенных на Академическую конференцию по реформе белорусского правописания и азбуки, организованную Инбелкультом в Минске 14—21 ноября 1926 года. Ученый приехать не смог, прислал приветственную телеграмму. В работе этого знакового филологического форума принял участие редактор пражского журнала «Прамень» белорусский поэт Владимир Жилка.

В Праге Евгений Ляцкий был политически не ангажированным арбитром в решении многих вопросов национальной «академической эмиграции» (В. Жилка), пестрой студенческой массы выходцев из Польши, Латвии, БССР. В Чехословакии межвоенного периода белорусское представительство количественно и

«качественно» очень сильно уступало русскому и украинскому. Да и по социальному составу различие было очевидным: с одной стороны — профессура, бывшие офицеры, известные писатели; с другой — как правило, выходцы из крестьянской среды, в основном, Западной Белоруссии, вопреки препятствиям польских властей решившиеся получить высшее образование в неплохих условиях, гарантированных специальной правительственной программой, известной под названием «Русская акция».

Беларуская Савецкая Соцыялістычная Рэспубліка
ІНСТЫТУТ
БЕЛАРУСКАЕ КУЛЬТУРЫ
INSTITUT
DER WEISSRUTHENISCHEN KULTUR.
L'INSTITUT
DE LA CULTURE BLANCHE-RUTHÉNIENNE
„21“ [illegible] 1926 г.
№ 2674
МЕНСК, ⇨ MIŃSK.
Рэволюцыйная, № 21. Тэл. 771.

Глыбокапаважаны Грамадзянін!

Прэзыдыум Інстытуту Беларускае Культуры гэтым мае гонар паведаміць Вас, што ў сувязі з няўсталенасьцю некаторых момантаў беларускага правапісу і ў зьвязку з пытаньнем аб недакладнасьці сучаснай беларускай азбукі,- Інбелкульт склікае у Менску у першай палове лістапада месяца б.г. адпаведную АКАДЭМІЧНУЮ КОНФЭРЭНЦЫЮ.

Правапісная Камісія Інбелкульту, на якую узложана апрацоўка і падрыхтоўка матар"ялаў да КОНФЭРЭНЦЫІ, прыступіла да друкаваньня і разсылкі паступіўшых у яе распараджэньне артыкулаў, часьць з якіх Вам пры гэтым надсылаецца.

Паведамляючы Вас аб вышэйпісаным Прэзыдыум Інстытуту Беларускае Культуры мае гонар гэтым лістом запрасіць Вас на АКАДЭМІЧНУЮ КОНФЭРЭНЦЫЮ і выказвае надзею, што Вы прымеце ў ёй актыўны ўдзел, скарыстаўшы свае веды і практыку.

Аб дню скліка용ньня КОНФЭРЭНЦЫІ Вы будзеце паведамлены асобна.

//

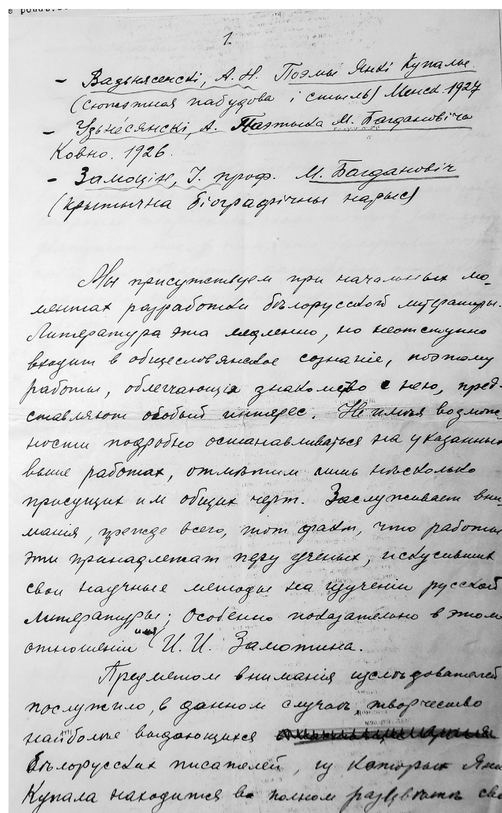
Проф. Е.А.ЛЯЦКАМУ.
Прага.

Приглашение Президиума Инбелкульта Евгению Ляцкому принять участие в Академической конференции. Минск, 1926 г. Литературный архив в Праге. Публикуется впервые.

Евгений Ляцкий одним из первых, довольно критически и без прикрас, запечатлел жизнь русской эмиграции в своем единственном романе «Тундра» (1925). Художественное воплощение образа самого ученого представлено в крупном эпическом произведении «Рожденные под Сатурном», принадлежащем перу Виктора Вальтара, представителя белорусского студенчества в Праге 1920-х годов.

В конце XIX века будущая активная жизнь ученого начиналась с записей и публикаций белорусского устно-поэтического народного творчества. В наших справочных изданиях, профильных книгах, посвященных этапам становления отечественной фольклористики, акцентируется внимание именно на этом периоде (им и ограничивается) в кратких жизнеописаниях Евгения Ляцкого. Однако специалистами не учитывается, что работа в области фольклористики и этнографии была им впоследствии продолжена, расширена применительно к другим народам многонациональной Российской империи. Поэтому системные и плодотворные научные изыскания Е. А. Ляцкого интересны как отдельная тема, имеющая свою динамику, хорошо представленная на уровне фактологии, методики сбора и обработки фольклорного и этнографического материала, методологии аналитических обобщений.

На склоне лет Евгений Ляцкий очень прочувствованно вспоминал о своей малой родине: «Я провел раннее детство в зеленой сказке необъятных лесов — минской Белоруссии. Леса там были настоящие, со столетними деревьями, с чудовищными корнями и гниющими великанами, поросшие беззаботными березками, этими нежными улыбками дремучего леса». Эмоциональное воспри-

1.

– Вазнясенскі, А. Н. Паэмы Янкі Купалы (сюжэтная пабудова; стыль) Менск. 1927
– Узнёсянскі, А. Паэтыка М. Багдановіча Ковно. 1926.
– Замоцін, І. проф. М. Багдановіч (крытычна біографічны нарыс)

Мы присутствуем при начальных моментах разработки бѣлорусской литературы. Литература эта медленно, но неотступно входит в общеславянское сознание, поэтому работы, облегчающия знакомство с нею, представляют особый интерес. Не имѣя возможности подробно останавливаться на указанных выше работах, отмѣтим лишь нѣсколько присущих им общих черт. Заслуживает внимания, прежде всего, тот факт, что работы эти принадлежат перу ученых, искусивших свои научные методы на изучении русской литературы; особенно показательно в этом отношении имя И. И. Замотина.

Предметом внимания изслѣдователей послужило, в данном случаѣ, творчество наиболѣе выдающихся бѣлорусских писателей, у которых Янка Купала находится в полном расцвѣтѣ сво-

Первая страница рецензии Е. Ляцкого на белорусские издания. Прага, 1928 г. Литературный архив в Праге. Публикуется впервые.

ятие белорусской поэзии, искренняя радость за ее успехи прослеживаются и в некоторых статьях ученого.

Свое отношение к достижениям младшей генерации коллег-этнологов профессор выразил в отзыве на «Труды первого всебелорусского краеведческого съезда» (Минск, 1926): «В научном движении, охватившем Белоруссию за последние десять лет, несомненно, наиболее существенное значение имеют изучения этнографические, культурно-бытовые, затем по языку и фольклору. Действительно, белорусский край в течение многих лет оставался в стороне от работ, посвящавшихся другим частям прежней Российской империи. Прошедшие десять лет усиленной деятельности молодых белорусских ученых указали, как много нового и интересного могут представить исследования почти во всех областях материального и духовного быта».

Эта цитата, а также отрывок из автобиографии, приведенный выше, взяты мной из рукописных материалов Литературного архива в Праге (фонд «Евгений Александрович Ляцкий»). Полное оригинальное название этого чешского учреждения — Literární archiv Památníku Národního Písemnictví v Praze. Знакомство с документами стало возможным благодаря содействию профессора Карлова университета Даниэлы Коленовской.

Впервые часть материалов пражского архива по интересующей нас теме была опубликована в книге «Евгений Ляцкий: Материалы к биографии» (Брянск, 2000), подготовленной Сергеем Михальченко. В моем распоряжении оказался целый массив неиспользованных документов.

В Праге 1920—1930-х годов объект нашего внимания был фигурой очень примечательной: профессор кафедры русского языка и литературы Карлова университета, основатель издательства «Пламя», осуществлявшего свою деятельность «под общим руководством профессора Е. А. Ляцкого», — так значилось в каждой книге, и тем самым акцентировался научный подход в редакционно-издательской политике. Сотрудничеством с влиятельным человеком дорожили многие выдающиеся представители русского зарубежья: Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Тэффи, Александр Куприн, Николай Лосский, Дмитрий Мережковский, Марина Цветаева, Алексей Ремизов. Об этом красноречиво говорят сотни писем, хранящихся в пражском Литературном архиве.

Переписку с профессором Карлова университета поддерживали видные деятели белорусской культуры — Александр Цвикевич, Тишка Гартный, Вацлав Ластовский, Иван Замотин и др. В распоряжении Евгения Ляцкого были все знаковые издания (периодические, художественные и научные), увидевшие свет в Минске и Каунасе. На некоторые из них писались рецензии, печатавшиеся в чешских изданиях, а репрезентативные статьи о состоянии

современной белорусской литературы, науки, образования пристраивались в славистические издания ряда европейских стран — Италии, Франции, Швеции.

В самой Чехословакии 1920—1930-х годов научная деятельность Евгения Ляцкого проходила в контексте активной общественной и культурно-просветительской работы белорусского студенчества, политиков-эмигрантов. К тому же, в Праге в то время обосновались известные ученые-слависты (Владимир Францев, Иван Лаппо и др.), чьи научные интересы так или иначе касались белорусской тематики.

В данной публикации на страницах «Нёмана» мы стремились представить разножанровые статьи Евгения Ляцкого и тем самым создать основу современного смыслового контента, наглядно демонстрирующего специфику творчества автора, основные смысловые акценты и жанровые особенности текстов, хорошо просматриваемые аргументы и механизмы репрезентативности, многие из которых актуальны и сегодня.

Евгений ЛЯЦКИЙ

Три статьи о белорусской культуре*

* * *

Е. Ф. Карский. Белорусы. Очерк словесности белорусского племени. — Старая русская письменность. — Художественная литература на народном языке. (Т. III, вып. 2 и 3). Петроград. 1921, 1922.

Замечательные труды акад. Е. Ф. Карского по белорусоведению составляют вклад исключительной научной ценности. <…>

В отношении терминологии ограничимся лишь одним кратким замечанием: мы предпочли бы избегать смешения принципиально не разделяемых автором понятий — письменности «белорусской» и «западно-русской»; термины «язык» и «наречие» также употребляются автором вне категории внутреннего разграничения[1].

Автор начинает обзор произведений старой письменности с того времени, когда они стали обнаруживать явные признаки белорусского языка (XIII в.): «Старая западно-русская письменность, даже со следами местного наречия, на

---

* *Некоторые особенности правописания оригинала сохранены.*

[1] Колебание терминологии отражает, конечно, известный исторический момент в понимании самого вопроса. Проф. А. С. Архангельский в своих «Очерках из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв.» (М., 1888) говорил о западно-русском языке как о языке русском, испытавшем на себе ряд политических и культурных воздействий. В новейшее время В. У. Ластовский в труде своем «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца XX да пачатку XIX стагодзьдзя» (Коўна, 1926) определяет термином «белорусской» («крыўскай») всю письменность и литературу тех, которые для проф. А. С. Архангельского являлись «западно-руссами». Речь идет о признании или непризнании той «общерусской» основы, на которой исторически развились три ветви русского племени — великорусская, украинская (по иной терминологии малорусская) и белорусская. Вопрос, может быть, не вышел еще из стадии политических предпосылок, но решение можно ждать лишь от спокойного изучения объективных фактов языка и культуры. Следует считаться при исследовании этого вопроса с новейшей книгой проф. И. И. Лаппо «Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом» («Пламя». Прага, 1925).

первых порах является продолжением общерусской литературы и лишь со временем, под влиянием разных причин, получает свой оригинальный характер. Обособление ее относится ко времени подпадения Зап. Руси под власть Литвы и образования белорусской народности». Предметом своего рассмотрения акад. Карский делает произведения, написанные по-белорусски. Произведения на польском языке, хотя бы и создававшиеся на белорусской территории, автор относит к ведению польской литературы.

Одной из важнейших причин возникновения единой белорусской письменности было объединение Белоруссии вокруг Литвы, с ослаблением, даже прекращением связи с Русью восточной. Однако позже живая народная белорусская речь, творившая основы речи литературной, подверглась разнообразным влияниям. <…>

…обзор различных видов и отдельных произведений белорусской письменности является весьма существенным дополнением к нашим сведениям о письменности общерусской. Не говоря о том, что при этом выявляются замечательные деятели белорусской культуры (Франциск Скорина, Василий Тяпинский), почти каждое произведение носит на себе характерные черты своей эпохи, когда оно должно было выражать собою определенную идею в борьбе религиозных, умственных и политических течений. Нетрудно представить себе, вдумываясь в выбор сюжетов и тем (сборник поучений, жития святых), насколько оживленной, а иногда и напряженной, была эта борьба.

В главе об апокрифах находим интересные указания на такие списки, которые обращаются и до настоящего времени в народной среде, давая любопытный материал для характеристики современного (или близкого к современному) миросозерцания белорусов («Сон Богородицы», «Двенадцать мук»).

Некоторые апокрифы, носящие близкие заглавия к русским текстам, различны по содержанию, что указывает на особое их происхождение, причем выступает роль южно-русских, и в частности чешского, влияний. Иные из рассмотренных акад. Карским памятников вызывают с его стороны ценные замечания, предуказывающие направление, в каком должно вестись дальнейшее исследование. Таковы его замечания по поводу «Повестей религиозного содержания» — особенно «Рассказ о мучении Иисуса Христа, смерти и воскресении Его с присоединением сведений о Пилате и Иосифе Аримафейском». Подробно изложив содержание и указав особенности того текста, который находится в белорусском сборнике XV в., автор высказывает предположение, что текст этот является непосредственным переложением на белорусский язык некоего еще не открытого латинского оригинала. Непосредственность переводов с латинского языка свидетельствует о том, что среди деятелей белорусской письменности были лица, обладавшие высоким и притом разносторонним образованием. Памятники, переведенные с польского (таковы Хроники и Хронографы) в свою очередь заключают в себе немало любопытных западно-русских особенностей в языке.

Если переводная литература дает много материала для суждения о проникновении белорусских элементов в письменность и их идеологическом и формальном развитии, то еще более показательными являются произведения самостоятельные. Здесь обнаруживается та глубокая историческая общерусская связь, которая положила основу и дала в значительной степени толчок к последующему самостоятельному творчеству: «Самостоятельные литературные произведения, явившиеся в Западной Руси после ее отделения от восточной, на первых порах, да и со временем, вообще говоря, имели те же характер и содержание, что и произведения вообще русские, отличаясь от них только местными особенностями языка. Лишь значительно позже, когда местная жизнь и история выдвинули особые культурные условия и новые интересы, преимущественно религиозные и национальные, явились и новые роды литературных произведе-

ний, часто составленных по особым методам и приемам, неизвестным Московской Руси». К этому важному во всех отношениях выводу автор приходит путем рассмотрения целого ряда летописных списков. С другой стороны, такие памятники, как воспоминания современников и некоторые донесения служилых людей литовским магнатам, свидетельствуют о несомненном преобладании польского влияния в средних и даже высших классах белорусского общества. Это преимущественно имело место в практике судебной и административной. «Речь Ивана Мелешки, каштеляна смоленского, произнесенная на Варшавском сейме в присутствии короля Сигизмунда III в 1589 г.» показала, однако, что белорусскому обществу не было чуждо и сатирическое отношение к слепому увлечению польской культурой.

Те же черты, что и в России, характеризуют деятельность писателей и составителей статей и сборников, направленных против католиков, жидовствующих и протестантов. Они писались на белорусском языке, с обилием полонизмов; сочинения эти представляют собой в преобладающем большинстве переработку старого полемического материала. Детальное изучение их могло бы представить значительный интерес для характеристики различных сторон религиозного мышления и борьбы умственных течений именно в Белоруссии, но в отношении словесного материала они, кажется, не раздвигают границ самостоятельного творчества.

Полонизация высшего класса белорусской интеллигенции особенно выступает в произведениях, писанных и печатавшихся латиницей. Живое белорусское слово становится предметом общения и дальнейшего развития в устах мелкой шляхты и крестьянского населения. В литературу оно проникает всюду, где в произведениях сатирических и драматических требуется противопоставить действующим лицам из культурных классов общества — выразителя белорусской сметки, хитрости и юмора. Приводимые Е. Ф. Карским образцы говорят о необыкновенной живучести этих свойств белорусского человека в его слове, остром и метком. Слово это отражает большую гибкость ума и свежесть непосредственного, жизненного восприятия.

Изложение судеб белорусской письменности заканчивается указанием и краткой характеристикой произведений, писанных арабскими начертаниями. Эти произведения обращались среди татар, в разное время поселившихся в пределах Белоруссии и постепенно растворившихся в ее населении. Те общие условия, которые отразились на белорусской письменности, задержали развитие белорусского литературного языка. Последний раздел Польши повел к распространению русского языка среди служилого класса и отчасти среди интеллигенции. Однако с конца XVIII в. появляются на народном языке белорусов произведения, отмеченные яркими художественными дарованиями. Долгое время они распространялись в рукописях, разучивались и передавались устно. В первую половину XIX в., в период романтических увлечений народностью, многие лица из образованного класса заинтересовались ими и стали печатать их, сначала в отрывках, ставя зачастую произведения индивидуального творчества наряду с произведениями творчества коллективно-народного. На этой почве явились даже проблески своего рода патриотического воодушевления. Писатели-этнографы в 80-х годах прошлого столетия значительно оживили этот интерес и вызвали ряд попыток поднять художественную производительность на степень самостоятельного литературного движения, культивирующего свои национальные темы и свой художественный стиль. Этому движению пришлось вести упорную борьбу за право своего существования, и в особенности признания. Последние десятилетия открывают весьма оживленную и разнообразную деятельность белорусских писателей, поэтов и публицистов, уже приобретших и постоянно приобретающих к своим услугам, несмотря на все затруднения, ряд периодических органов и книгоиздательств. «Разлившаяся по всей Руси, — так

характеризует Е. Ф. Карский этот период, — волна освободительного движения с разными самоопределениями коснулась и Белоруссии, положив основание и ее возрождению. Простой народ был и теперь в стороне. Но к этому времени уже успела образоваться из него некоторая интеллигенция; к последней примешалось немало всяких энтузиастов из старой интеллигенции, часто даже не белорусского происхождения, и началось так называемое белорусское движение. Оно, как увидим после, сильно содействовало развитию белорусского самосознания и вызвало появление довольно талантливых писателей, развивавших в своих произведениях как местные темы, так даже и затрагивавших общечеловеческие вопросы. Немало внимания уделено и на выработку белорусского литературного языка и тонического стиха».

Автор устанавливает следующие грани в развитии белорусской литературы на народном языке: 1) с начала зарождения белорусской литературы на рубеже XVIII и XIX ст.ст. до 1863 г., когда, в связи с подавлением польского восстания, появилось запрещение писать на народном белорусском языке, и 2) с конца 80-х годов до начала XX ст. Двадцать промежуточных лет были годами замирания. Третий, последний, период доходит до нашего времени. Основательный и местами весьма подробный обзор произведений этих периодов дает ясное представление о таившемся национальном гении белорусов, о его живых и ярких художественных элементах. Это прежде всего литература, не порвавшая связи с первообразами народной мысли и чувства. Литература, сказочно выросшая на протяжении 20—30 последних лет и сразу ставшая на свою национальную почву. Литература, уже преодолевшая свой местный, в значительной степени этнографический колорит и выходящая на путь разработки тем общечеловеческого значения. Автор справедливо ставит в связь вопрос о дальнейших судьбах белорусской литературы с вопросами государственной самостоятельности и племенного единства. И его прогноз предрешает не только культурные, но и политические условия дальнейшего национального развития Белоруссии и потому выходит за пределы исторического обзора. Он касается больного вопроса об отношениях Польши к белорусской народности, еще не собравшейся в границах своего политического единства. В предрешениях этого рода Е. Ф. Карский подкрепляет себя авторитетом Герцена: «Народность, как знамя, как боевой крик, только тогда окружается ореолом, когда народ борется за независимость, когда свергает иноземное иго. Оттого-то национальные чувства со всеми их преувеличениями исполнены поэзии…» Пусть это будет так, хотя в современной политической обстановке намечаются пути иного решения темных и болезненных вопросов европейской международной жизни. Но читатель понимает, что в данном случае полонизаторская деятельность польского правительства является еще меньшим злом для литературного развития белорусов, чем та политическая организация, которая ставит под сомнение самый принцип свободы культурного развития современной Белоруссии. Если это сомнение напрашивается само собой при чтении последних глав книги Е. Ф. Карского, то это делается помимо его мысли и воли. Избегая всяких пророческих путей, не будем предрешать вопроса о том, какой язык явится языком белорусской науки. В этом отношении мы побоимся следовать прогнозу и проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене и самого Е. Ф. Карского. Для нас важно, чтобы на поприще славянской науки вступила и белорусская наука. Новые достижения не ограничатся областью мысли и знания, а повлекут за собою углубление и расширение словесной изобретательности. Будем признательны автору за его богатый фактическим материалом труд и за его пристальное внимание к творцам новой белорусской литературы. В этом последнем отношении сведения, собранные им для освещения белорусских писателей, особенно этого последнего времени, отличаются исключительной ценностью. Они составляют основу и главное достоинство книги; не менее убедительны и характеристики, и критические соображения автора.

Книга помечена 1922 годом. Белорусская литература развивается интенсивно, вырастают и писатели, и книги. Мы не сомневаемся, что автор продолжает

свою работу и в том или другом виде готовит дополнение, потребность в котором уже настоятельно ощущается[1].

* * *

— Вазьнясенскі, А. Н. Поэмы Янкі Купалы (сюжэтная пабудова і стыль). Менск, 1927.

— Узьнесянскі, А. Паэтыка М. Багдановіча. Коўна, 1926.

— Замоцін, І. І. М. Багдановіч (крытычна-біографічны нарыс). [Узвышша, 1927, № 2, 3, 5; Творы М. Багдановіча, 1928, т. 2].

Мы присутствуем при начальных моментах разработки белорусской литературы. Литература эта медленно, но неотступно входит в общеславянское сознание, поэтому работы, облегчающие знакомство с нею, представляют особый интерес. Не имея возможности подробно останавливаться на указанных выше работах, отметим лишь несколько присущих им общих черт. Заслуживает внимания, прежде всего, тот факт, что работы эти принадлежат перу ученых, искусивших свои научные методы на изучении русской литературы; особенно показательно в этом плане имя И. И. Замотина.

Предметом внимания исследователей послужило, в данном случае, творчество наиболее выдающихся белорусских писателей, из которых Янка Купала находится в полном расцвете своей творческой деятельности.

Я. Купала и М. Богданович — оба они сумели сочетать органическую ненадуманную и невычитанную народность с высшими достижениями художественной техники. При незнакомстве широкого славянского читателя с белорусским языком, исследования формальной стороны творчества обоих поэтов наглядно убеждают нас в том, что белорусский поэтический язык обнаружил разнообразие оттенков, богатство идеологических отражений и звуковую гибкость.

Исследуя элементы классического и романтического стиля в поэмах Янки Купалы, А. Н. Вознесенский указывает их внутреннюю связь с «байроническими поэмами» русских и польских писателей. Совершенно естественно было ожидать, что родственная связь с Пушкиным и его школой окажется, в данном случае, особенно сильной. Из польских писателей автор называет Мальчевского, Гащинского, Словацкого, Залесского.

Если Янка Купала обязан этим писателям богатством своих стилистических приемов, то мотивы и настроения его поэм принадлежат новейшему времени. По сравнению с другими белорусскими поэтами, празднующими торжество своего возрождения, творчество Купалы еще носит на себе следы угнетения и общей социальной неправды.

Ценной стороной работы А. Н. Вознесенского является наблюдение над стилем Купалы и основанные на них характеристики отдельных художественных приемов.

Эта работа, старательная и вдумчивая, невольно внушает впечатление, что в лице Янки Купалы славянский мир приобрел одного из замечательнейших поэтов, творчество которого заслуживает изучения со стороны не одних лишь белорусских исследователей.

В книге, посвященной Богдановичу, А. Н. Вознесенский рассматривает основные мотивы этого тоже замечательного поэта. Его творчество отличается большим тематическим разнообразием — его характеризуют мотивы социальные и мир лирических ощущений. И в этой работе проф. Вознесенского особенно

---

[1] В том же 1922 г. вышла книга: «Праф. Н. А. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Старадаўны пэрыяд. Пад рэдакцыяй Ул. Дзяржынскага. (Курс прачытаны ў Маскоўскім Унівэрсытэце). Беларускае коопэрацыйна-выдавецкае таварыства “Адраджэньне”. Менск, 1922». Появляются и другие труды историко-литературного характера, но они, большею частью, относятся к позднейшему времени.

ценной стороной является детальный разбор изобразительных средств и художественных приемов М. Богдановича.

Большое значение для изучения Максима Богдановича имеет также работа проф. И. И. Замотина «М. А. Багдановіч (крытычна-біографічны нарыс)», появившаяся в журнале «Узвышша»[1].

В красивом и живом изложении, столь характерном для автора известных его трудов на русском языке, проходит перед читателем обстоятельная картина детства и юности поэта, его образования, литературных влияний и деятельности, которой Богданович сблизил белорусскую поэзию с новейшими течениями европейского символизма.

Богданович рос и учился вдали от Белоруссии, владел несколькими языками; руководимый в своем образовании отцом-педагогом, он читал величайшие произведения мировой литературы. Но в жилах его текла белорусская, крестьянская кровь, и его неудержимо влекло к белорусскому языку и литературе. Сказался, как он сам заметил однажды, «своеобразный атавизм». Поэт овладел белорусской речью, будучи уже взрослым человеком, — тем любопытнее этот процесс творческого возвращения на родину для человека, которому было бы естественнее и проще писать по-русски. Напомним, что творческая деятельность Богдановича оборвалась его безвременной смертью в 1917 г.

Отмечая эти работы, мы хотели бы подчеркнуть еще раз, что изучение белорусской литературы и создание книжно-литературного языка становится на научную почву. Особенное значение имеет для нас то обстоятельство, что в этой, пока еще начальной стадии изучения видное участие принимают русские ученые. Помимо создающейся таким образом духовной связи, это как бы подчеркивает обязанность для русских ученых ближе присмотреться к явлениям широко и ярко развивающейся белорусской литературы.

* * *

Максим Богданович

Трэба з сталі каваць, гартаваць
гібкі верш,
Абрабіць яго трэба з цярпеннем.
Як ударыш па ім, — ён як звон
зазвініць,
Брызнуць іскры з халодных каменняў.

БОГДАНОВИЧ

I

Некрасов когда-то сказал:

Не рыдай так безумно над ним:
Хорошо умереть молодым.

Возрождающаяся Белоруссия этого не скажет. Ей особенно дороги молодые силы, и когда она теряет кого-нибудь во цвете лет и надежд, ей становится особенно горько и обидно. Так рано умер один из ее талантливейших поэтов Максим Богданович — всего в каких-нибудь 25 лет… Злая чахотка унесла его

[1] Журнал объединяет собою группу писателей, выделившихся из Всебелорусского объединения поэтов («Маладняк»). Группу журнала характеризует чисто литературный уклон.

25 мая 1917 года — на заре новой жизни и своей страны, и своего творчества. Сын этнографа, Адама Богдановича, воспитанник Ярославского Демидовского Лицея, он сочетал в себе тонкое поэтическое чутье с широкой начитанностью в русской и иностранной литературах. Судьба готовила ему завидное поприще одного из первых интеллигентов — будителей молодой Белоруссии, который мог подняться на ступень современной европейской мысли и новейших достижений в искусстве.

То, что Богданович оставил своим соотечественникам, невелико по количеству, но качественно и высоко знаменательно. В его книжечке[1] ярко отразилось стремление ввести белорусскую речь в область последних достижений поэтической техники.

Среди белорусских поэтов XX века он достиг высшей виртуозности формы. Последняя легко поддается настроению, послушно следует за всеми его колебаниями и капризами. Настроение Богдановича в большинстве случаев исходит из глубочайшего эстетизма. Поэтическое поприще открылось перед ним в пору высшего расцвета русского символизма, и в своем стремлении петь красоту по преимуществу он долго был влюбленным и преданным учеником наших символистов. Через них просочилось в его душу нежное очарование Верлена и Анри де Ренье, вероятно, в прочем, знакомых ему и в подлинниках. «Les chansons grites», серые песенки Верлена, видимо, произвели сильнейшее впечатление на Богдановича — они сообщили его поэзии воздушную легкость очертаний в картинах природы, наполненных нежным романтизмом грусти и неудовлетворенного стремления. Они отвлекали его мысль от суровой действительности, растворяли ее в зыбкой облачности лазурной мечты. Они подсказали, наконец, нежные и томные созвучия, возбуждающие возвышенную печаль о недостижимом и вечном.

Но мотивы французского раннего символизма не исчерпывают содержания поэзии Богдановича. Прекрасное, беспредметное, исключительно эстетическое — только достигнутая высшая ступень в технической работе Богдановича над белорусским словом. Это слово, старое, как славянская кровь в морщинах современного человечества, старое и мудрое, еще так молодо, так наивно, так доверчиво ко всем соблазнам европейской словесной культуры. Богданович увлек это слово по крутизнам зеленеющих гор и сверкающих водопадов на высоту созерцаний чистых, озаренных нетленным сиянием красоты. Но в душе его жила и другая стихия — красота и грусть, и любовь и страдание родной Белоруссии. Он не пожелал остаться на парнасских высотах прекрасного, но и холодного эстетизма. Белоруссия поманила его к себе тихой задумчивостью своей природы, тихой затаенностью вековой скорби, тихой жалобой материнской ласки над непонятой печалью детей. Песни Богдановича, посвященные белорусским мотивам, не схождение с парнасских высот, не отказ от них, но попытка достичь гармонии, попытка расширить и углубить владевшую поэтом гамму настроений. Не все удавалось, однако, примирить и согласовать в общем тоне. Песни о городе Брюсова не укладывались, не уживались с поэтическими эмблемами белорусского пейзажа, нив и долин. Холодно звучат и мотивы о горе и страданьях человечества. Живее краски, теплее звуки там, где поэт ощущает под своими ногами родную белорусскую почву.

Даўно ўжо целам я хварэю,
І хвор душой, —
І толькі на цябе надзея,
Край родны мой!

[1] М. Багдановіч, Вянок, Вільня, 1913.

У родным краю ёсць крыніца
Жывой вады.
Там толькі я змагу пазбыцца
Сваёй нуды.
Калі ж у ім умру-загіну, —
Не жалюсь я!
Не будзеш цяжкая ты сыну
Свайму, зямля.
Там хоць у гліне, хоць у брудзе,
Там, пад зямлёй,
Найдуць мае слабыя грудзі
Сабе спакой.

Он узнал Белоруссию поздно. Узнал сначала из книг, из сборников песен и сказок. Приехал уже сложившимся поэтом, зачарованным всеми образами, какие творила красота в мотивах общечеловеческой любви и жажды жизни. Но соприкоснувшись с Белоруссией, он ощутил под ногами почву, встретившую ласково его поэтическую музу. Белорусское слово прежде всего ласково, приветливо. Ласкова и в народной белорусской поэзии природа — все эти невысокие горы, не бескрайние долины, неглубокие реки. Но в зелени лесов, но в лугах цветущих, на просторе нив отрадно было затеряться певцу, у которого в душе жажда поэзии и глубокая дума о жизни. И неслучайно, конечно, Богданович, застенчиво прикоснувшийся к символизму в его наиболее ясных очертаниях, окончательно вывел свой стих на путь прозрачной, отчетливой мысли, точного, трезвого слова. Мистические тени и таинственные намеки раннего символизма не шли к духовному складу народного белорусского слова, где все было доверчиво, ясно и просто.

Мысль о судьбе Белоруссии неизбежно возникает в его уме, и в горячем желании расцвета он сливается с общим настроением современной белорусской поэзии. Характерен его сонет, где он сочетает два столь далекие мира:

Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі,
Над хвалямі сінеючага Ніла,
Ўжо колькі тысяч год стаіць магіла:
Ў гаршчку насення жменю там знайшлі.
Хоць зернейкі засохшымі былі,
Усё ж такі жыццёвая іх сіла
Збудзілася і буйна ўскаласіла
Парой вясенняй збожжа на раллі.

Вось сімвал твой, забыты краю родны!
Зварушаны нарэшце дух народны,
Я верую, бясплодна не засне,
А ўперад рынецца, маўляў крыніца,
Каторая магутна, гучна мкне,
Здалеўшы з глебы на прастор прабіцца.

II

Не забудем, что мы говорим о Белоруссии, о языке и литературе, еще только начинающей сознательный период своего европейски-культурного развития…

Поэты появились в ней раньше, чем из чужих указок пришла к ним эстетическая теория. Она, несомненно, создается, но создается на образцах, уже выработанных первыми мастерами родного художественного слова. Не то важно, какие мотивы и ритмы заимствовал Богданович от поэтов предреволюционной эпохи и к какой школе станут относить того или другого поэта. Важнее, что такой поэт,

как Богданович, которого нельзя причислить ни к какой определенной школе, сумел сочетать свое высокоартистическое настроение с образами еще безыскусной, еще полевой и лесной поэзии. Пусть в видимой простоте и кристальной чистоте его стиха сказались следы различных влияний. Пусть в них мелькают подчас рядом З. Гиппиус и Бальмонт, легкие намеки на Фета, Апухтина, даже А. Толстого. Все они ушли в технику, мастерство и средство, а на поверхности, как на спокойной глади реки, отразилась родная дума о жизни. Богданович был именно из числа тех поэтов, для которых свое родное и народное слово и своя страна служили источником тепла и ласки. Навстречу им открывалось его горящее, любящее сердце и направляло слово к тихой задушевности, к чарующей красоте полевых цветов и солнечной лесной дремы. В этой дреме развертывается лесная сказка:

Чуеш гул? — Гэта сумны, маркотны лясун
Пачынае няголасна грацъ:
Пад рукамі яго, навяваючы сум,
Быццам тысячы крэпка нацягнутых струн,
Тонкаствольныя сосны звіняць.

Ці казаць, ад чаго пацямнела рака,
Зашамрэлі мацней каласы
І аб чым шэпча ім галасок вецярка,
Што зіяе-дрыжыць на лісцёх лазняка:
Кроплі слёз ці халоднай расы?

<…> Архаически, много раз запечатленный образ летописца вызывает настроение спокойной, отстоявшейся мысли, бестрепетно проносящейся над человеческими судьбами. Поэт изображает, впрочем, не летописца прошлых времен в типе бессмертного Пимена. Он представляет себя этим летописцем. Ему хотелось бы беспристрастно рассказать о том, чем жила и волновалась его родная страна:

Хай тыя ведаюць, што з’явяцца па нас,
Ўсю праўду пра жыццё у наш і пройшлы час,
Пра войтаў, лаўнікоў, і райцаў, і паспольства,
Пра розных каралёў і бітвы, і пасольства,
Што тут чынілася ў даўнія гады,
Што думалі, чаго жадалі мы тады,
За што змагаліся, як баранілі веру, —
Хай зведаюць усе патомкі праз паперу!

Родственно по духу и стихотворение «Перапісчык». Ровными, красивыми строками покрывается бумага. Буквы одна другой стройнее и четче. Многоцветные заставки с любовью и вдохновением украшают высокие мысли, возрождаемые искусной рукой. И не властны над подвижником «красивого труда» соблазны летнего, солнечного дня, заглядывающего в окно.

Но поэты — лирики, не делаются, обыкновенно, ни летописцами, ни прилежными повторителями чужих мыслей. Они сами живут в соблазнах звуков, цветов и красок и сами служат соблазнами для других, лишенных дара слагать новые песни. Сфера Богдановича — сфера именно песни и, пожалуй, своеобразного аккомпанемента тем словам и мыслям, какие развернула перед ним белорусская народная лирика. Отсюда, быть может, и рождается впечатление, что Богданович во многих пьесах и поет, и аккомпанирует сам себе — так его песни богаты мелодией и ритмическим разнообразием. Слышится подчас два мотива, два согласных тона: один навеян белорусской стихией, другой варьирует, ритмически оттеняет, укладывает в виртуозные формы общечеловеческой гармонии.

Парой ён спыніцца, каб лепей завастрыць
Пяро гусінае, і гляне: светла сонца
Стаўпамі падае праз вузкае аконца,
І круціцца у іх прыгожы, лёгкі пыл;
Як сіняваты дым нявідзімых кадзіл,
Рой хмарачак плыве; шырокімі кругамі
У небе ластаўкі шыбаюць над крыжамі,
Як жар гарашчымі, а тут, каля акна,
Малінаўка пяе, і стукае жаўна.
І зноў ён схіліцца, застаўку зноў выводзіць
Няяркім серабром; нячутна дзень праходзіць;
Ўжо хутка будзе ноч, і першая гвязда
Благаславіць канец прыгожага труда.

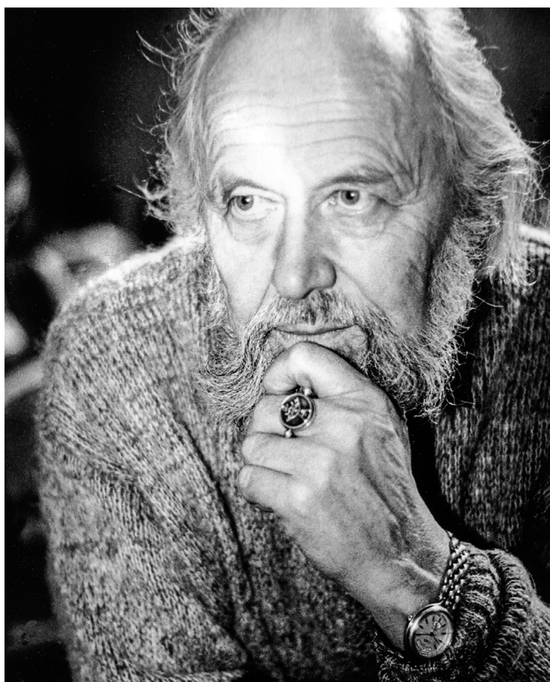
Такова в самых общих чертах поэзия Богдановича. В ней много нераскрытого, много того, чему следовало бы посвятить больше внимания — особенно в тех разветвлениях его творческой мысли, где влияние народной лирики сказалось с наибольшей силой. Но из сказанного, думается нам, достаточно, чтобы прийти к выводу, что поэт такой чуткости, силы и гибкости поэтического настроения представляет собой явление глубоко знаменательное не только для возрождающейся Белоруссии, но и для всего культурного славянского мира.

Первая публикация с рукописи.
Подготовка текстов Миколы Труса.

Олег КУРАШОВ

Ващенко, которого я люблю...

В 2018 году Народному художнику Республики Беларусь Гавриилу Харитоновичу Ващенко исполнилось бы 90 лет. Вот уже практически 17 лет я работаю в картинной галерее, которая носит имя этого выдающегося живописца. И чем больше изучаю его творчество, тем больше преклоняюсь перед его самобытным талантом.

Гавриил Харитонович вспоминал одну историю из своего детства. Было это до войны, когда он был еще ребенком. Мама взяла его с собой в Комарин. Тогда их деревня входила в Комаринский район, и мать художника ходила туда на рынок торговать тем, что вырастила на своем огороде. Вот и в тот день она взяла с собой сына. Торговля шла, и вскоре мать продала все, что принесла. По пути домой она зашла в церковь. В тот день на паперти было много нищих, и женщина раздала практически все, что заработала. Маленький Гавриил удивился и спросил мать, почему она отдала все деньги. Она ответила просто: «Дай Бог, сынок, чтобы в жизни ты давал, а не просил». Этой заповеди художник старался придерживаться всю свою жизнь.

Простой деревенский парень, Гавриил Ващанка (!) (тогда именно ВащАНКА, а не ВащЕНКО), который даже и не собирался становиться художником, ушел из дома в далеком 1945-м. Молодой Гавриил не думал о трудностях, нужно было строить не только всю разрушенную страну, но и свою жизнь. Он подал документы в Гомельский железнодорожный техникум. Почему туда? В принципе, это было ближайшее к родной деревне учебное учреждение, которое работало во время войны. И, как он вспоминал, больше «за компанию» со своими сверстниками, нежели в качестве осознанного шага. Учиться собирался рядом с домом, да и специалисты будут всегда нужны в крупном железнодорожном узле, которым уже тогда был Гомель. Но судьбу не проведешь. Честно говоря, такой поворот судьбы достоин быть сюжетом в мексиканской «мыльной опере». Газета с рекламой Киевского художественного училища, найденная на улице непосредственно перед отправлением домой, перевернула его спланированную жизнь. Ни тогда, ни

после он до конца не осознал, какие силы заставили его, будучи уже практически зачисленным в техникум, забрать документы и отправиться в Киев. На такие вопросы отвечал: «Не спрашивайте, ответить не могу. Это был порыв». Вся его подготовка — это самодеятельные наброски, игральные карты для односельчан, несколько копий военных карт для партизанского отряда (такое тоже было). Но, как говорится, «шила в мешке не утаишь». Так и талант юноши был замечен. Тут, правда, нужно отдать должное директору Киевского художественного училища, отставному военному, перенесшему тяжелое ранение. Молодой Гавриил Ващенко опоздал на экзамены. Так получилось. Узнав, что приехал поздно — решил до конца использовать даже тень шанса, — пошел за советом к тому, кто руководил училищем. Время было тяжелое. Все это понимали и старались помочь друг другу. Бойкость и настойчивость юноши понравились директору — он позвал преподавателей и попросил их посмотреть, на что годен этот паренек. И они рассмотрели! Не почувствуй тогда преподаватель его таланта — ничего бы не получилось.

Мало сказать, что учиться было трудно. В первые дни обучения студентов без жилья разместили в актовом зале. Все бы ничего, но холода наступили рано, и в помещении с выбитыми стеклами было настолько холодно, что один из студентов замерз насмерть…

Через 50 лет Гавриил Ващенко напишет работу «Апошні прамень» (1995). Он вспоминал, что в его серой послевоенной деревне новые ворота в лучах заходящего солнца смотрелись настоящим порталом в неизвестность. Он придет к образу «Врат», которые послужили неким индикатором серьезных изменений в жизни, красным рубежом между жизнью в родных Чикаловичах и непонятным большим миром. Этот образ, будучи тесно связанным с образом дороги, жизненного пути, еще долго будет волновать Гавриила Харитоновича и позволит создать ряд живописных произведений. Кроме этого, рассказывая о своей жизни белорусскому писателю Виктору Карамазову, Гавриил Харитонович так живо описал этот образ, что «Брама» стала названием и лейтмотивом этой биографической повести.

Именно в период обучения в Киеве фамилия будущего художника приобрела привычное для нас звучание — Ващенко. Во время смены паспорта в документ закралось несколько ошибок, в частности, и украинский оттенок в звучании фамилии. Художник несколько раз переделывал документ, но некоторые неточности все-таки остались.

В Киеве учили хорошо. Даже несмотря на декоративно-прикладную ориентацию училища в те годы, живописная подготовка была на уровне. Несколько работ 1950 года, которые есть в фонде галереи, показывают хорошую подготовку художника, который уже тогда мог бы зарабатывать себе на жизнь этим ремеслом.

Гавриил Харитонович вспоминал, как в юности сдавал экзамен по композиции (если не ошибаюсь, это было одним из вступительных испытаний). Студентам раздали по листу зеленой и красной бумаги. Задание казалось простейшим — поместить на зеленый прямоугольник красный круг, но оно сразу показывало, как абитуриенты чувствуют композицию.

После Киевского художественного училища был год работы на Киевской киностудии под началом Александра Довженко. Именно Довженко подсказал молодому Ващенко идею сделать персональную выставку, в которой зритель думал бы, что представлены работы разных авторов. Он реализовал этот замысел только в конце своей жизни. (Эту историю Гавриил Харитонович рассказал мне во время проведения выставки «Тайна ночы».) А еще Александр Довженко посоветовал продолжить обучение в сфере изобразительного искусства. Правда, материальной возможности осуществить это у молодого специалиста тогда не было. Но тут помог старший брат — он дал деньги на поездку во Львов для

поступления в Львовский институт декоративно-прикладного искусства на факультет монументальной живописи и поддерживал молодого Гавриила, пока тот не встал на ноги. Об этом Гавриил Харитонович помнил всю жизнь. Вообще, он считал, что на его жизнь сильно повлияли три человека: мать, которая родила и воспитала, брат, который помог получить образование, и, конечно, любимая женщина — Матильда Адамовна Ващенко. Они повстречались во Львове в оперном театре. Прожили вместе больше полувека. Причем все, кто знал эту семью, подтвердят, что практически везде они были вдвоем.

На первом курсе института.

В общем, жизнь во время учебы кипела. Он женился. У него родился первый сын. Его преподавателями были удивительные художники с европейским художественным образованием. Дух творчества витал повсюду. Уже на 3-м курсе института Гавриил Ващенко участвовал в создании росписи в здании Верховного Совета Украины.

После института Гавриил Ващенко получил распределение в Кишиневское художественное училище. Там он получил огромные возможности. Молодой и талантливый художник, с хорошим образованием, он преподавал, много и плодотворно работал как в живописи, так и в монументальном искусстве. В качестве примера можно вспомнить роспись фриза для ВДНХ Молдавской ССР, выполненную в соавторстве с Ильей Богдеско и Владиславом Обухом. Гавриил Харитонович упоминал и о монументальных работах, сделанных в этот период в Москве.

Во второй половине 1950-х было создано много портретов, пейзажей и натюрмортов, характерных для художников того времени. Период недолгий, но очень важный. В нашу галерею сейчас периодически обращаются коллеги из Молдавии, исследующие творчество своих земляков, в чей круг входил тогда и молодой Гавриил Ващенко.

Гавриил Харитонович впоследствии вспоминал, что возможностей для него в Молдавии было больше, чем в Белоруссии, и при желании и надлежащем упорстве карьеру он мог бы сделать значительно быстрее. Но опять вмешался случай. Владимир Стельмашонок, с которым Ващенко повстречался в Москве, рассказал о конкурсе на должность заведующего новой кафедрой в Белорусском театрально-художественном институте в Минске. Семья Ващенко решила вернуться в Беларусь. Причем тогда это предприятие казалось очень сомнительным. В Кишиневе была хорошая квартира, налаженный быт. И тут Матильда Адамовна поддержала мужа. Для него это тоже был своего рода сюрприз. Но эта женщина верила в своего мужа и поддерживала все его начинания.

Со студентами во Дворце искусств.1985 год.

В Белорусском театральном институте уже с 1953 г. открылся художественный факультет, и учреждение было переименовано в Белорусский государственный театрально-художественный институт. Сейчас мы знаем его как Белорусскую государственную академию искусств. Судьба художника в тот период складывалась довольно удачно — в начале 60-х в Беларуси была нехватка специалистов такой квалификации, и он был принят на работу. Ректор института Павел Масленников помог в решении квартирного вопроса. И вот с 1 октября 1961 года Гавриил Харитонович Ващенко зачислен старшим преподавателем и исполняющим обязанности заведующего кафедрой декоративно-прикладного искусства. Через год приставку «исполняющий обязанности» убрали. И 38 лет он проработал в одном институте.

Искусствовед Людмила Захаренко, которая тоже преподавала в БГТХИ, рассказывала, что Гавриил Харитонович не просто работал, а по-настоящему радел за свое дело. Учебные планы для монументалистов того времени включали упрощенный курс композиции. По воспоминаниям Л. М. Захаренко, Гавриил Харитонович на каждом ученом совете поднимал вопрос об увеличении часов на эту дисциплину для студентов своей кафедры и, наконец, добился.

Работа в театрально-художественном институте давала свои плоды. Практически сразу по приходу в Белорусский театрально-художественный институт Гавриил Ващенко начал работу по созданию своего детища — кафедры монументально-декоративного искусства. Тогда еще она не имела статуса кафедры и до 1975 года существовала как структурная единица то при кафедре декоративно-прикладного искусства, то при кафедре живописи. И только с ноября 1975 года — как официальная самостоятельная единица. 10 выпускников 1967 года — первые среди более чем 200 белорусских художников, которые называют Гавриила Ващенко своим учителем. Гавриил Харитонович возглавлял эту кафедру до 1995 года, причем практически каждый из студентов вырос в самобытного художника. Ващенко не подавлял их своим авторитетом, а позволял им раскрыться самим.

*Именно Гавриил Ващенко пригласил в Минск Александра Кищенко, с которым ранее учился в одном ВУЗе на факультете монументальной живописи. Александр Кищенко в 1991 году был удостоен звания Народный художник БССР. «Гобелен столетия», который был создан этим художником, вошел в Книгу рекордов Гиннесса как самый большой в мире — 14*х*19 м.*

Но не стоит думать, что молодого художника приняли с распростертыми объятиями. Творческая среда неохотно приняла «чужака». Один из руководителей Союза художников (не будем вспоминать имя этого известного художника) сказал ему прямым текстом: «…возвращайся на Украину… нам свои рты кормить нечем»… Показательным является случай с натюрмортом «Цикламены» (1966), который Ващенко сначала выставил на Республиканской молодежной выставке в Минске, где она получила не самые лестные отзывы, а потом отправил в Москву. Сам подход к написанию этой работы противоречил традициям белорусского искусства того времени. Сразу же на Ващенко был повешен ярлык — формалист. В Москве эта работа получила медаль ВДНХ. Партбюро Союза художников не сочло Ващенко достойным этой награды. Да и в партии он не состоял. Но награждала Москва, и художник заслуженную награду получил.

Честно говоря, выставляя и изучая работы Гавриила Харитоновича разных лет, невольно разделяешь их на некоторые периоды. Художник развивается, и подход к его работам со временем меняется. Творчество Г. Х. Ващенко 60-х у меня твердо ассоциировалось со сдержанным колоритом и «узким цветовым коридором», иногда встречались работы с использованием темных контуров. В общем — время диктовало свои условия. И вот на одной из выставок уже после смерти художника я увидел очередной портрет Матильды Адамовны «Ласкавае сонейка» (1967). И вся возведенная мной теория разрушилась — светлый и открытый портрет, написан легко, лучики солнца играют в листьях деревьев и «зажигают» полы летней шляпы.

Ващенко даже в живописи всегда был склонен к монументальности. И дело даже не в огромных форматах, которые он выбирал. Дело в подходе. В обобщении. В образе мышления. Даже свои акварели Гавриил Харитонович создавал как монументальные живописные работы, зачастую лишая их легкости и прозрачности в пользу выразительности и собирательности образа.

Г. Х. Ващенко не зря называют создателем «янтарной» картины. Многие его работы с 60-х по 80-е отличаются золотисто-землистыми оттенками (художник искал свое Я в живописи). На вопрос «Почему?» он отвечал лаконично: «Я родился в крестьянской семье, вырос на земле, она мне близка, вот и проступает в моих работах». Но даже в своей сдержанной палитре, используя буквально несколько оттенков одного цвета, этот художник создает живопись. Он реалистически убедителен даже с высокой степенью обобщения. Возьмите его облака — они всегда величественны, даже монументальны, но так близки и понятны каждому из нас. Я зачастую предлагаю зрителям взглянуть на работы, висящие на противоположной стене, издалека. Очень часто даже стилизованный образ на расстоянии выглядит достоверным просто за счет игры цветового нюанса.

Г. Х. Ващенко говорил: «Искусство поделено на две категории: созидательное и разрушительное. Первое — от Бога, а второе — от дьявола. Искусство, как и мир, многогранно. Хоть я и исповедую веру в реализм, с уважением отношусь к другому видению, если оно от души и созидательное».

В этот период Гавриил Харитонович все больше и больше уходит от работы с натуры. Его произведения — это образы, созданные после длительного осмысления темы, обобщенные, динамичные. Его волнуют различные темы — история («Грунвальдская бітва», 1985; родное Полесье («Маё Палессе», 1971; «Гучанне цішыні», 1982), война («Балада аб мужнасці», 1974; «Прарыў», 1982). Но даже в условиях социалистической идеологии того времени его тематические работы лишены пафосности и конъюнктурности.

То, что мне всегда импонировало в талантливых людях, — это самокритика и высокие требования к себе. Как рассказывал мне Константин Ващенко, сын Гавриила Харитоновича, его отец говорил: «Хороший художник отличается от посредственного тем, что он иногда (!) делает хорошие работы».

В 1988 году Гавриилу Ващенко было присвоено звание Народный художник БССР. В нашей стране это высшая оценка творчества художника.

Честно говоря, не так часто встречаешь живопись, которая способна тебя действительно «пронять», но вот две работы «Маці» (1983) и «Памяць» (1983), с моей точки зрения, выделяются из общего ряда. «Маці» — собирательный образ, родившийся из маленького этюда. Женский взгляд, в котором собрана вся гамма чувств. Когда эта картина была у нас на выставке, мимо не проходил ни один из посетителей. Даже с первоклассниками мы играли в игру — вспоминали, с какими чувствами относятся к нам наши матери, и искали их в этом портрете. Работа «Память» тоже достойна особого внимания. Это образ бабушки Сынклеты с намиткой на голове и миской, полной яиц, в руках, сидящей на крыльце старого дома и как будто ожидающей своих детей. Тут вам и образность, и символизм, и национальная идентификация. При этом все выполнено одновременно и стилизованно, и реалистично — условные доски, из которых сбита дверь, хочется потрогать, хотя сделаны они широкими движениями крупного мастихина.

Посетители его выставок зачастую спрашивают: «В каком стиле работал этот автор?» Становление Гавриила Ващенко как художника происходило в СССР, и он никогда не отказывался от критериев реалистической школы. При этом «школа» никогда не мешала ему экспериментировать с тем же пространством, пренебрегать насыщенностью цвета и деталями в пользу обобщения и выразительности образа.

Из воспоминаний студентов БГТХИ: профессор Ващенко приходит на просмотр. Становится возле твоей работы и спрашивает, что ты хотел этим сказать. Ты объясняешь, рассказываешь, подводишь целый теоретический базис. Он внимательно слушает, а потом говорит: «За устное — пять. А живопись нужно переделать».

В это время Ващенко создает ряд знаковых живописных произведений, несколько монументальных работ в Минске и Светлогорске, серию витражей для Дома кино, известного всем как костел Святого Симеона и Святой Елены, или Красный костел. Он никогда не вел точного учета своих работ, но оценивал их количество в пределах двух тысяч за всю жизнь.

И если живописные полотна «дрейфуют» по выставкам, «всплывают» то тут, то там, то монументальные произведения привязаны не только к месту, но и ко времени. Некоторых уже и нет. Иногда видишь, как советские мозаики, рельефы, сграффито сменяются современным «стеклом и металлом», и думаешь, что монументальному искусству очень сложно самостоятельно сопротивляться прогрессу. Так, например, уже не увидишь панно «Палёт» на фасаде Дома культуры «Лошицкий» (ДК текстильщиков), который Гавриил Ващенко и Владимир Стельмашонок делали в 1963 году. Или те же витражи для Дома кино (Красный костел). Ведь для этого здания Ващенко делал более сотни витражей и свое предложение интерьерного решения. Часть витражей демонтировали, а часть оставили. Редкий случай. Тут художнику просто удалось попасть в саму суть витража — идею «игры луча света». Так что те витражные композиции, которые не нарушали «новой» концепции, сочли уместными и в костеле. Про эту работу существует даже история, уже перешедшая в разряд городских легенд. Здание Дома кино буквально через несколько лет после реконструкции хотели снести, а на его месте выстроить новый кинотеатр. Заседание по этому поводу проходило там же. И вот на заседании появляется Петр Миронович Машеров. Как вспоминали очевидцы, день был ветреный, облака то закрывали солнце, то открывали.

В общем — витражи «играли». Петр Миронович послушал, посмотрел, а потом выступил с пламенной речью — зачем такую красоту ломать? Его влияния хватило, чтобы остановить этот проект. И если интерьер Дома кино помнят только люди постарше, да и то вхожие в свое время в это здание, то роспись «Асветнікі» (1970) для Дома учителя в Минске осталась до сих пор в целости и сохранности. Сейчас в этом здании находится лицей БГУ. В центре росписи — огромное солнце, как око, взирает на нас. Внутри солнца — мать Беларусь со своим сыном, как Богородица с младенцем. Вокруг них — белорусские просветители. Слева — темные страницы истории, война, справа — светлое будущее. Именно аналогия с библейскими мотивами в свое время чуть не помешала Гавриилу Харитоновичу реализовать эту роспись. Одна высокопоставленная особа, чья подпись нужна была для окончательной приемки, сказала, что проект хороший, но подпись будет только после всех остальных членов комиссии.

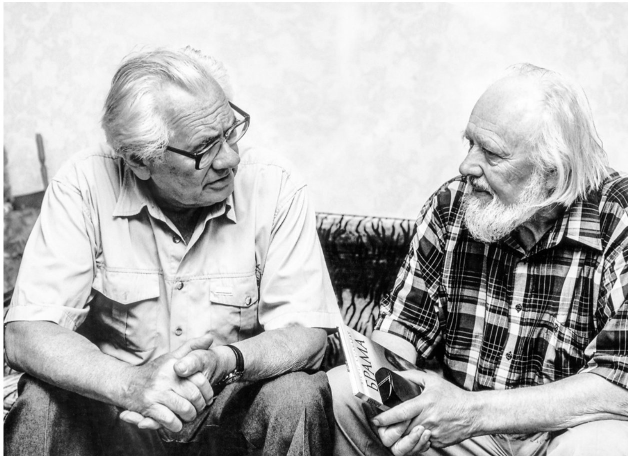
С супругой Матильдой Адамовной. 2005 год.

Есть надежда, что сохранится самая масштабная работа Гавриила Ващенко «Зямля Светлагорская» в городском центре культуры г. Светлогорска (раньше — Дом культуры химиков). Как сказала об этой росписи Ирина Метлицкая — это «аллегория времени в историческом ракурсе». Роспись в фойе периметром в 40 метров. Здание, в котором находится роспись, является памятником архитектуры, и это дает надежду, что и наши дети смогут это увидеть.

Рассказывая о работах Гавриила Ващенко, периодически сам для себя открываешь какие-то авторские «намеки». Что-то считываешь сразу, а что-то раскрывается перед тобой после нескольких просмотров. Неподготовленный зритель, прогуливаясь по экспозиции Г. Х. Ващенко советского периода, зачастую не делает даже попыток вникнуть в суть работ, мотивируя это использованием «темного» колорита. Таких посетителей я стараюсь «зацепить» невзначай брошенной фразой, привлекающей внимание к определенному, не замеченному сразу образу. Иногда, когда я сразу вижу предвзятое отношение, предлагаю рассказать об одной работе, которую зритель может выбрать сам. Так как практически каждая работа имеет свою историю, в большинстве случаев это перерастает в полноценную экскурсию по творчеству Ващенко.

Как-то раз мы разговорились об особенностях оформления картин. У Гавриила Ващенко не было «случайных» рам. Цвет каждой рамы был подобран именно для определенной работы. «Когда работы оформлены в одинаковые рамы — это все равно что солдаты, стоящие на плацу. Все одинаковые», — говорил он.

Несмотря на загруженность в институте, Ващенко постоянно интенсивно работал как художник, и конечно, в этом огромная заслуга его супруги Матильды Адамовны. Сильная женщина рядом — это огромная удача. Она взяла на себя все домашние дела, пожертвовала многими радостями семейной жизни — совместными походами в театр, в кино. Матильда Адамовна стала настоящей Музой для художника, верным и любимым до последней минуты человеком. Очень не люблю

С писателем Виктором Карамазовым. 2008 год.

использование пафосных клише, но в данном случае это совершенно оправданно. Гавриил Ващенко постоянно писал своего «Мотылька». Писал с теплотой и любовью и при каждом возможном случае брал ее с собой. Кстати, фонд Картинной галереи Г. Х. Ващенко в Гомеле имеет в своей основе не только дар Гавриила Харитоновича, но и равнозначную коллекцию творчества современников художника, переданную в дар Матильдой Адамовной Ващенко. Причем очень интересна история создания этой коллекции. Большинство работ было подобрано авторами специально для нее и даже имеют соответствующие дарственные подписи. На свой юбилей она попросила гостей, большинство из которых были художники, не дарить ей традиционные подарки, а презентовать по своей работе. Именно благодаря ей в Гомельской галерее появились работы Леонида Щемелева, Зои Литвиновой, Анатолия Барановского, Александра Кищенко, Алексея Марочкина, Алеся Ксендзова, Валерия Слаука, Виктора Вишневского, Владимира Слободчикова и других.

Во время работы над постоянной экспозицией своих работ Гавриил Харитонович продумал место каждой работе заранее. Не обошлось, правда, без курьезов. Работа «Роднае слова» была настолько большой, что не помещалась ни на одну стену. Тогда профессор взял пилу и выгнал всех из зала. Через полчаса работа заняла свое место, и никто не догадывается, что небо над головой изображенного Франциска Скорины было еще выше.

Создавая станковые композиции, Гавриил Ващенко не отказывается от классических жанров — пейзажа, портрета, натюрморта, но вносит в них свое монументальное видение. При этом монументальность образов нисколько не мешает понятности работы. Он оживляет свои пейзажи птицами и людьми, широко использует символизм в натюрмортах, глубоко продумывает портреты и, опять же, наполняет их скрытыми и явными символами. И растет как художник, работает и развивается. Как ни банально это звучит по отношению к Народному художнику, но это так. Даже разменяв девятый десяток, Ващенко не позволил себе остановиться в творческом поиске. Правило «работать в мастерской каждый день» позволило ему не остановиться на достигнутом и продолжать развивать свои идеи до последнего дня. Даже приехав в мастерскую за выставкой, посвященной его 85-летию, я застал Гавриила Харитоновича за работой над витражами(!).

Однажды на достаточно банальный вопрос «зеленого» музейщика «Какая работа у вас любимая?» Гавриил Харитонович сперва отшутился: «А ты спроси у матери, кто из детей у нее любимый». А потом серьезно ответил: «Нет любимых, есть наиболее «эмоционально выстраданные» работы — это те, которые связаны с моей малой Родиной, с моим домом, с матерью». (В качестве примера можно привести работу «Вяртанне» (2000).

Чернобыльская трагедия внесла свой «вклад» в перераспределение творческих приоритетов. Гавриила Ващенко эта беда коснулась как никого другого — его родной дом в деревне Чикаловичи (тогда уже Брагинского района)

попал в зону отчуждения. Целая серия работ на эту тему — это не дань времени, а реальная душевная боль («Маці-пакутніца» (1993—1994), «Бяда» (1989), «Чорная быль» (2002), «Чарнобыльскія яблыні» (1991) и др.). Ващенко ездил в «зону» и видел свой дом, свою деревню. Участвовал в съемках видеофильма прямо там, на месте. Но, как он вспоминал, даже пройти, куда хочешь, было нельзя, только по отмеченным дорожкам.

Среди собирательных образов чернобыльской серии есть практически биографические работы, я их называю «картина с историей». Например, работа «Чарнобыльскія яблыні» (1991). Розовый фон, два дерева со светлыми точками яблок, подпорки, которые держат ветви. Честно говоря, если взглянуть мельком, то можно и не угадать, что это деревья. Все исполнено свободно и легко. Но стоит только акцентировать зрителя на этой работе, дать отправную точку для рассуждения, и люди начинают ассоциативно считывать эти образы. Деревья изображены, словно грибы ядерных взрывов, а неестественно «светящиеся» яблоки и «надрывный», полный беспокойства розовый цвет еще больше усиливают этот образ. Есть те, кто видит в этих деревьях пауков, опутавших своей паутиной землю. Но на самом деле это воспоминание реалий прошлого. Гавриил Харитонович когда-то посадил две яблони. Как он вспоминал, это были дички, на которые впоследствии привили понравившиеся сорта. Потом, уже после трагедии, посещая родную деревню в составе творческой группы, Гавриил Харитонович увидел эти деревья, увешанные яблоками. Ветви просто ломались от плодов. Яблоки, чистые, без червоточинки, падали и пропадали, но попробовать их было уже невозможно…

Как и любой житель СССР, Ващенко был вовлечен в глобальные геополитические события 90-х. Падение Союза дало еще большую свободу для самовыражения. Художник добавил в свой актив такие темы, как религия, национальная история, мифология. Выставки, посвященные 70- и 75-летию художника, показали нам совсем другого Гавриила Ващенко. Работы, написанные в 90-е, — это разнообразие тем, романтика, дух легенд и полет воображения. Сделав акцент на фигуративную композицию, Гавриил Ващенко показал себя как многогранный мыслитель. Он создавал полные драматизма полотна, посвященные Чернобыльской трагедии («Чарнобыльскі рэквіем», 1998; «Час такі», 1989; «Зорка Палын», 1996), переживания о судьбе общества («Катарсіс», 1999; «Тэатр абсурду», 1997; «Опус 37», 1993), философские размышления о тайнах бытия (серия «Крылы», 1994), о национальной сущности («Леў Сапега ў Гальшанах», 2002; «Каралева Бона», 1997; «Шляхецкая годнасць», 1998; «Нашчадкам», 1990—1995; «Канстанцін Астрожскі», 1998; «Барбара Радзівіл», 1996; «Чорны князь Чарадзей», 2006), размышления о Боге («Маленне аб чашы», 1999; «Тайна Гефсіманскага сада», 2009; «Дыялогі», 1995; «Чаша», 2006; «Анёл», 2005 и др.). Но в то же время проявлял себя как нежный лирик и тонкий колорист, разрабатывая тему народного фольклора: «Вясна. Лада» (1995—2013), «Лёль и Лель» (1994), «Беражніца» (2001), «Легенда Нясвіжа» (2001), выводя на новый колористический уровень свой пейзаж: «Планета Камелія» (2001), «Знічка» (1999), «Накцюрн» (2001).

На одной из выставок я первый раз увидел серию «Крылы» (1994). Пять полотен, каждое из которых раскрывает образ человека с крыльями. Разумеется, первая ассоциация у меня была с ангелами. Именно ее я сразу и озвучил автору. Тот ответил: «Нет. Это не ангелы. Это те крылья, которые несут человека по жизни. Один взмывает к вершине, а второго они уже не способны держать».

Конец 90-х — начало 2000-х стали не только продуктивным периодом для творчества Гавриила Харитоновича, но и временем достойной оценки его творчества современниками. Британские и американские биографические центры неоднократно признавали его «Человеком года» (1992, 1994), а в 1993 году Кембриджский биографический институт назвал Гавриила Харитоновича Ващенко

«Человеком XX столетия». В 1999 году Ващенко был избран членом консультативного совета Американского биографического института. В 2002 году в Гомеле появилась Картинная галерея, получившая его имя и демонстрирующая его работы. В 2008-м вышла монография Натальи Шарангович «Гаўрыіл Вашчанка. Народжаны Палессем».

У Гавриила Ващенко часто спрашивали, в каких конкурсах он принимал участие, чтобы стать человеком года и человеком столетия. Он отвечал: «Ни в чем я не участвовал. Пришел как-то раз домой и в почтовом ящике обнаружил поздравительное письмо от биографического центра».

В 2013 году Гавриилу Харитоновичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Гомеля». И даже при том, что художник никогда не жил в Гомеле, он сделал для города достаточно много. Можно, конечно, сказать, что большая часть творчества этого художника посвящена Полесью, региону, в который входит Гомельская область. Но на самом деле Народный художник Республики Беларусь очень активно включился в процесс культурной жизни Гомеля. При жизни он помогал организовывать выставки высокого уровня. Кто мог отказать мастеру в предложении выставиться в его именной галерее? Кроме того, практически ежегодно он показывал собственные проекты: либо персональные выставки, либо сборные.

Одним из ярких сборных выставочных проектов стал «Мастер и мастера». В 2004 году Гавриил Ващенко пригласил к участию в совместной выставке своих бывших учеников, которые сами уже достигли высочайшего мастерства. Выставка получилась разнообразной и нескучной. После этого проекта многие ее участники оставили свои работы в дар галерее. Среди участников были такие художники, как Зоя Литвинова, Виктор Тихонов, Сергей Римашевский, Григорий Нестеров, Леонид Хоботов, Виктор Немцов, Сергей Тимохов, Елена Шлегель, Владимир Гончарук, Сергей Криштопович, Руслан Вашкевич, Сергей Гриневич, Юрий Нестерук.

Постоянно занимаясь масляной живописью, Гавриил Ващенко всегда активно работал и в других техниках: акварели, пастели, энкаустике. Используя широкий спектр технологий, он все равно был разнообразен, но в то же время всегда оставался собой. В пастельных работах он «играл» с фактурами, в акварелях использовал практически весь спектр возможных приемов, и даже в привычной для себя масляной живописи постоянно экспериментировал с живописной основой и текстурой мазка.

В фонде Картинной галереи Г. Х. Ващенко находится 10 акварелей художника разных лет. На примере этих работ можно рассказать о большинстве приемов в акварели: живопись а-ля прима, соль, смыв, набрызг, парафин, лессировка и т.д.

В 2014 году художника не стало.

Жизненный и творческий путь Гавриила Харитоновича Ващенко — пример для подражания. Этот человек не просто сделал себя сам, он помог многим художникам обрести себя, оставил богатое творческое наследие и не забыл про земляков.

Его уважали, им гордятся и, надеюсь, будут помнить.

Ирина БОДУНОВА

И бал блестит во всей красе

Бал — событие, происходящее и одновременно создающее пространство культуры, принципиально отличающееся от пространства философского, психологического и тем более от пространства физического. Он онтологически и феноменологически принадлежит и формирует время культуры и может быть аутентично понят как особый его компонент.

Бал — церемониальное представление, наполненное символами, смыслами и эмоциями.

Ю. М. Лотман

БАЛ. Праздничный церемониал. Приветствия, смех, комплименты, хорошее настроение. Сверкание дорогих украшений, блеск красивых нарядов. Сплошной радостный гул. Праздник для всех, великолепие, восторг и красота!

Сегодня, как и раньше, бал с нетерпением ждут, к нему готовятся, о нем рассказывают с восхищением. Царящая на балу атмосфера праздника музыки и танца действует на участников бала волшебно: все красивы, грациозны, благородны, внимательны и учтивы. Галантные кавалеры, прекрасные дамы, улыбки и нежные взгляды, поклоны и поцелуи руки — как давно это было и как же этого всего хочется.

Слово «бал» означает — большой танцевальный вечер (нем. Ball, ит. ballo, франц. bal, от древн.-фран. baller, balloter — танцевать). Начало балов восходит к празднествам при французском и бургундском дворах. Первый бал, о котором имеются сведения в истории, был дан 17 июля 1385 года в Амьене, по случаю бракосочетания Карла VI с Изабеллой Баварской. С тех пор бал как специфический культурно-исторический феномен, проникнув в нашу жизнь, гармонично захватывает эстетическое пространство мировой культуры. Эстетика танцевального вечера, отличная от монотонности обыденной жизни, радостно воспринималась обществом в самые разные исторические эпохи.

Самый известный нам Венский оперный бал имеет богатую историю. Являясь апогеем венской общественной жизни, он проходит уже более 120 лет, собирая около пяти тысяч человек.

Кстати, все балы, проходящие в Вене, входят в перечень нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Входной билет в прошлом году на Венский бал стоил 390 евро, а цена на отдельную ложу у сцены доходила до 20 000 евро. Однако накануне бала генеральную репетицию всего танцевального действия можно было посмотреть за 15—45 евро.

Из истории белорусской бальной культуры. Появление европейского бального танца на белорусских землях связано с жизнедеятельностью и правлением польско-литовской династии Ягеллонов. Именно в этот период (конец XIV — начало XVI вв.) отмечается приобщение Литвы и земель «литовской Руси»

(русских, белорусских и литовских) к рыцарской культуре. В то время ритуализованные праздники в Великом Княжестве Литовском являлись традиционными. Так, при коронации в 1422 г. Софьи Гольшанской (жены Ягайлы) «участники проводили понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу на турнирах, а ночи на балах»[1].

В XV в. празднества при дворе Ягайлы фиксировались на страницах европейской хроники достаточно регулярно: «…король Владислав, в соответствии с высокочтимостью своей и своего королевства, приказал организовать при дворе рыцарские игрища, веселые игры и танцы»[2].

Усвоение культурных европейских норм происходило в результате многочисленных межкультурных контактов с Европой великокняжеских дворов ВКЛ. Перманентная рецепция социологических и культурных норм и правил уравнивала образ жизни и уровень культуры ВКЛ с жизнью великосветского общества европейских государств. «Важной составляющей королевских балов была светская музыка, которая расширяла танцевальный репертуар, что способствовало развитию бального танца»[3]. Кстати, одним из самых влиятельных поклонников бальных увеселений был сын Жигимонта I Старого, Жигимонт II Август (1520—1572), последний монарх из династии Ягеллонов. Его пышные, великолепные балы отличались возвышенной эротически-чувственной атмосферой, что благосклонно влияло на развитие куртуазной танцевальной культуры. Возможно, увлеченность европейской бальной культурой возникла у Жигимонта Августа от матери-итальянки, королевы Боны Сфорца, которая была меценаткой, большой любительницей музыки и, конечно, танцев. Под ее влиянием итальянская мода пришла в замки и дворцы магнатов — князья Радзивиллы, Сапеги, Слуцкие, Острожские, Тышкевичи, Хадкевичи и другие организовывали у себя концерты, балеты и многочисленные балы. Можно сказать, что бал представлял собой неотъемлемую часть отечественной культурно-исторической реальности того времени.

Вероятно, те ослепительные грандиозные бальные празднества стали первоисточником концепции «Большого новогоднего бала» для белорусского режиссера-постановщика Галины Галковской. В 2010 г. творческое воображение худож-

---

[1] Żygulski, Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu / Z. Żygulski. — Warszawa : Państ. Wydaw. Nauk, 1982. — S. 81.

[2] Chodyński, A. R. Zbroje kolcze z gdańskiego dworu Artusa: z tradycji turniejowych w Polsce / A. R. Chodyński. — Malbork : Wydaw. Muzeum Zamkowe w Malborku, 1994. — S. 36.

[3] Сасноўскі, З. А. Музычная культура рыцарскага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага / З. А. Сасноўскі. — Мінск: Кнігазбор, 2010. — 135 с.

ника было реализовано, и минчане получили в подарок теперь уже ежегодный необыкновенный Рождественский бал, наполненный атмосферой грандиозного восхитительного торжества и романтики.

В волшебные рождественские дни, а вернее будет сказать, в ночь Старого Нового года, минчане возвращаются в XIX век — время расцвета бальной культуры с ее головокружительными вальсами, торжественными полонезами, нарядами и этикетом. Это действительно — путешествие во времени; галантный бальный этикет, кружение в вихре венского вальса, тематические салоны и каждый год неизменно новая программа (традиционный русский бал, княжеский, древнегреческий, Венский, Пушкинский).

С каждым годом желающих участвовать в Рождественском бале все больше. Билеты на новогодний бал начинают покупать уже летом, а с ноября все желающие проходят бесплатное обучение бальным танцам. Участие в таком грандиозном проекте требует серьезной и довольно длительной подготовки, особенно это касается умения хорошо танцевать. Ведь бал предполагает безупречное знание и владение основными движениями самых популярных европейских бальных танцев — вальса, польки, кадрили, мазурки, контрданса и чрезвычайно сложного и изысканного менуэта. Многие знают, что даже Наполеон Бонапарт перед женитьбой на австрийской принцессе учился танцевать венский вальс. Репетиции в таком значимом месте, как Большой театр, прививают у многих любовь к бальным танцам на всю жизнь.

Кстати, определенный перечень бальных танцев включает обязательно танец-шествие польского происхождения — полонез. Полонез один из немногих танцев, который победоносно прошествовал из одного столетия в другое, не потеряв при этом своего достоинства и великолепия. В полонезе нет сложных движений и поз, в его основе — ритмический изящный, легкий шаг, дополняемый мужскими поклонами и дамскими реверансами. Но вместе с тем ни один танец не требует такой строгой осанки, горделивости и собранности, как полонез. Ф. Лист писал: «…полонез вовсе не был банальным и бессмысленным променадом; он был дефилированием, во время которого все общество, так сказать, приосанивалось, наслаждалось своим лицезрением, видя себя таким прекрасным, таким знатным, таким пышным, таким учтивым. Полонез был постоянной выставкой блеска, славы, значения»[1].

Наверно, будет интересно узнать, что на знаменитом Венском бале в первом полонезе молодых пар участвуют 360 юношей и девушек, кстати сказать, девушки должны быть от 16 до 23 лет и не замужем. Почетная честь открывать Венский оперный бал предоставляется только однажды и только тем, кому уже есть семнадцать и все еще нет двадцати четырех.

В этом году Новогодний бал в Национальном академическом Большом театре оперы и балета Беларуси открыл маэстро Николай Колядко звуками полонеза в исполнении оркестра театра. Восхитительная торжественная музыка в сверкающем разноцветными огнями фойе воодушевляла и помогала настроиться гостям (а их было более 1000) на танцевальный вечер, а сам танец в исполнении 150 пар являлся прелюдией к демонстрации хореографического мастерства и умения. Длительные репетиции под руководством балетмейстера Юлии Дятко, многократные повторения танцевальных движений и фигур сделали свое дело; все свободно и уверенно кружились в вальсе, легко танцевали польку, и даже безошибочно исполняли мудреный контрданс. Действительно, каждое танцевальное па доставляло удовольствие, а сам бал — радость, и казалось, что это чудное мгновение, длившееся почти всю ночь, запомнится на всю жизнь. Словами описать все сложно, это нужно видеть…

---

[1] Лист, Ф. Фридерик Шопен / Ф. Лист; пер. с фр. С. А. Семеновского; вступ. ст. Г. Н. Хубова. — М.: Музгиз, 1936. — 229 с.

Программа новогоднего вечера состояла из множества неожиданных творческих подарков; бал открывался полонезом времен А. С. Пушкина, празднество включало торжественное шествие мастеров белорусской сцены, невероятные шоу от фокусников-иллюзионистов, а также известных парфюмеров и барменов, гадание на картах таро и советы астрологов, концерт-сюрприз для гостей, и конечно же, достойной кодой и кульминацией всего драматургического развития был головокружительный бал.

Несколько слов следует сказать о бальных нарядах. Их, как правило, начинают готовить задолго до празднества, особенно дамы. Обязательным условием для участников бала является соблюдение дресс-кода: дамы в бальном или вечернем платье в пол, в перчатках, с прической, открывающей шею, мужчины — во фраке или в элегантном костюме.

Знаменитый Венский оперный бал собирает рекордное количество гостей со всего мира. Бал приравнивается к государственному приему, на нем присутствуют многие мировые знаменитости и президент страны. Обслуживающего персонала около 1000 — есть даже обувной мастер, который призван заботиться о потерянных каблуках и сломанных дамских шпильках. На месте и портной, если, не дай бог, случится какая неприятность с фраком или платьем.

Нам сейчас трудно поверить, что долгое время на придворных балах в Вене танцующие дамы сталкивались со следующей серьезной проблемой. Офицерам при дворе надлежало появляться в высоких кожаных сапогах, начищенных до блеска сапожной ваксой (черной блестящей краской, наносимой на кожаную обувь). Бесспорно, это красиво, но для дамских платьев имело фатальные последствия. Сильный запах ваксы во время танца — еще полбеды, главное, что было безумно жаль испачканного ваксой подола дорогого платья, так как с нежной органзы или шелка ваксу потом невозможно было удалить. После многолетнего недовольного ворчания дам кто-то сообщил об этом кайзеру, и тот пошел навстречу слабому полу, внеся коррективы в бальный «дресс-код» — разрешил носить при дворе лаковые сапоги.

Нарядный туалет современного человека (в данном случае дамы и кавалера) на таком грандиозном мероприятии, как бал, должен быть не только изящным, но и подчеркивать грациозность фигуры, легкость движений и горделивость осанки. Умение красиво носить костюм — искусство, постичь которое участникам бала во многом помогли занятия хореографией, способствующие развитию чувства непринужденности и уверенности в правильном выборе бального наряда. Надо отметить, что столичная публика с каждым годом одевается все изысканней, следя за новинками европейской моды, а бал как

раз тот случай, когда мы можем блеснуть во всем своем великолепии. Самые ослепительные и женственные платья полной длины, туфли на высоких каблуках, фрак, смокинг, бабочка — все эти неотъемлемые атрибуты бала придают волнительное звучание.

Из истории белорусской бальной культуры. Бальный костюм высшего сословия Великого Княжества Литовского соединял в себе две традиции — западную и византийско-русскую. «Еще одной особенностью костюма феодалов Великого Княжества Литовского (как и всей Речи Посполитой) было чрезмерное богатство, которое временами просто шокировало иностранцев как с востока, так и с запада» [1].

Немудрено, что красоту и роскошь бального костюма запечатлевали на своих полотнах прославленные европейские живописцы того времени Л. Кранах (младший), Б. Стробель, М. Кобер, И. Шретер. В XIX столетии говорили: «Бал есть удовольствие, многими предпочитаемое всем прочим». На бал приходят люди, которые в первую очередь любят красоту, музыку и танцы. И все же мало приобрести билет, знать про строгий дресс-код, необходимо неукоснительно соблюдать бальный этикет, правила которого просты — нужно быть максимально вежливым. Мужчины должны быть особенно деликатными и внимательными по отношению к дамам. Дамы должны убирать волосы в прически, танцевать с развевающимися волосами не только противоречит этикету, но и неприятно, а порой и опасно для кавалера…

«То, как партнер приглашает на танец, как девушка подает руку, а юноша целует ее, — это часть культуры. Соблюдение бальных манер не менее важно, чем шаги в венском вальсе», — говорит австрийский профессор Томас Шефер Эльмайер — автор девяти книг по европейскому этикету.

Бал и музыка — понятия практически неразделимые. В вихре веселого музыкального праздника встречаются прекрасные произведения Штраусов, Моцарта, Бетховена, Гайдна. Знаменитые композиторы писали много произведений для популярных бальных танцев.

Из истории белорусской бальной культуры. Онтологией танцевальной культуры Великого Княжества Литовского XVII в. является «Полоцкая тетрадь» — белорусский униатский служебник, который в 1956 г. из немецких запасников попал в Польшу в библиотеку Ягеллонского университета г. Кракова. В 1960-х гг. в обложке служебника была обнаружена нотная рукопись — уникальный памятник польско-белорусской музыкальной культуры.

В «Полоцкой тетради» представлены бальные танцы разного происхождения: западноевропейские — сальтарела, гальярда, турдион, аллеманда, бранли, куранты; польские, под названием которых прятались европейские танцы — павана, сарабанда.

Чаще всего в «Полоцкой тетради» встречается музыкальная запись итальянского церемониального танца — куранта (*courante, curante, corranto, currant*) (11 произведений). Куранту в XVII в. танцевали только при королевских и магнатских дворах. Распространение куранты в Речи Посполитой было связано с популярностью европейских обычаев. Также можно предположить, что интерес именно к этому танцу в ВКЛ связан с популярностью любовных лирических песен, которые также назывались «курантами». Подтверждает это и табулатура лютневой музыки В. Длугорая, которая содержит 38 музыкальных произведений под названием «Куранта». Пьесы В. Длугорая, в основном танцевального характера, являются типичными примерами танцевальной музыки своего времени.

---

[1] Бохан, Ю. М. Побыт феадалаў Вялікага княства Літоўскага ў XV—сярэдзіне XVII стагоддзя / Ю. М. Бохан, А. А. Скеп'ян. — Мінск: Беларусь, 2011. — 271 с.

Большая группа танцев «Полоцкой тетради» посвящена популярной в Европе в то время, ярчайшей по характеру — гальярде, которую особенно любили танцевать в разгар веселья. В «Полоцкой тетради» много танцев, по своей музыкальной стилистике напоминающих торжественный европейский танец-шествие — павану.

Беларусь — дебютантка среди европейских стран, которые известны своими балами. Бал как культурный феномен в современном белорусском обществе приобретает высокий социальный уровень. Традиционными становятся Рождественские балы в Мирском и Несвижском замках. Самые известные балы там проходили при Кароле Станиславе Радзивилле («Пане Коханку»). Мирский замок проводит для маленьких дам и кавалеров детские балы, которые являются уникальной возможностью для родителей правильно сформировать духовный и культурный мир своего ребенка и сохранить в его памяти историю и традиции.

Обретает новую жизнь традиция православных балов по благословению Митрополита Минского и Заславского Павла, Патриаршего Экзарха всея Беларуси.

Минские балы православной молодежи проходят уже 10-й раз. В празднестве участвуют: молодежный центр в честь преподобного Серафима Саровского, Минский государственный Дворец детей и молодежи, клуб бальных танцев «Мара» под руководством Л. Кац-Лазаревой. За годы существования Минский православный бал объединил в танцах более 2 тысяч пар, 60 из которых стали семейными парами.

Возрождается традиция проведения в Беларуси благотворительных светских балов, которая привлекает к участию политиков и дипломатов, видных деятелей культуры и науки, представителей деловых кругов республики и зарубежных стран. Издавна благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья. Так, ныне нередко человеколюбие, хотя и выражается в деньгах, однако в своей первооснове имеет сугубо духовную ипостась — бескорыстность, отзывчивость и доброту.

В Минске уже становится традицией проведение республиканских суворовско-кадетский балов. Эти знаковые мероприятия направлены на популяризацию традиций офицерства и приобщение подрастающего поколения к славной отечественной истории.

Возрождение таких культурно-социальных феноменов, как бал, — знак современности, реальный и активный процесс. Более пристальное углубление и изучение этой проблемы выявляет совершенно неожиданные философские и метафизические глубины.

И действительно, бал — праздник, часть ритуально-карнавальной стороны нашей жизни. Мы можем сказать, что в драматургии бала отражается структура первобытных ритуальных танцев, символические круговые танцевальные рисунки полонеза и вальса вокруг сакрального центра с востока на запад выступают как имитация движения небесных светил. Бал рассматривается как единство

регламентированного, организованного действа и жизнеутверждающей стихии. На балу нет статичных «зрителей», все принимают участие в действе, все сопричастны празднику. Структурная завершенность бала, правила его проведения, поведение участников на нем направлены на преобразование внутреннего ритма, на раскрытие романтических эмоциональных порывов. Бал предоставляет всем участникам возможность реализовать через ролевую игру мифологическое ощущение жизни. Осмысление того, что ты был участником бала, всегда приводит к повышению самооценки. А подготовка к балу, обсуждение бала, идущие параллельно с реальной жизнью, выступают как противопоставление прошлого и современного мира.

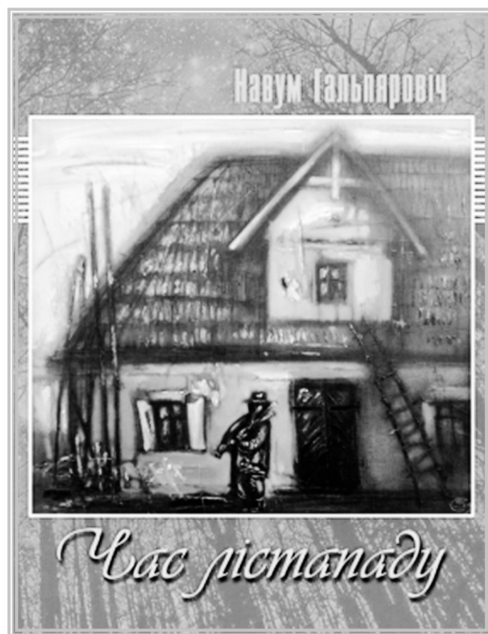
Воссоздавая «живые картины» культуры прошлого и существовавшие эстетические нормы, бал естественным образом вводит нас в исторический контекст, знакомит с художественным опытом мирового культурного наследия, формирует новую систему социальной коммуникации.

Длинные платья, классический вальс и старинный менуэт под живой оркестр — это не пережиток прошлого, а часть современной жизни.

С точки зрения рецензента

«Душа сумуе па душы…»

Известный белорусский поэт, главный директор международного радио «Беларусь», почетный гражданин Полоцка и Новополоцка, удостоенный медали Франциска Скорины за значительный вклад в культуру Беларуси, Наум Яковлевич Гальперович в начале этого года отметил 70-летний юбилей. К этому знаменательному событию приурочен выход поэтического сборника «Час лістападу» (Гальпяровіч, Н. Я. Час лістападу: выбранае / Навум Гальпяровіч. — Мінск: Чатыры чвэрці, 2018. — 112 с.), в котором собраны лучшие, с авторской точки зрения, стихи, созданные за пятидесятилетие творческой деятельности. Сразу же стоит отметить вполне очевидный факт, свидетельствующий о том, что Н. Гальперович является достойным и ярким продолжателем лучших традиций белорусской классической поэзии, поэтому тема преданности своему Отечеству, родному краю, своей малой родине — Полоцку является доминирующей в творчестве автора: «Меня вдохновляет родная земля, родной край… В каждой моей книге присутствует Полоцк. Этот город — знаковое место для меня. Башни Софийского собора, Спасо-Евфросиниевский монастырь, недалеко от которого был мой дом. Моя жизнь прошла под знаком этих славных мест»:

* * *

Каб лёс мой пачаўся нанова
І можна было б выбіраць,
Я б толькі Радзіму і мову
Не стаў бы ніколі мяняць.
Над выспаю дзвінскаю поўню,
Сланечнікі ў даўнім акне
І мудры спагадлівы Полацк,
Што лёсам падораны мне.

Над Дзвіной

Хто мы тут? На вякі ці часова?
Хто на гэтай высокай гары
Нас навучыць сапраўднае слова
Пра свой дзень, пра свой лёс гаварыць?

Хто навучыць той сіле адзінай,
Той, што жывіць праз повязь часоў
Пачуццё нашай вечнай Айчыны,
Прыцягненне сваіх каранёў?..

Представленная в сборнике поэма «Адзінае» — яркое свидетельство художественного воплощения в поэтической реальности традиционных патриотических ценностей и гражданских мотивов, авторских интенций и посылов о неразрывной связи человека и родины, невозможности существования вне ее пространственных границ, о глубинном понимании родных истоков. Декларируя открытость миру и жажду новых знаний

о культуре других стран, поэт, через призму восприятия иных миров, художественно усиливает звучание мотива душевной тоски по родным местам:

Так шмат цудоўных месцаў ёсць вакол.
Але чаму сваё шукаюць вочы?
Чаму ізноў прачнуся сярод ночы,
Убачыўшы світанне над Дзвіной?..

І цэркаўкі маленькай сілуэт,
І саду красавіцкія пялёсткі,
І Беларусі гарады і вёскі —
Адзіны назаўжды Айчыны свет.

Образ матери, столь разнопланово и широко отраженный в белорусской поэзии, является важным компонентом мироощущения автора, для которого осознание онтологической значимости самого родного человека в мире художественно воплощено в стихотворении «Балада пра званочак». Святость матери, которой, к сожалению, уже нет в этой жизни, мистически проявлена через святость Церкви, через христианскую метафизическую реальность, являющуюся неразрывной связующей нитью между матерью и сыном; материнский колокольчик, подаренный в далекой юности и утерянный в бурном потоке взрослой жизни, неожиданно и вполне закономерно отзывается в душе поэта величественным звоном церковных колоколов:

Ад роднай хаты, ад бацькоўскіх ніў
У свет вялікі — дальняя дарога.
Былы хлапчук не раз праз слёзы сніў,
Праводзіла як маці ад парога.
Званок маленькі у руку дала
І наказала: «Памятай, сыночак,
Што я заўжды з табой, а хопіш зла,
То пазвані хутчэй у мой званочак».
. . . .
Ды недзе ў сховах кейсаў і валіз
Прапаў той даўні матчын падарунак…
. . . .
У што званіць? І надышоў адчай,
І сэрца боль апанаваў пякучы.
І паглядаў паныла з-за пляча
Пясок пустыні, шэры пыл калючы.
З царквы трывожна адгукнуўся звон…
І апусціўся моўчкі на калені
Сівы мужчына. І успомніў ён
Святыя словы даўняга малення.
І адступалі сны, і міражы,
І морак шэры адзінокай ночы.
І маці адгукалася ў душы,
Як запаветны згублены званочак.

Поэтическая декларация осознания противоречий поздней любви, дуализма любовного томленья, отсутствия в ней душевной безмятежности является свидетельством эстетической проницательности и тесной связи авторского сознания с художественными констатациями лучших представителей мировой поэзии, многообразно и разнопланово отразившими этот вечный мотив в творчестве. Однако автор, декларируя интуитивно-субъективное осмысление высшего человеческого чувства, вступает в эстетический спор и убедительно проникновенно опровергает известные поэтические строки: «Не возвращайтесь к былым возлюбленным. Былых возлюбленных на свете нет»:

* * *

Былых каханых не бывае.
Няхай праносяцца гады,
Ды сэрца раптам ажывае
Зноў трапятаннем маладым.
І зноў душа пяшчоты хоча
І разварушаны спакой,
Бо вусны цёплыя і вочы
Сагрэты памяццю жывой,
Бо ўсё ж нічога не знікае
На нашай грэшнае зямлі…
Былых каханых не бывае,
Калі каханыя былі.

* * *

Апошняе каханне — салодкае, як мёд,
Бясконцае, як свет, спакуснае да згубы,
Балючае, як рана, танюткае, бы лёд,
І горкае да слёз, як ціхі выгук «любы».

Апошняе каханне — апошняя віна,
Апошняе віно, апошняя надзея.
Апошняе каханне — апошняе для нас,
Калі світальны золак на небе заірдзее.

Авторское поэтическое сознание практически всегда функционирует в границах нравственности, а ретроспективное ностальгическое переосмысление прошлого жизненного опыта приводит к пониманию закономерной данности этой эмпирики, являющейся важным неотъемлемым личным богатством, отречение от которого чревато душевной опустошенностью и экзистенциальным вакуумом:

* * *

Ад таго, што прайшло, праз гады
Адракацца ніколі не трэба…

Што было, то было — не шкадую.
Помню маму маю маладую
І вачэй дарагое цяпло.
Помню водсвет каханняў былых,
Помню словаў гарачую повязь.
І пра страты пякучую споведзь,
І сяброў адышоўшых сваіх.
Дык нашто адракацца тады?
Гэта ж скарб, які сёння я маю
І ратункам адзіным трымаю
Ад самоты, нуды і бяды.

Поэту важно видеть в человеке его основополагающую суть — душевную щедрость и духовное богатство, чистоту помыслов и теплоту межличностных взаимоотношений, в которых так нуждается каждый, кто не приемлет моральную черствость и этический нигилизм. Мотив тоски явственно звучит в поэтической системе автора, будучи включенным в ряд пессимистических экзистенциалов эмоционального смятения и боли от ясного понимания очевидной быстротечности жизни и невозможности нарушить естественный ход времени, но доминанта остается за главной интенцией — онтологически значимой необходимостью диалога, взаимопроникновения человеческих душ:

* * *

Душа сумуе па душы.
Як неабходна ім сумоўе,
Нібы каханне ці здароўе,
Нібы само жаданне жыць.
Як гэта трэба, каб цябе
Мог нехта выслухаць зычліва!..
Так прагне промня сонца ніва,
Так прагне снегу санак бег,
Вясну так мрояць капяжы,
Так б'юць з падземных вод крыніцы…
Душа сумуе па душы,
Каб ціхім шчасцем наталіцца.

В одном из своих интервью Н. Гальперович как-то заметил: «В стихах я передаю свои чувства, свое ощущение мира. Я считаю, поэт — это тот человек, который умеет слышать шепот небес. Потому что не мы пишем стихи, а стихи пишут нас». Но основополагающая миссия поэта на земле, с авторской точки зрения, не может быть художественно осуществима без наличия нравственной чистоты и простой человечности, столь необходимых тому, кто считает себя вправе морально и эстетически влиять на умы и сердца человечества:

* * *

Адзінокая, быццам планета,
Спавядацца імкнецца душа.
І хапае вакансій паэта,
Толькі б быць чалавекам спярша.

І такою магутнаю роляй
Увайсці у наступны наш век
Размаітым, бы летняе поле,
І чысцюткім, бы ранішні снег.

Автор демонстрирует обостренное восприятие современного состояния мира, отчетливо понимая пугающую реальность многочисленных вызовов и угроз, способных разрушить размеренное течение жизни, вырвать человека из привычного состояния существования в пространстве и времени. Декларируя позицию сопричастности, вовлеченности в суть происходящего вокруг, автор актуализирует важный мировоззренческий посыл:

* * *

Не мітусіцца толькі б, не драбнець…
Якія б'юць чысцюткія крыніцы!..
А мы іх заўтра можам і не мець.
Не мітусіцца б нам, не мітусіцца.

Спявае конік у густой траве,
І дымны хвост за лайнерам бруіцца.
А недзе побач гіне чалавек.
Не мітусіцца б нам, не мітусіцца.

Поэтический сборник «Час лістападу», отражающий индивидуально-субъективные прозрения, обретающие статус объективной эстетической картины мира, представляет собой своеобразный *художественный отчет* Н. Я. Гальперовича, его «духовную биографию», пронзительный авторский монолог, обращенный к взыскательному читателю с декларацией актуальных установок на вечные общечеловеческие ценности.

Инесса МОРОЗОВА

Память

«Белорусские корни» родовода Копыловых

Каждый год на Радуницу москвичи Герман и Ольга Копыловы приезжают в Калинковичский район, не забывая заглянуть и к нам в Светлогорск. Встреча с ними — это еще одна возможность восхититься их талантливым умением вдумчиво, целеустремленно искать и находить не только близких, но и дальних родственников, придавая своему родословному древу все более реальные очертания. И конечно же, неутомимым инициатором этих запутанных житейскими превратностями маршрутов является Герман Викторович. Я уже знаю, что родился он в поселке Белая Дача Люберецкого района Московской области в 1966 году. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ) и Московскую финансово-юридическую академию. Работал в Институте радиотехники и электроники Академии наук СССР, а теперь — сотрудник архитектурного отдела Департамента информационных технологий в ЮниКредит Банке. Впрочем, при желании он мог бы и своими историческими изысканиями претендовать на самые престижные научные звания. Но таких помышлений у него нет и в помине.

— Герман Викторович, еще Сократ призывал познать, прежде всего, самого себя. А человек, стремящийся не только знать, но и осознать своих близких, тем более без осознания себя обойтись не может. Какие свойства характера побудили Вас к поискам того, что составляет Ваше родовое древо?

— Я не уверен, что причина в свойствах характера. Как срезанное растение восстанавливает свои корни, так и я, волею времени отрезанный от информации о своих предках, пытаюсь ее восстановить. Это стремление сродни генетической памяти, требующей открытия скрытых в ее глубинах тайн. Ведь из двух бабушек и двух дедушек мне довелось знать только одну бабушку. Но процесс познания — это нелегкий труд, и здесь, конечно, мне помогают такие черты характера, как трудолюбие и упорство. И, наверное, любопытство или любознательность, желание заглянуть в прошлое, увидеть историю нашей страны сквозь призму истории моей семьи. Ведь изучая историю своей семьи, получаешь информацию не только о конкретных людях, но и о времени в целом. О том, как жили, учились, любили и растили детей, переживали голод и холод, переносили трудности войны и горечь утрат. Мы знаем историю по книгам, рассказывающим о ее ключевых поворотах, о личностях, вершивших судьбы миллионов людей. И знаем гораздо меньше о судьбах рядовых граждан, вынесших все тяготы суровой эпохи, вырастивших и воспитавших детей и внуков, передав им все самое ценное, что было накоплено предыдущими поколениями. Изучая историю своей семьи, узнаешь о семейных традициях и семейных легендах, о культуре быта и народных поверьях и многом другом. А ощущение, которое испытываешь, стоя на земле, где когда-то был дом твоего прадеда, — неповторимо. Всем своим

существом ощущаешь, что тебе здесь хорошо и спокойно. Здесь могилы твоих предков, здесь твоя Родина.

— Обычно хочется узнать как можно больше о родственниках, ставших знаменитыми, прославивших не только свой род, но и селение, город, область, страну. В Вашем роду, за редким исключением (23-летнего комиссара партизанского отряда Надежды Денисович) вроде таких знаменитых родственников не было. Тем более похвально стремление составить родовое древо из внешне неброских, но по-своему прекрасных людских судеб. О некоторых из них расскажите, пожалуйста.

— Все родственники, о которых удалось узнать, с которыми посчастливилось познакомиться, мне очень дороги. Они действительно прекрасные люди, каждый по-своему. Сожалею, что не со всеми из них знаком лично, что поздно начал интересоваться историей своей семьи. Многих уже не стало. Формат интервью не позволит рассказать о них подробно, поэтому кратко — только о тех, кто мне особенно близок.

Моя бабушка, Лихолит Ефросиния Григорьевна, родилась в 1915 году, в Украине, в Черкасской области, в небольшом казацком селе Шкодунивка. В семье было 8 детей. Когда ей было 7 лет, не стало отца Лихолита Григория Ивановича, 18 лет — умерла мать, Хоменко Ульяна Сергеевна. Спасаясь от голода в 1932 году, бабушка 17-летней девушкой уехала из дома в Москву, и ей, одной из немногих в семье, удалось выжить. В 1937 году вышла замуж за Копылова Трофима Антоновича, родила двоих детей (в 1938-м Лидию и в 1940-м Виктора). В 1943 году погибает муж. Вырастила двоих детей, воспитала четверых внуков, помогала растить правнуков. Сильный, мудрый и удивительно добрый человек. Никогда не позволяла себе сказать худое слово о ком бы то ни было. Всегда была и будет оставаться для меня примером.

Бабушкин старший брат, Лихолит Кузьма Григорьевич, родился в 1913 году. Второй человек из семьи, вместе с бабушкой выживший в голод 1933 года. В 1939-м попадает на Финскую войну, затем — Великая Отечественная, плен. Несколько лет концлагеря. После освобождения переехали на север, в Карелию. Во время войны запуганная жена живет с полицаем, а его дети умирают. Кузьма Григорьевич в Карелии снова женится, становится отцом троих детей. В 1966 году возвращается в Украину, в свое родное село. Я никогда не слышал, чтобы он повысил на кого-то голос. Мастер на все руки, добрый и внимательный человек.

Мой дедушка, Копылов Трофим Антонович, родился в 1915 году на севере Воронежской области, в старинном селе Воробьевка. В 1916-м на войне погибает его отец, Копылов Антон Андрианович. В 1919-м от тифа умирает мать, Елизавета Матвеевна Лесных. Троих сирот забирает в свою семью брат матери Алексей. У него — шестеро своих детей. В 1921-м он тоже умирает от тифа. Дети остаются в семье вдовой тетки, пытающейся заменить родителей девятерым сиротам. В 1929 году Трофима отдают в детский дом, где он пробыл до 1933 года. Старший дедушкин брат Аким остается в Воробьевке, вступает в комсомол и активно участвует в раскулачивании. По весне его найдут в стоге сена убитым и похоронят вместе с коммунистом, председателем колхоза, также застреленным кулаками. В 1935 году Трофим попадает в Москву, где знакомится со своей будущей женой — Ефросинией. С 1937-го он служит в армии на Дальнем Востоке. Танкистом. А потом — война и последний бой под Вязьмой в марте 1943-го. Рассказывают, что дедушка обладал огромной физической силой: мог зубами поднять за ножку дубовый стул.

— И все-таки — с чего начиналась Ваша многолетняя собирательная работа? Что побудило к этому?

— Как во многих семьях, в нашей — роль бабушки в воспитании детей была существенной. Всегда занятых на работе родителей хватало только на проверку уроков по вечерам и устрой-

ство культпоходов по выходным. Вся остальная нагрузка по нашему домашнему воспитанию ложилась на бабушкины плечи. Потеряв мужа в Великую Отечественную, она вырастила двоих детей и помогала, чем могла, в воспитании внуков. Летом вместе с бабушкой Ефросинией Григорьевной родители отправляли меня и сестру в Киевскую область — на дачу к моей тете, сестре отца. Каждое лето, отдыхая там, мы на неделю уезжали с бабушкой в ее родное село на Черкасчине. Обходя родные ей места, я знакомился с новым для меня миром, так не похожим на знакомую Москву. Миром необычным и очень притягательным. Чтобы не запутаться в родственниках, я начал вести тетрадь, в которой пытался систематизировать свою родословную, а также записывал рассказы бабушек и дедушек о временах их молодости. Было мне тогда лет четырнадцать-пятнадцать. Конечно, и не думал, что записи в этой тетради помогут мне теперь конкретизировать генеалогическое древо нашего рода.

— Расскажите, пожалуйста, о белорусских маршрутах более подробно. Каковы судьбы ваших родственников, проживающих здесь?

— Родословные маршруты — это Украина, Россия и Беларусь. Конкретнее — Москва, Брянск, Воронеж, Рязань, Красноярск, Калининград. А также — Киев, Черкассы, Гомель, Калинковичи, Светлогорск, Витебск...

Белорусскую ветвь родственников мы открыли для себя только в 2009 году. Моя мама, Боровикова Елена Андреевна, родилась в 1947-м. Через год умерла ее мама, Денисович Матрена Николаевна, и отец, Боровиков Андрей Федорович, отдал девятилетнюю Валентину (Журавкову — от первого брака бабушки) и годовалую Елену на воспитание в детский дом. Связь с родственниками поддерживала старшая сестра. От нее Елена узнавала о существовании родственников по матери. После смерти в 1985 году Журавковой Валентины Александровны адреса и телефоны были утеряны. В нашей семье остались лишь воспоминания о том, что в Беларуси у нас где-то есть родственники. Помнили, что родная сестра нашей бабушки Матрены — Надежда Николаевна Денисович, будучи комиссаром партизанского отряда, расстреляна фашистами в возрасте 23 лет. Именно посмертная слава Надежды и помогла нам разыскать наших родственников.

В 2008 году Министерство обороны РФ создало информационный портал о погибших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны. На этом портале мы и узнали, что моя двоюродная бабушка Надежда Николаевна Денисович похоронена в городском поселке Василевичи Гомельской области. В стремлении найти какую-то информацию в местном школьном музее мы с женой Ольгой Леонидовной отправились на майские праздники в Беларусь. Удача сопутствовала нам. В Василевичской средней школе действительно есть музей, в котором на стенде о подпольщиках была подробная информация и о нашей бабушке. Для нас это открытие — как чудо. Не верили своим глазам и ушам, что всего в 10 часах езды от Москвы находится музей, в котором нам рассказали о нашей семье, показали фотографию бабушки и рассказали, откуда она родом. Мы очень благодарны за это замечательному краеведу Сергеевой Валентине Александровне.

Увидели мы и страницы газеты «Гомельская правда» с отрывками из документальной повести «Сирень на пепелище», что подсказало нам еще один маршрут — в Светлогорск, к Вам, автору этого произведения. Знакомство оказалось плодотворным, и написанная около 30 лет назад книга о нашей бабушке, комиссаре партизанского отряда Надежде Николаевне Денисович, наконец-то увидела свет.

А родословные маршруты повели нас дальше. Деревня Блудим — теперь Денисовичи. Она переименована в честь нашей бабушки. Здесь мы узнали о детях ее брата Афанасия Николаевича Денисовича — Анне Черенок из деревни Хомичи и Владимире Денисовиче из Калинковичей. Побывали в гостях у детей Натальи Брухацкой

(сестры Надежды Денисович) Романа Степановича Брухацкого из Светлогорска и Павла Степановича Брухацкого, проживающего в Калининградской области. Познакомились с дочерьми Полины Кобзарь (тоже сестры Денисович) — Надеждой Свиридовой в Рязани, с Анной Антоненко в Брянске и Еленой Антоновой в Витебске. Интересно, что у наших родственников преобладающая профессия — учитель.

— Сколько в общей сложности тех, кто причастен к Вашему родовому древу, удалось уже установить?

— Это, пожалуй, самый легкий вопрос — 205 человек.

— Чем обогатили встречи с ныне живущими родственниками и сведения о давно ушедших?

— Я для себя восстановил естественный процесс общения и передачи информации между поколениями. Что стараются передать наши бабушки и дедушки своим внукам и правнукам? Свой жизненный опыт, свои знания, что-то очень важное, что помогает им в жизни. А мы смотрим на предков и по-своему воспринимаем их опыт: гордимся твердостью характеров и мужеством, удивляемся мудрости и доброте, восхищаемся их способностями и упорством, стараемся быть такими же терпимыми и благородными. И, конечно же, родословная моей семьи подтверждает вечные истины: жизнь человеку дается лишь раз, надо принимать ее такой, какая она есть. Жить в ладу со своей совестью и помнить, что никакая работа не бывает зазорной.

— Родовое древо составлено. Однако у каждого дерева есть не только ствол, ветви, но и корни. Они часто невидимы. Собираетесь ли Вы познать то, что пока еще сокрыто от Вас в родовом древе?

— Безусловно. Это пока — начало. К сожалению, до сих пор не удается восстановить потерянную связь с родственниками по линии отца мамы — Боровикова Андрея Федоровича. Нам известно только, что кроме мамы у него были еще дети: Павел Боровиков, проживавший в Красноярске, дочери Мария и Анна, проживавшие в Виннице на Украине. У Павла Андреевича был сын Михаил... Надеюсь, что все самое интересное еще впереди. Процесс познания бесконечен, этим он и интересен…

И вот новая встреча с Копыловыми. После обязательных расспросов о поисковых маршрутах Герман Викторович протягивает мне шикарный фолиант родословной, и я восхищенно начинаю поздравлять его с успешным завершением многолетней работы. А он загадочно улыбается в ответ. «Да вы прочитайте хотя бы название!» И я читаю: «Родовод семьи Папок. Генеалогическое исследование рода».

— Так это Ольга Леонидовна вас опередила? Ее родословная! — удивляюсь.

А он и здесь улыбчиво возражает:

— Да, опередила. Но автор и этой работы — я…

Надо признаться, что, наверно, впервые держал в руках такую книгу. Я листал ее, богато иллюстрированную фотографиями далекого и близкого от нас времени, ксерокопиями многих архивных документов, и думал, что фамилия Папок мне уже хорошо знакома. Статья о Константине Карловиче Папке — докторе химических наук, профессоре, создателе химмотологии, заслуженном деятеле науки и техники РСФСР, написанная мной, вошла в энциклопедическое издание «Созвездие белорусского приграничья». Отец его Карл Юрьевич (1875—1954) и мать (1887—1975) из деревни Видишки Ново-Александровского повета Ковенской губернии (теперь Браславский район Витебской области), крестьяне-белорусы, в поисках работы переехавшие в Ростов-на-Дону. Здесь и родились сын Константин, а затем — дочь и еще два сына. Трудные послереволюционные годы вынудили их отдать детей в детский дом. В 1924 году Константин возвращается в семью и продолжает учебу в школе, а затем — в Ростовском индустриальном техни-

куме. Проучившись год, поступает в Донской политехнический институт в Новочеркасске, а после закрытия там нефтяного отделения переводится в Московский нефтяной институт имени И. Губкина. После окончания получает диплом горного инженера-технолога по переработке нефти. Его направляют в Научно-исследовательский институт гражданского воздушного флота, где он создает лабораторию топлива и масел. В 1932 году на Первой Всесоюзной бензиновой конференции в Грозном выступил с докладом «Авиационное топливо для гражданского флота». Доклад был опубликован, и Константина Карловича включают в группу сотрудников Аэрофлота, которая направляется на шесть месяцев в США для изучения опыта использования и контроля качества горючего и масел. Вскоре он становится автором 60 статей и руководителем разработки первых инструкций по использованию горюче-смазочных материалов. В 1940-м защищает кандидатскую диссертацию. В годы Великой Отечественной войны служил в военно-воздушных войсках. В организованной им лаборатории проверялось качество всех авиационных горючих и масел, которые использовались для заправки самолетов фронтовых подразделений. И в этих условиях он не прекращал научных исследований. Докторскую диссертацию «Термическая стабильность авиационных масел» защитил в 1946 году. Константин Карлович был первым директором созданного им в 1945 году Института горюче-смазочных материалов. На счету ученого более ста актуальных не только для того времени разработок. Под его руководством фундаментально решены проблемы лакообразования в двигателях и лакообразующих свойств масел. Его по праву считают создателем химмотологии как самостоятельной науки, которая находится на стыках многих других: химии и технологии нефти, теплотехники, машиностроения, экономики… Даже название этой науки дано им.

Автор многих научных книг, он был членом Национального комитета СССР по нефти, участвовал в четырех всемирных конгрессах. На двух из них председательствовал и выступал с докладами на английском языке. В 1966 году ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». Сквозь всю свою жизнь Константин Карлович пронес память о своем белорусском происхождении. Бывшие сотрудники вспоминают, что он решительно отказывался писать по-русски свою фамилию — Попок, заявляя, что белорус, и поэтому надо писать — Папок. Несколько раз приезжал на Браславщину и восхищался красотой родины.

Казалось бы, имея в своем роду такого именитого человека, установить все недостающее будет гораздо проще, но… Герману и Ольге Копыловым понадобились сотни уточняющих маршрутов, тысячи выявляющих истину документов, бесед, исторических изысканий… Зато и книга обрела почти все свойства приключенческой повести. Автор понимает, что частное нельзя выделить, не зная общего. И начинает повествование с 1557 года, когда в Великом Княжестве Литовском, в состав которого входила территория Браславского района, была проведена аграрная реформа — поволочная померa. Земли отводились под феодальные хозяйства — фольварки, размеры которых могли составлять от 200 до 400 гектаров земли. На одну волоку фольварочной земли нарезалось семь волок для тяглых крестьян. Они-то и должны были своим инвентарем или своим тяглом (лошадьми, волами) обрабатывать фольварочную землю… Казалось бы, как аграрная реформа Сигизмунда Августа Второго могла повлиять на суть проводимого Копыловым генеалогического исследования? А вот как. На территории Российской империи, а также в Восточной Украине и Беларуси, крестьяне оседло жили в деревнях — в крупных населенных пунктах, каждый из которых насчитывал до 600 дворов. Из переписи в перепись можно было наблюдать, как крестьяне перемещались из одного двора в другой, женились и выходили замуж за жителей

соседних деревень, относившихся, как правило, к одному и тому же помещичьему имению. Даже при отсутствии в архивах переписей за некоторые годы, отыскав семью в одной из них, ее историю можно легко проследить.

Но на северо-западе Беларуси, которого тоже коснулась фольварочная реформа, картина совершенно иная. Вся территория интересующей Германа Викторовича Видзской волости была плотно покрыта небольшими хуторами (застенки, односелье, выселки) по 2—3 двора… Автор подробно характеризует каждое территориальное деление, что само по себе тоже весьма познавательно. Герман Викторович приводит даже интереснейший отрывок из статьи секретаря Ковенского Губернского Статистического Комитета, Действительного члена Императорского Русского географического общества К. Гуковского. Вообще «попутной» познавательностью повествования можно только восхититься. И поучительностью — тоже. Пофамильное или поименное пространство как-то незаметно переходит в наше общее. И мы вместе с Германом Викторовичем и Ольгой Леонидовной все более охотно путешествуем по городам и весям. Чувствуем и себя вовлеченными в поиски сведений о семье Иосифа Папка и Агаты Петкевич, участвуем в проверке метрик всех христианских конфессий Видзовской волости. Зоркий, пытливый взгляд автора помогает и нам многое узнать, осмыслить. А Герман Викторович уже и сам считает нас приобщенными. Предлагает: «Ищем связь между представителями фамилии Папок», «Подводим предварительные итоги», «Эврика! Новая гипотеза», «Изучаем рекрутские формуляры 1812 года», «Ищем деревню Борово помещика Мисеня Ошмянского района Виленской губернии», «Ошибочка вышла: нашли деревню Борово, имения Ивье помещика Огинского Ошмянского уезда Виленской губернии», «Ищем Агату Папок и ее сына Юрия». И мы действительно, не замечая того, приобщаемся к увлекательному поиску. Узнаем не только адреса, но и судьбы живших и сто, и двести лет до нас. Кому-то может показаться, что глава «Немного теории о рекрутской повинности» несколько замедляет стремительный сюжет непрерывного поиска, но это не так. Она помогает нам осознать логику переплетений фамильных судеб. И, как говорит Герман Копылов, — «собрать пазл с учетом всей полученной информации».

Знакомимся с Юрием Папком — будущим дедом уже знакомого нам ученого Константина Карловича. Оказывается, Юрия в семье называли… Егором. Интересный факт: в православии имя Юрий в метриках стали записывать только с 1917 года. До этого записывали Георгием, а в быту звали Егором. Но это касалось в основном только крестьянского сословия. И сколько таких познавательных нюансов благодарно встречаем в повествовании о поисках, которые длились без малого восемь лет! Поражает и географический диапазон родословной (Ростов-на-Дону, Армавир, Сахалин, Тбилиси, Казань, Москва, десятки других городов и селений). Восхищает и богатство бережно собранных иллюстраций, ксерокопий архивных, семейных документов. И конечно же, особенно бережное внимание Герман Викторович уделяет всему, что связано с самым знаменитым членом родословной — Константином Карловичем Папком. Но было бы ошибочным считать, что родословная лишь выявляет свою взаимосвязь. Автор старается не только детализировать судьбы, но и выявить характеры, какие-то ключевые события в жизни тех, о ком повествует. Многие словно оживают в его талантливо собранной, скрупулезно выверенной и литературно написанной книге.

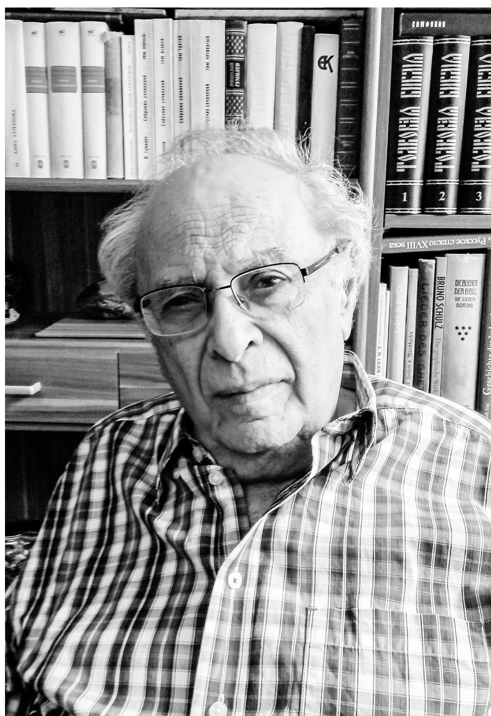
Читаю и снова думаю о том, что время не может быть только личным и даже только личностным. Оно общее для всех нас. А было именно таким, каким возобновил его в родословной Ольги Леонидовны Папок ее муж Герман Викторович Копылов.

Изяслав КОТЛЯРОВ

Коллекция

Самый счастливый пушкинист

Среди увлечений библиофилов в Советском Союзе одним из самых популярных было собирание материалов, связанных с великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, это все называлось — Пушкиниана. Магия поэта была очень велика, а количество литературы о нем и его творчестве просто беспредельно. Собиралось все — от первых изданий до редких, художественно оформленных книг нашего времени. Целая орда пушкинистов (не побоюсь этого слова) просто наводнила книжный мир громадным количеством литературы, посвященной великому поэту. У собирателей Пушкинианы накапливались книжные завалы, в которых порой прятались просто уникальные издания великого поэта или книги, посвященные изучению его трудов и жизни. Киевлянин Яков Исаакович Бердичевский до своего отъезда в Германию слыл в бывшем Советском Союзе среди коллекционеров легендой. Он собрал уникальную библиотеку, лучшую в Украине коллекцию экслибрисов. У него была подобрана изумительная коллекция графики, изысканная живопись. Но славу ему принесло увлечение Пушкинианой. Известно выражение об удачливом человеке: он родился с серебряной ложечкой во рту. Но если эту пословицу приложить к Я. И. Бердичевскому, то он появился на свет с прижизненным томиком А. С. Пушкина в руках. Итогом его коллекционерской страсти стало создание Государственного музея А. С. Пушкина в Киеве, в основу собрания которого была положена коллекция Я. И. Бердичевского. Музей был открыт в 1999 году (отмечали двухсотлетие со дня рождения поэта), когда собиратель уже несколько лет жил в Германии, и спустя полтора десятка лет после его решения передать собранную им коллекцию родному городу. Когда были выполнены условия дарения, его собрание перешло городу Киеву, и уникальный Музей принял первых посетителей.

Яков Исаакович Бердичевский

А началось все далекой весной 1945 года, когда на киевском базаре ученик 6-го класса Яша Бердичевский случайно купил книгу А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» в первом издании 1820 года, и она послужила основой его

будущей коллекции и увлечением всей жизни.

Спустя три года, когда в 1949 году вся страна отмечала 150 лет со дня рождения великого поэта, будучи на школьных каникулах у родственников в Москве, он совершал обходы букинистических магазинов, и однажды ему посчастливилось в букинистическом магазине приобрести «Евгения Онегина» в 6 главах («Евгений Онегин» вначале печатался по главам, по мере их написания в течение 7 лет, лишь в 1833 году роман вышел отдельным изданием). Здесь следует заметить, что человек, который ему уступил книжки, забрал себе первую главу, и лишь спустя много лет Бердичевскому удалось приобрести эту недостающую главу. Коллекция успешно пополнилась, тем более что учиться после окончания школы Бердичевский поехал в Ленинград, где поступил в Ленинградский государственный университет. Город, с которым была связана жизнь Пушкина, еще более укрепил его любовь к поэту. Походы по музеям, букинистическим магазинам, знакомства с библиофилами и коллекционерами привели к тому, что к окончанию университета было собрано немало материалов о прижизненных изданиях Пушкина и поэтов его времени и самих изданий. Изучение эпохи Пушкина и обилие материалов, посвященных поэту, привели коллекционера к мысли о необходимости сконцентрироваться на собирании альманахов, периодических изданий и летучих листков того времени. И здесь ему опять повезло: он собрал все выпуски альманахов пушкинской поры: «Северные цветы», «Русская талия» и другие. Следует заметить, что первый выпуск «Северных цветов» за 1825 год ему достался, судя по экслибрису, из собранияВаргунина, знаменитого русского библиофила, который переплетал свои книги у Жюля Мейе, самого дорогого и лучшего переплетчика Санкт-Петербурга своего времени. Одновременно Я. И. Бердичевским подбирались периодические издания, в которых публиковались ранее неизвестные или запрещенные произведения Пушкина. В частности, ему удалось приобрести «Полярную звезду» Герцена в обоих выпусках 1856 года, в которых были напечатаны «Вольность», «Кинжал», «В Сибирь» и другие стихи Пушкина. Счастье коллекционера шло с ним, не изменяя ему: все, что было связано с великим поэтом, Бердичевский искал везде, где ему приходилось бывать, и очень часто находил. В командировке в Свердловске в 1954 году ему удалось приобрести интереснейшее издание — книгу А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум», изданную известным собирателем и пропагандистом Пушкинианы Сержем Лифарем (кстати, бывшим киевлянином) в 1934 году в Париже. С. М. Лифарю, в то время главному балетмейстеру и танцовщику театра «Гранд-Опера» в Париже, удалось приобрести автограф рукописи поэта — предисловие А. С. Пушкина к книге «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», и он издал этот автограф тиражом 50 именных экземпляров. Вступительную статью к книге написал С. М. Лифарь, а общую редакцию осуществил и составил подробные примечания известный пушкинист профессор М. Л. Гофман. Тот экземпляр, который попал к Бердичевскому, предназначался эмигранту А. О. Гукасову, бывшему нефтепромышленнику из Баку, одному из видных деятелей зарубежной эмиграции.

Необъятность Пушкинианы привела Якова Исааковича к мысли ограничить свое собрание материалами о пребывании Пушкина в Украине и прижизненными изданиями и публикациями. Сроки его пребывания в Украине известны: 6 мая 1820 года он выехал в Екатеринослав, а 31 июля 1824 года выехал из Одессы в ссылку в Михайловское. Этот период и стал ориентиром при комплектовании коллекции, которая все расширялась. Появлялись новые разделы: иконография, т. е. портреты Пушкина и его современников, большинство в оригинальных оттисках и рисунках эпохи А. С. Пушкина; иллюстративный материал, где сюиты гравюр и рисунков были также в оригинальных рисунках и оттисках, включая работы таких выдающихся мастеров современности, как В. А. Фаворский,

Е. Н. Голяховский, Э. Окас, И. Н. Калита, Н. В. Кузьмин, Г. Д. Епифанов и другие.

Отдельно следует сказать о разделе пушкинской коллекции, связанном с экслибрисами. Бердичевский имеет великолепную коллекцию книжных знаков Российской империи, в том числе он собрал около трехсот экслибрисов из числа принадлежавших лицам из окружения Пушкина либо каким-то образом с ним связанных. В дальнейшем, в соответствии со справочником Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», Бердичевский уточнил круг лиц, входящих в поиск, и стал скрупулезно подбирать экслибрисы их библиотек, систематизируя, изучая и тщательнейшим образом описывая. Таким образом, перед коллекционером предстала картина книжной жизни той эпохи. Ведь в те времена экслибрис имел статус охранной грамоты библиотеки и к тому же позволял почти точно персонифицировать владельцев книг, а зачастую и состав библиотек. Итогом изучения экслибрисов, связанных с именем поэта, стала в 1987 году выставка «Книжные знаки современников А. С. Пушкина» и каталог к ней, изданный в 1987 году Киевским музеем русского искусства. В каталоге были перечислены книжные знаки современников А. С. Пушкина, книжные знаки магазинов и «библиотек для чтения» пушкинской эпохи, было дано описание 244 экслибрисов, включая штемпеля и ярлыки, воспроизведено 64 из них.

Многие библиофилы до сих пор вспоминают маленький кабинетик в квартире Бердичевского на улице Юлиуса Фучика в Киеве, в котором это все богатство собиралось, сортировалось, изучалось. Мне думается, что грузовые лифты в современных домах зачастую больше по площади, чем кабинет, который приютил Якова Исааковича, где можно было обсуждать с гостями-библиофилами волнующие их темы. Здесь необходимо заметить, что справочная литература по всем вопросам пушкинского времени и сопутствующим вопросам истории была представлена в собрании с исключительной полнотой. Весь объем кабинета был заполнен, и каждая книга или вещь имели свое место и извлекались немедленно по мере надобности. Справочная литература позволяла Бердичевскому быстро находить ответы на возникающие вопросы. На мой взгляд, Я. И. Бердичевский является наиболее компетентным знатоком во многих сферах коллекционирования, причем в самых разных. Именно это позволило ему собрать не только издания Пушкина и его окружения, произведения искусств этой эпохи, но и предметы домашнего быта и обихода того времени. Один из его друзей вспоминал впоследствии, как во время первого посещения на его удивление от интерьера квартиры — салонная мебель красного дерева, каминные часы, шкаф для книг с удивительной резьбой, живописные полотна старых мастеров на стенах — он услышал от Якова Исааковича: «Пусть Вас не удивляют эти, на первый взгляд, непривычные старинные вещи. Лишнего ничего здесь нет, все к месту. Собирая старые книги, надо помнить, что они должны вписаться в интерьер той эпохи, в которой появились». Тщательность подборки наиболее интересных экспонатов позволила ему организовать в 1982 году выставку, посвященную А. С. Пушкину, в 5 залах Киевского музея русского искусства во время празднования 1500-летия Киева. На стендах было выставлено около 800 книг, свыше 400 пушкинских экслибрисов, включая книжные знаки друзей и современников А. С. Пушкина, 120 гравированных портретов той эпохи, масса иллюстративного материала в оригинальных авторских оттисках и рисунках, различного рода объекты коллекционирования (почтовые марки и конверты, памятные медали и плакаты, значки и т. д.). К выставке был издан каталог «Пушкиниана (из собрания Я. И. Бердичевского)», вводную статью в каталог написал С. Гейченко — директор Музея-заповедника А. С. Пушкина в Михайловском. Примечательно, что к каталогу прилагалась памятка с оригинальной гравюрой в технике ксилографии работы художника В. Боканя. На гравюре

был изображен знаменитый дом генерала Раевского на улице Грушевской в Киеве, в котором, как считают историки, неоднократно бывал поэт. Выставка вызвала большой интерес у киевлян и гостей Киева, получила массу положительных отзывов. Посетителей выставки привлекали экспонаты, интересная подача материалов. Вызывало восхищение прикосновение к памяти великого поэта, знакомство с лицами ушедшей эпохи. Это позволило Я. И. Бердичевскому решиться войти с предложением к городским властям Киева об организации Музея А. С. Пушкина в Киеве на основе его собрания. Даже место подсказал пушкинское — на улице Грушевского, 14 стоял дом, в котором во время службы в Киеве жил герой войны 1812 года генерал Раевский с семьей. В этом доме бывали Пушкин и будущие декабристы, здесь декабрист С. Волконский сделал предложение дочери генерала Раевского. На просьбу открыть музей от Киевского горисполкома последовал отказ, потом последовало еще два обращения и опять отказы. Но сбор пушкинских материалов продолжался. Уже были приобретены 26 прижизненных изданий поэта (из 33 известных), значительно пополнились разделы иконографии, иллюстраций и др. Уже упоминалось, что в 1987 году в Киевском музее русского искусства была открыта выставка: «Книжные знаки современников А. С. Пушкина» из собрания Я. И. Бердичевского, который в предисловии каталога отметил, что это одна из частей выставки «Книжная Пушкиниана», посвященная 150-летию со дня гибели великого поэта. На выставке было представлено 244 книжных знака, в каталоге были описаны не только экслибрисы, но и приведены основные биографические данные владельцев. Именно эта связь — книга, экслибрис и владелец библиотеки — привлекла особое внимание посетителей выставки и вызвала положительные отзывы. Большой интерес представляло собрание оригинальных рисунков и гравюр художников-иллюстраторов пушкинских книг. Достаточно отметить собрание почти 200 рисунков Николая Васильевича Кузьмина, одного из лучших художников книги XX столетия. Пушкинский «Евгений Онегин», изданный в СССР в 1933 году издательством «Academia» с иллюстрациями Н. В. Кузьмина, на Всемирной выставке книги в Париже в 1937 году получил Гран-при и был удостоен Большой золотой медали. В 1990 году Т. А. Маврина — вдова художника, передала рисунки Н. В. Кузьмина в дар в собрание будущего музея А. С. Пушкина.

Осенью 1994 года последовал отъезд Я. И. Бердичевского на постоянное место жительства в Германию, при этом Киевская коллекция «Пушкиниана» осталась в Киеве ждать своего часа. Условие ее передачи городу оставалось прежним — выделение отдельного помещения с целью создания музея, посвященного А. С. Пушкину. Везение не изменило Якову Исааковичу, приближалась знаменательная дата — 200-летие со дня рождения великого поэта, и тогда последовало решение городских властей Киева об организации музея А. С. Пушкина на основе предложенной Я. И. Бердичевским коллекции. Было принято постановление о выделении музею двухэтажного здания по улице Кудрявской, дом 9. Дом был легендарный — в нем прошли гимназические годы Михаила Булгакова. За этот дом шла борьба городской общественности против желания властей снести его, но ко времени принятия решения об организации в нем музея дом был полуразрушен, требовался серьезный капитальный ремонт с полной реконструкцией, но и это не остановило энтузиастов. На восстановление дома потребовалось почти два года, и 28 мая 1999 года в присутствии представителей администрации города, почитателей поэта и приехавшего из Берлина на открытие музея Якова Исааковича Бердичевского музей, посвященный Александру Сергеевичу Пушкину, был торжественно открыт. Музей небольшой — 5 экспозиционных залов, в которых представлены материалы, в том числе книги, гравюры и картины, отразившие эпоху первой половины XIX века. Здесь экспонируются вещи эпохи, издания А. С. Пушкина и его

современников, книги из собраний знаменитых деятелей эпохи — например, томик из библиотеки друга поэта по Царкосельскому лицею, канцлера Горчакова, с суперэкслибрисом владельца на обложке; книга «Оперативная медицина» на французском языке из личной библиотеки Наполеона, подаренная императору его личным врачом, или журнал «Современник» с цензорским разрешением Крылова. Пушкинисты уверены, что его в руках держал Пушкин, потому что без цензорского разрешения журнал нельзя было выпустить в свет, а издание с цензорским разрешением отправлялось автору или издателю.

Переехав в Германию на постоянное жительство, Бердичевский не прекратил ни собирательства, ни поисков пушкинских реликвий и всего, что связано с пропагандой имени Пушкина. Все собранное в дальнейшем передается в музей. В первую очередь это было связано с поисками книг произведений поэта, которые были изданы в 1920—1930 годы в Западной Европе русскими эмигрантскими издательствами. Например, Яков Исаакович сумел изучить и собрать практически все, что было исполнено русским художником В. Н. Масютиным (1884—1955 гг.) в Пушкиниане, а это 9 книг, изданных в 1922—24 гг. в Германии. Исключением стало издание «Полтавы», напечатанной в Чехии, в пригороде Праги — Смихове в 1932 году. Иллюстрации к этому изданию В. Н. Масютиным были исполнены в технике гравюры на дереве, и, к сожалению, издание так и не найдено, а посему до сих пор не описано. Бердичевский подготовил уникальный альманах «Прошли года чредою незаметной...». Он был задуман в манере журналов XVIII—XIX веков, когда все содержание альманахов порой составляли труды одного автора, как правило, издателя. В подзаголовке книги написано: «Альманах к 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина». Альманах состоит из ряда статей, связанных с Пушкинской тематикой, написанных лично Яковом Исааковичем Бердичевским, в которых описаны материалы, как из коллекции автора, так и из других собраний. Альманах был издан Центром русской культуры «WELT—MIR» в 1999 году. Прекрасная печать, мелованная бумага, интереснейшие иллюстрации, хорошо показывающие пушкинскую эпоху.

За свои заслуги в пропаганде пушкинского наследия Я. И. Бердичевский удостоен ряда наград общественных организаций. В 1999-й юбилейный Пушкинский год ему была вручена серебряная медаль А. С. Пушкина Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. В 2013 году он получил художественную премию «Петрополь» с формулировкой: «За создание музея А. С. Пушкина в Киеве и уникальную жизнь библиофила». Яков Исаакович, невзирая на годы, продолжает собирательство, пишет статьи, издает книги, и все это — на высочайшем уровне. Осталось пожелать ему долгих лет жизни, здоровья и новых находок и открытий.

Ранее в журнале были опубликованы статьи, посвященные собраниям Отто-Онегина («Нёман» № 9, 2015 г.), С. М. Лифаря («Нёман» № 3, 2016 г.) — крупнейшим собирателям материалов, посвященных А. С. Пушкину, его эпохе и окружению. Следует заметить, что по составу коллекций собрание Я. И. Бердичевского явно уступает собраниям Отто-Онегина и С. М. Лифаря. В нем нет автографов поэта, полного собрания прижизненных изданий, личных вещей поэта и его родственников, но эти собрания рассыпались, были поделены между музеями и собирателями, и в полном объеме их восстановить невозможно. Якову Исааковичу удалось не только сохранить собрание, но и открыть Музей поэта на его основе. Переданная в дар родному городу Киеву коллекция стала своеобразным памятником увлечению собирателя.

Олег СУДЛЕНКОВ

Книгосфера

«Задонщина»

Говоря о литературных преемниках «Слова о полку Игореве», можно с уверенностью сказать, что в этой сфере реальность подготовила нам своеобразную испытательную лабораторию для исторической поэтики. В особенности это относится к «Задонщине» по списку из собрания В. М. Ундольского. Подытоживая сложившуюся в медиевистике ситуацию, Г. Г. Хазагеров не без досады констатировал: «Получается, что язык в его лексическом составе и грамматическом строе изменяется, художественное сознание, со своей стороны, также изменяется, возникает и развивается система функциональных стилей, не прекращается процесс жанрообразования, а система экспрессивных средств, тесно связанная со всеми этими изменениями, остается вне исторического процесса. Конечно же, это не так»[1].

Уважаемый автор досконально рассматривает несколько семантически параллельных фрагментов в исторической трансформации их художественных средств. Говоря о фигурах «Словесного» истока, — отмечает их нечеткость, состояние размытости при общем сохранении лексического и синтаксического рисунка высказывания. Становится бесспорно ясным, что в «Задонщине» не имелось целью воссоздать заново эстетику «Слова», а пиететом перед его художественным совершенством стремились будить память о давнем, былом, чтоб достойно рассказать о великом деянии теперешнего времени — победе русских над степью.

Возобновим здесь для сопоставления отрывок из «Слова о полку Игореве» (предмет нашего внимания в этом издании) в координации с аналогом «Задонщины»:

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!...»	И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но толко часто вороны грают трупу ради человеческаго, грозно бо бяше и жалостьно тогды слышати[2].

Как видим, не только темы сообщений, но и структура их имеет много общего. Прежде всего это — временное и пространственное ограничение описываемых событий: «Тогда по Руской земли…» / «…в то время по Резанской земле». Замыкает оба отрезка текста

[1] Хазагеров Г. Г. Функционирование фигур и тропов в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» // Филологические науки. 1990. № 3. С. 3—4. Авторы «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»», к сожалению, обошли своим вниманием эту обстоятельную работу. См.:«Энциклопедия «Слова о полку Игореве»». СПб., 1995. Т. 2. С. 202 — 211, Т. 5. С. 369.

[2] Сказания и повести о Куликовской битве / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1982. С. 11.

в качестве формального показателя глагол «слышати». В двух случаях он имеет одинаковую коннотацию *обобщенно-резонансного отклика на внутреннюю мотивную зарисовку.* Она передает объективированно сложившуюся ситуацию, без авторских прямо выраженных вердиктов, однако во вполне четких общественно значимых интенциях. Но если в «Слове» завершающая «раму» фраза есть подведение итогов «то было» для создания контраста с последующим текстом «а сицей рати не слышано!..», то в «Задонщине» соответствующую функцию выполняет безличная синтагма, тяготеющая к передаче авторской субъективно-личностной оценки средствами категории состояния, то есть безучастной, пассивной сосредоточенности лирического «я» на чувствах, вызванных печальной картиной «грозно бо бяше и жалостъно тогды слышати».

Внутреннее повествовательное пространство «материализуется» в формах мотивно близких параллелизмов — фигуре, которая призвана замедлять поступательное движение сюжета, развитие его. При этом в «Слове» на параллелизмы приходится шесть глаголов, по своему значению связанных с активной жизнедеятельностью («кикахуть», «граяхуть», «дѣляче», «говоряхуть», «хотять», «полетѣти») и три отглагольных существительных, где семантика действия очень отчетлива («ратаевѣ», «рѣчь», «на уедiе»). Иная картина в «Задонщине»: только два глагола («кличют», «грают») и два отглагольных существительных («ратаи», «пастухи»), причем об этих референтах сказано, что они в равной мере себя никак не проявляют в доминирующем пространстве своего бытия («в полѣ не кличют»). Единственный энергично действующий здесь субъект — вороны — акцентно, «раздражающе», отрицательный, так как в правом, объектном ему актанте атрибутивными отношениями связаны ситуативные антонимы «труп» и «человек» как живое существо («часто вороны грают трупу ради человеческаго»).

Поэтому апелляция автора «Задонщины» к тексту «Слова о полку Игореве» лишь подчеркивает в ней своеобразие дискурса, национального и художественного миросозерцания иной эпохи. Отсутствие строгой энергетики лаконизма, готической, аскетичной модели высказывания и т. п., столь характерные для «Слова» (парадокс: как поэмы о поражении в битве), говорит о лакуне на Руси 1380 года ресурса генетического оптимизма. Если в исторической памяти автора «Слова» широким фоном для рассуждения о междоусобицах как причине поражения 1185 года служили европейски значимые победы русского оружия и дипломатии (походы на Константинополь, разгром Хазарского каганата, принятие христианства, ряд успешных походов на половцев), то автор «Задонщины» имел «за душой» слишком много бед порабощения воинского, экономического, политического и т. п.

Людмила ЗАРЕМБО

Содержание журнала «Нёман» за 2018 год

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

«СЯБРЫНА»: БЕЛАРУСЬ—УКРАИНА

«СЯБРЫНА»: ЛИТЕРАТУРА ГОСТЕЙ ДНЕЙ БЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

«СЯБРЫНА»: ПОЭЗИЯ НАРОДОВ РОССИИ

НАСЛЕДИЕ

СОПРИКОСНОВЕНИЕ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В «НЁМАНЕ»

Литературная Сербия

ЭПОХА

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

К 125-летию Максима Горецкого

К 100-летию Петра Машерова

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

ЛИЧНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Искусство суждения

С точки зрения рецензента

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

НАПОСЛЕДОК

Составила Елена КАХНОВСКАЯ.

КОЗЛОВ Анатолий Сергеевич. Родился в 1962 г. в д. Осиновка Краснопольского района Могилевской области. Окончил Гомельский государственный университет, аспирантуру Института литературы имени Янки Купалы НАН Беларуси. Прозаик. Автор книг прозы «Міражы ценяў», «...І тады я памёр», «Незламаная свечка» и др. Живет в Минске.

КАМЕЙША Казимир Викентьевич. Родился в 1943 г. в д. Малые Новики Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик. Автор многих книг для детей и взрослых. Лауреат Литературной премии имени Аркадия Кулешова и Национальной литературной премии. Живет в Минске.

ДЕЙКУН Раиса Васильевна. Родилась в 1954 г. на ст. Авраамовская (д. Партизанская) на Гомельщине. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор книги-исповеди «Мой ЧарноБыль, або Я боль людскі кранаў… рукамі…», сказок, сборника «Картошка — хлебу и… любви присошка» и др. Живет в Гомеле.

СКОРИНКИН Андрей Владимирович. Родился в 1962 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького (Москва). Автор множества поэтических книг и музыкальных альбомов. Член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской Академии славянского просвещения. Живет в Минске.

БУТЕВИЧ Анатолий Иванович. Родился в 1948 г. на хуторе Язовец Несвижского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор многих книг прозы, драматургии, публицистики, переводов. Лауреат премии имени Василя Витки и др. Живет в Минске.

НЕСТЕРОВ Алексей Григорьевич. Родился в 1980 г. в Минске. Окончил отделение живописи Минского художественного училища им. А. К. Глебова и отделение станковой живописи Белорусской государственной академии искусств. Художник, поэт, музыкант. Автор трех сборников поэзии. Живет в Минске.

ЭННА Франко (Каннароццо Франческо). Родился в 1921 г. в г. Кастроджованни (сейчас Энна) на Сицилии (Италия). Поэт, драматург, сценарист, журналист. Автор множества романов, пяти сборников поэзии и др. Обладатель премии «Euno» от «Kiwanis Club» в Энне. Умер в 1990 г. в г. Лугано (Швейцария).